

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2020. Т. 42. № 3

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2020. Т. 42. № 3

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет
(Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет;
Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS)
(Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении
(Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- Т. П. ЛЁННГРЕН**
д. философии, профессор, Университет Тромсё –
Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН,
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- Т. РУСЕН**
д. философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук
Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет
(Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический
университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор,
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии
(Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт
кинематографии им. С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., Санкт-Петербургский государственный институт
кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)
- К. А. МЮКЛЕБУСТ**
д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет
Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Московский государственный областной
университет (Москва, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН
(Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии
(Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2020. Vol. 42. No 3

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, PhD in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, Armenian National Academy of Sciences (Erevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, University of Dzeti (Tokyo, Japan)
- T. LÖNNGREN**
Doctor of Philosophy, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- TH. ROSÉN**
Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Göteborg, Sweden)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŪNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Archangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Saint Petersburg State University of Film and Television (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
PhD in History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
PhD in History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Лённгрен Л. Русский предлог <i>о</i> с винительным падежом: валентностный анализ	71
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ			
Головачева Е. А., Седельникова О. В. Концепт «семья» в смысловой структуре и поэтике романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»	8	Патроева Н. В. Риторическая теория и практика М. В. Ломоносова в зеркале словарей	78
Семячко С. А. К истории дисциплинарного устава Киево-Печерского монастыря	19	Загребельный А. В. Авторская паремия <i>Вот тебе, бабушка, и конституция!</i> в русском языке начала XX века	85
Шарапенкова Н. Г. «Орнамент оттенков»: о символике цвета в романе Андрея Белого «Москва»	25	Кузьмина И. С. Идиостилистические аспекты текстовой референции англоязычных произведений для детей.	91
Надежкин А. М. «Господь примиряет сердца князей». Две патрологические традиции в толковании и переводе стиха из Книги Иова 12:24.	34	Шерстнева Е. С. Переводная множественность в контексте эволюции переводческой рецепции оригинала: культурологический и этический аспекты	96
Наумчик О. С., Смирнов В. Н. Концепция Мультивселенной в литературе фэнтези: от М. Муркока до А. Сапковского	43	Аветисян А. Ф. Сопоставительный анализ вербальных и невербальных репрезентантов концепта <i>страх</i> (на материале евангельских текстов и романа Ч. Айтматова «Плаха»)	103
Абросимова Д. Д. Краевед – собиратель фольклора А. А. Моисеев.	52	Рецензии	
Кунильская Д. С. Византизм К. Н. Леонтьева в контексте русских споров	58	Милютин Ю. В. Рец. на кн.: Страна Бондалетия: сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета	111
ЯЗЫКОЗНАНИЕ			
Храковский В. С. О соотношении причинных и каузативных конструкций	64	Павлова Н. П. Рец. на кн.: Елисеева М. Б. Справочник по орфографии и пунктуации: практическое пособие	114
		Научная информация	117
		Contents	118

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.03.2020. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 55 экз.). Изд. № 42

12+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ
ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор
Н. В. Патроева

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Предлагаемый вашему вниманию мартовский номер содержит разнообразные статьи, посвященные исследованию патрологических и уставных памятников, русской художественной и философской классики XIX – начала XX столетия, а также интересный материал для фольклористов и специалистов в области жанра фэнтези.

В разделе «Языкознание» публикуются исследования в области лингвокультурологической проблематики и паремиологии, переводоведения, а также – в качестве анонса – статьи В. С. Храковского, Л. Лёнгрена, Н. В. Патроевой, материал которых будет положен в основу будущих пленарных докладов «Вторых Фортунатовских чтений» (Первые Фортунатовские чтения проводились кафедрой русского языка ПетрГУ осенью 2018 года при поддержке РФФИ). Конференция, запланированная на 17–19 сентября 2020 года, посвящена лингвистическому наследию выдающегося русского языковеда, главы Московской неограмматической школы Ф. Ф. Фортунатова (1848–1914), жизнь и деятельность которого тесно связаны с Карелией, где он учился в Олонецкой губернской мужской гимназии г. Петрозаводска, а на своей даче в д. Косалма, уже будучи лингвистом с мировым именем, принимал коллег и учеников – известных языковедов из России и Западной Европы. Основные направления работы и вопросы, предлагаемые для обсуждения на конференции и нашедшие отражение в тематике пленарных и секционных заседаний:

- история языкознания и вклад Ф. Ф. Фортунатова в развитие мировой лингвистической мысли; ученики и последователи Ф. Ф. Фортунатова;
- проблемы описания грамматического строя и фонетической системы языка и речи; морфологическая и синтаксическая типология языков;
- историческая фонология, грамматика, лексикология;
- историческая стилистика; история русского литературного языка и словесности;
- этимология и лексикография;
- русская диалектология, ареальная лингвистика;
- сравнительно-историческое языковедение; эволюция и взаимодействие славянских, балтийских, германских, романских и др. индоевропейских языков;
- финно-угроведение (уралистика);
- древние языки; памятники старославянского языка;
- актуальные проблемы современных грамматических исследований;
- современные методические основы преподавания русского языка в высшей и средней школе.

Выражаем надежду, что организация международного научного форума, посвященного творческому наследию Ф. Ф. Фортунатова и созданной им Московской лингвистической школы, будет способствовать решению фундаментальных научных проблем сравнительно-исторического и типологического изучения индоевропейских языков, возрождению интереса к истории русского литературного языка, к поискам новейших методов изучения грамматического уровня языковой системы.

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛОВACHEВА

аспирант Отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки

Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Российская Федерация)

eagolovacheva@tpu.ru

ОЛЬГА ВИКТОРОВНА СЕДЕЛЬНИКОВА

доктор филологических наук, профессор Отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки

Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Российская Федерация)

sedelnikovaov@tpu.ru

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ И ПОЭТИКЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»*

Исследуются функции концепта «семья» в организации смысловой структуры и поэтики романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Рассмотрены эпизоды произведения, в которых концепт объективируется посредством лексем, входящих в ядро его номинативного поля, и расширяющих его авторских элементов. Выявляются признаки концепта «семья», как относящиеся к традиционным для русской языковой картины мира (*единство, милосердие, порядочность*), так и индивидуально-авторские. Изучая пореформенное состояние городов, Достоевский сосредоточивает внимание на нравственных и социальных аспектах семейных отношений, поэтому значительную роль в обогащении аксиологического содержания концепта играют признаки *болезнь, бедность, разрушение, несчастье, рабство, смерть*. Их актуализация позволяет писателю изобразить трагедию распада русской семьи и масштаб данной тенденции. Дифференциация и параллельная актуализация в художественном целом романа нескольких взаимоисключающих признаков свидетельствует о решаемой автором задаче изображения не только кризисных явлений в русском обществе, но и поиска путей их преодоления. Делается вывод о том, что концепт «семья» принадлежит к числу наиболее важных смыслообразующих концептов романа «Преступление и наказание» и проявляет себя на важнейших уровнях поэтики (жанр, композиция, сюжет, система персонажей).

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание», художественная картина мира, русская языковая картина мира, художественный концепт, концепт «семья», поэтика

Для цитирования: Головачева Е. А., Седельникова О. В. Концепт «семья» в смысловой структуре и поэтике романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.459

ВВЕДЕНИЕ

Роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» посвящено значительное количество исследований¹. Безусловный интерес вызывает изучение особенностей картины мира и способов ее организации в наследии писателя [4], [7], [22], в том числе исследование элементов концептосферы указанного романа², но один из основных концептов произведения – «семья» – не становился предметом изучения.

Для изучения художественной картины мира «Преступления и наказания» важным является выделение системы образующих ее базовых концептов³: они выступают в качестве доминант смысловой структуры текста⁴, определя-

ющих особенности авторского варианта картины русского мира⁵ в рамках изучаемого произведения, обеспечивают единство сюжетных линий, организуют композицию произведения, выстраивают систему образов [7: 127, 141]. Результаты многолетнего опыта изучения и комментирования романа указывают на то, что в основе его художественной картины мира лежат православные идеи [16], организующие его аксиологически-сложную архитектуру [14: 342], [26: 13], [29: 132, 182, 191]. Основу замысла формирует идея спасения души, нравственного восстановления и «воскресения» к новой жизни, утверждение животворной природы православия [5: 31–32], [9: 400–403], [16], [26: 43–47]. Сюжетно-образующую функцию выполняют концепты

«преступление» и «наказание», формирующие проблемное поле: их взаимосвязанная актуализация позволяет показать глубину кризиса, постигшего современное общество, выявить его причины, наметить пути выхода из него [13]. История создания романа свидетельствует о тесной взаимосвязи концептуального поля «преступление / наказание» с концептом «семья», который формирует определенный смысловой пласт произведения, проявляя себя при воссоздании деталей картины современной русской жизни и осмысления положения человека в ней⁶. В современном литературоведении рассмотрению темы семьи в творчестве Достоевского и в «Преступлении и наказании» посвящены многочисленные исследования⁷. Предпринимаемое в настоящей статье обращение к способам объективации КС⁸ позволит поставить вопрос об их функции в поэтике романа и уточнить научные представления о проблеме семьи в оформлении аксиологии фона данного произведения.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В РОМАНЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»: ОТ СЛОВА К ПОЭТИКЕ

На особое значение КС в смысловой структуре романа указывает, во-первых, история создания произведения: на этапе формирования замысла Достоевский обдумывал повесть «Пьяненькие» как историю отдельных семейств пореформенной России с описанием картин воспитания детей в атмосфере разрушения традиционных православных ценностей⁹ [15: 4], [17], [26: 12–15], [29: 137–138]. Во-вторых, истории семейств становятся фоном для изображения пути Раскольникова, звеном, связующим «внутреннюю драму главного героя и его идею»¹⁰ [2: 191]. Образы семей вносят важные штрихи в картину кризисного состояния пореформенного российского общества [29: 15]. Для русской национальной картины мира (и любой патриархальной культуры) семья является важнейшим концептом [25: 694–699], тесно связанным с православными ценностями. Результаты исследований, посвященных изучению КС в РЯКМ¹¹, свидетельствуют о том, что ядро номинативного поля на языковом уровне составляют морфологические формы лексемы *семья* и ее дериваты *семьянин*, *семейство*, *семейственность*, а также слова, обозначающие степень родства (*отец*, *мать*, *дети*)¹². В РЯКМ КС обладает положительными эмотивно-оценочными коннотациями, его главным признаком является *родовое единство*¹³, которое с приходом христианства дополняется *единством духовным*¹⁴, *любовью*

и *самопожертвованием*. КС включает ценностные компоненты, акцентированные признаками *взаимопомощь*, *участие*, *милосердие*, *забота*, *порядочность*, *миропорядок*, *гармония*¹⁵.

Ядро номинативного поля КС в исследуемом романе составляет традиционный для русского языкового сознания набор лексических единиц: *семья* (7), *семейство* (15), *семьянин* (1), *семейный* (4), *родственник* (8), *родственница* (9), *родственный* (5), *родные* (9), *родной* (8), *родительский* (1), *родитель* (4), *мать* (142), *сестра* (105), *сестрин* (2), *сестрица* (26), *отец* (6), *дети* (100), *детский* (19), *детство* (6), *мачеха* (3), *брак* (29) [3] (рис. 1, 2).

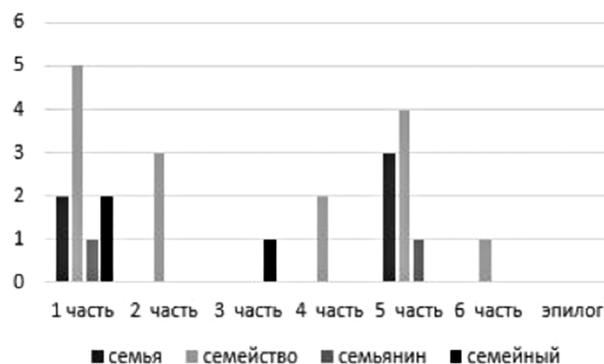

Рис. 1. Распределение ядерной лексики КС и ее дериватов по частям романа

Figure 1. Distribution of nuclear lexemes and derivatives of the concept of family (CF) by parts of the novel

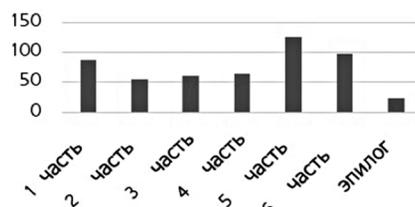

Рис. 2. Распределение элементов номинативного поля КС по частям романа

Figure 2. Distribution of the CF nominative field elements by parts of the novel

Обращение к количественным показателям частотности использования единиц, принадлежащих номинативному полю КС, свидетельствует о том, что они последовательно реализованы в тексте, наиболее активны в 1-й и 5–6-й частях романа, представляющих экспозицию и развязку сюжетного действия. Этот факт заставляет обратить внимание на композиционную функцию КС.

Рассматривая разрушение православных основ национального бытия, Достоевский вносит существенные коррективы в особенности вербализации КС в РЯКМ: он вводит в ближнюю

периферию номинативного поля комплекс негативных признаков. За их счет происходит расширение аксиологического потенциала КС в романе и поддержание трагического напряжения сюжета. Важнейшим среди авторских признаков становится *болезнь*. Разнообразие его вариантов позволяет подчеркнуть всеобъемлющую деградацию социума через разрушение семьи как традиционной основы патриархальных отношений:

физическая болезнь (болезнь, больной, болезненный, жар, красные пятна на щеках, чахоточное, иссохшие губы, кашляла), психическая болезнь (сумасшедшей, полусумасшедшая, помешательство, бред), социальная болезнь (пьянство, пьяный, пил, штоф, барки).

В силу масштаба разрушения семейных ценностей особенно тщательно разрабатывается признак *разрушение* с субпризнаками:

духовный распад (безобразный, развращенный вид), отсутствие любви (если б она пожалела меня, несправедливая, крики, попреки, упреки, ненавижу), утрата ответственности (бросила детей, слишком доверялся развратным людям, бог знает с кем он не пил, ничем не должен быть обязан), одиночество / вынужденный уход (некуда было идти, не могла остаться, не могу выносить, сгонит, отказались, сироты), презрение к традициям (другое устройство общества, завожу коммуны, не хочет жить среди предрассудков), неверность (приглянуть на сенных девушек, отдалась, любовница).

Авторские характеристики жизни различных семей, встречающиеся в тексте, формируют также следующие признаки:

несчастье (несчастье, несчастного, отчаяние, горе), рабство (в полном рабстве), физическое насилие (высечет, побои, прибьет), жертвенность (жертвует, жертвы, терпевшая, работавшая день и ночь, восходить на Голгофу, вечная Сонечка, себя продать), бедность (бедное, беднейшее, забедневшее, голодных, голод, доведенное до нищеты), смерть (отходил, умер, уездили клячу, надорвалась).

Дальнюю периферию в романе образуют традиционные для РЯКМ положительные признаки КС, обладающие семантикой родственного духовного единения:

ценность (ценил), единство (мы, вместе, все, лоно, одной дорогой), порядочность (благородны(ое), почтенное, уважавший, уважал), любовь / милосердие (добрый, любивший).

Они служат для изображения идеальной модели семьи в представлениях героев (Мармеладова, Пульхерии Александровны, Родиона Раскольникова, Катерины Ивановны).

Масштабное осмысление КС получает уже в первой части романа, где детально проработаны важнейшие для авторской концепции негативные признаки. Все герои получают

здесь характеристику через отношение к семье. Признак *разрушение* явственно обозначен в экспозиции к истории Раскольникова. Он вводится благодаря образу блудного сына, актуализированному впервые в эпизоде закладывания подаренных Родиону часов покойного отца, что свидетельствует не только о крайней финансовой нужде героя. Поступок подчеркивает желание избавиться от предмета, который напоминает о семье и традиционных ценностях. Эпизод глубоко символичен: часы являются воплощением мирового времени, но в мире, поклоняющемся золотому тельцу, время становится товаром. Бессознательный страх перед скоротечностью человеческого бытия подталкивает героя к богоборчеству и мессианскому преступлению с целью возрождения времени бедных [36: 11–45]. В этом поступке наблюдается проявление своеволия и гордыни, которые мешают Раскольникову отказаться от своей идеи и ведут к трагедии.

Наиболее ярко КС актуализирован в сцене в трактире: Раскольников узнает о судьбе семьи Мармеладовых, столкнувшейся с губительной окружающей действительностью и переживающей духовный и физический кризис. В процессе разработки образов «случайных семейств» (XXV: 178–179) писатель переосмысливает опыт различных представителей русской и европейской литературы, в том числе О. Бальзака, Р. Н. Стендаля, Ж. Санд, Э. Сю, Г. Флобера, Ч. Диккенса¹⁶ [20: 36], [29: 188], [32], в творчестве которых проблематизируются различные аспекты семейной жизни. Историю семьи Мармеладовых автор воспроизводит, апеллируя к восприятию Раскольникова, суммирует впечатления героя: «*Этот кабак, развращенный вид, пять ночей на сенных барках и штоф, а вместе с тем эта болезненная любовь к жене и семье...*» (VI: 19)¹⁷. Уже в первом эпизоде, характеризующем семью Мармеладовых, актуализируется признак *болезнь (болезненная любовь)*, который в дальнейшем будет играть важную роль в развертывании трагических событий. Симптоматично, что проявление признака *болезнь* характерно и для сюжетобразующего поля «*преступление и наказание*»: зарождение патологической идеи Раскольникова многократно представлено в качестве проявления *болезненного состояния*. Болезнь социальная выражена пристрастием Мармеладова к выпивке, на это косвенно указывают лексемы: *штоф, кабак, развращенный вид, пил, пропил*. В конечном счете именно болезнь Мармеладова приводит его к духовной и физической гибели, свидетельствует

о потере им ответственности за семью, что влечет и ее разрушение. Важно авторское указание на окружающий Мармеладова топос, заменивший герою дом, теплоту и радость семейных отношений: *сенные барки, кабак, распивочные*. Вместо близких людей Мармеладова окружают посетители трактира, глядящие на него с чувством презрения, смеющиеся, осыпающие его ругательствами (VI: 19).

Признак *болезнь* проявляется на протяжении всего романного действия, но особую активность приобретает вновь в развязке романа в сценах поминок Мармеладова и смерти его супруги. Так, слова Катерины Ивановны на поминках акцентируют внимание читателя на главном пороке главы семейства – пьянстве:

«Покойник муж, действительно, имел эту слабость, и это всем известно <...> но это был человек добрый и благородный, любивший и уважавший семью свою; одно худо, что по доброте своей слишком доверялся всяким развратным людям и уж бог знает с кем он не пил <...>» (VI: 296).

КС представлен номинативной лексемой *семья*, а также единицей, принадлежащей ближней периферии, – *муж*. Сложный комплекс чувств, включающих и гордыню, и традиционное в культуре положительное отношение к умершим, заставляет ее, находясь в состоянии аффекта, приукрасить образ главы семьи, что маркировано использованием лексемы *слабость*. Это указывает на амбивалентность чувств: благодарность мужу и разочарование в нем, поэтому в реплике присутствуют одновременно несколько противоположных признаков КС. С одной стороны – *утрата ответственности (слишком доверялся развратным людям, бог знает с кем он не пил)*, а с другой – не встречающийся в первой части романа признак *порядочность (добрый, доброте, любивший, благородный, уважавший)*. Антитеза решает задачу изображения разрушенной семьи и характеристики ее главы, который не лишен положительных качеств, но и не способен справиться со своими пороками, что в конечном итоге приводит обоих супругов к гибели. Уже в первой части романа факт разрушения семьи воспринимается даже опустившимися героями в качестве трагедии. Об этом свидетельствует признание Мармеладова в диалоге с Раскольниковым:

«И в продолжение всего того райского дня моей жизни и всего того вечера я и сам в мечтаниях летучих препровождал: и то есть как я это все устрою, и ребяташек одену, и ей (жене. – Е. Г., О. С.) покою дам, и дочь мою единородную от бесчестья в лоно семьи возвращу» (VI: 19).

КС представлен в этом фрагменте последовательно: сначала единицами, входящими в ядро, характеризующими субъектов семейных отношений (*ребятишек, дочь*), а лишь затем номинативной лексемой *семья*. Последовательность репрезентантов отражает шаги Мармеладова по восстановлению семьи и свидетельствует о том, что в его сознании сохранились аксиологические ориентиры. Фраза героя передает и тонкий смысловой оттенок, связанный с испытываемой им внутренней драмой: ответственность перед близкими постоянно осознается Мармеладовым важным качеством главы семьи, но не становится предметом его гордости, а воспринимается как бремя. Описывая планируемые героем действия по воссоединению семьи, автор вводит возвышенную лексику: *райского дня, мечтаниях летучих*, указывая на одну из главных проблем Мармеладова – мечтательность природы, которая не позволяет ему противостоять давлению окружающего мира и бороться за счастье своей семьи. Поведение героя обусловлено присущими ему психологическими чертами «слабого сердца» [31: 34], которые приводят его к саморазрушению. Словосочетание *ребятишек одену* акцентирует внимание на обнищании семьи Мармеладовых, актуализируя признак *бедность*, который получит последовательную проработку в романе и станет определяющим критерием необходимости и правомерности пролития «крови по совести» для Раскольникова: в условиях крайней нищеты находятся семья Капернаумовых (*беднейшее семейство*), приезжее семейство мещанина (*забедневшее семейство*), упоминаются десятки семейств, которых, как кажется Раскольникову, можно спасти от нищеты за одно, крошечное преступленьце (VI: 54). Изображая бедственное положение многих семей, Достоевский решает одну из поставленных в романе задач – показать подлинный масштаб проблемы, истоки которой лежат как в искажении нравственных идеалов субъектами семейных отношений, так и в коренной ненормальности социальных отношений в буржуазной цивилизации.

Во второй части рассматриваемого эпизода проявляется признак *единство*, характерный для РЯКМ. Он актуализирован лексемой *лоно*, обозначающей место, в котором возможно благополучное развитие ребенка и избавление от греха – от бесчестья дочери. Авторский выбор лексической единицы подчеркивает ценность семейного дома для будущего детей, осознанную Достоевским еще в юности (XXV: 172), а также символический характер пространства жизни семьи в романе и в наследии писателя в целом.

Лоно актуализирует патриархальные смыслы кровной связи человека со всеми составляющими семьи, включая дом, и определяет внимание писателя к детальной проработке пространства жизни бедных семейств. Замкнутый, созидающий душевное и физическое здоровье личности мир семейного дома-лоно, микрокосма настойчиво заменяется в романе пространством «домов» бедных: нарочито разомкнутых углов или проходных помещений, неспособных защитить, сохранить тепло и домашний уют, границу которых в любой момент могут нарушить чужие. Мечта Мармеладова о восстановлении семьи отражает диалектику творческого метода Достоевского, выступающую одной из важных особенностей мировидения «реалиста в высшем смысле» (XXVII: 65): в одном конкретном образе писатель соединяет представление об идеале и изображение его трагической судьбы в современном мире. Актуализированный в реплике архетип блудного дитя имеет в романе несколько вариантов [11: 77–78] и прослеживается в историях Раскольников, Дуни, Катерины Ивановны, Сони и пьяной девочки, которые изображаются писателем в первой части романа. В сюжетной перспективе никто из этих блудных детей не сможет уже вернуться в отчий дом для воскресения к новой жизни. Разрабатывая субпризнак уход из семьи, автор вводит гендерное противопоставление персонажей, акцентирующее внимание на социальном положении женщины. Повторяющиеся элементы историй перечисленных героинь, сконцентрированные в первой части романа, подчеркивают, что в женских судьбах уход из семьи будет являться вынужденной мерой, следствием разрушения патриархальных ценностей и неспособности мужчин достойно выдержать вызовы буржуазного общества. Мармеладов рассказывает о судьбе Катерины Ивановны, которая пошла замуж за нелюбимого, *ибо некуда было идти, так как родные все отказались* (VI: 16). В истории с пьяной девочкой о вероятности вынужденного разрыва с семьей размышляет Раскольников: «...*мать узнает... Сначала прибьет, а потом высечет, больно и с позором, пожалуй и сгонит...*» (VI: 43). Фрагменты указывают на масштабы разрушения таких важных качеств семейных отношений, как *единство, взаимозависимость и ответственность* за судьбу ближних, особенно детей. Нормой семейных отношений становятся побои (*прибьет, высечет*), актуализирующие признак *физическое насилие* (последний акцентирован и в истории Мармеладовых (*вихры мои дерет*)). Не желают ухода из семьи Дуня и Сонечка, но в сложившихся обстоятельствах

они жертвуют собой ради спасения родных. Их поступки вводят в поле романного осмысления КС признак *жертвенность*, который подчеркивает высокое значение семьи для носителей традиционных ценностей.

Через отношение к семье в первой части романа получают характеристику и такие герои произведения, как Алена Ивановна, Лужин, Свидригайлов – все они демонстрируют глубину дегуманизации общества и разрушения равенства и взаимозависимости людей и их замены на индивидуалистические отношения, при которых все строится на подавлении и унижении близких. Из слов студента Раскольников узнает о скверном характере старухи-процентщицы, которую называют *стервой ужасной, злой и капризной*. Он сообщает, что Алена Ивановна является старшей и сводной сестрой Лизаветы, над которой она полностью властвует и, несмотря на полное подчинение младшей сестры, завещает все свое состояние на «*вечный помин*» (VI: 53) своей души:

«Лизавета была младшая, сводная (от разных матерей) сестра старухи, и было ей уже тридцать пять лет. Она работала на сестру день и ночь, была в доме вместо кухарки и прачки и, кроме того, шила на продажу, даже полы мыть нанималась, и всё сестре отдавала» (VI: 53).

Примечательно, что мнение студента полностью совпадает с представлениями Раскольникова о Лизавете: «...*бывшая в полном рабстве у сестры своей, работавшая на нее день и ночь, терпевшая перед ней и терпевшая от нее даже побои*» (VI: 51). КС передан лексемами, принадлежащими ядру: *сестра, матерей*. Брошается в глаза активность использования негативных индивидуально-авторских признаков концепта *насилие и рабство*. Они акцентируют внимание на ненормальном положении Лизаветы, указывают на деградацию семьи, свидетельствуют об отсутствии общности, любви, сочувствия между сестрами, подавлении, подчинении близкого человека, насилия по отношению к нему. Взаимоотношения сестер носят характер отношений насильника и жертвы, а принятие ими данных ролей свидетельствует о двойной деформации модели семьи.

Важные детали к образу семьи в современной России вносит первая характеристика Лужина: «...*муж ничем не должен быть обязан своей жене, а гораздо лучше, если жена считает мужа за своего благодетеля*» (VI: 51). Автор лаконично передает суть убеждений Лужина как субъекта основанных на индивидуализме и жажде наживы буржуазных отношений, в которых нет представлений о единстве

и взаимозависимости членов семьи. Достоевский не использует объединяющую лексему *семья*, но делает акцент на субъектах семейных отношений, иерархически противопоставляя *мужа* и *жену* и усиливая антитезу отрицанием (*ничем не должен*) и введением лексемы *благодетель*, уточняющей статус мужа в современном мире и господство в такой «семье» зависимости и рабства. Текстуальная близость описания семейных представлений Лужина рассказу Мармеладова позволяет заострить внимание читателя на антитезе двух концепций семейных отношений. Картину дополняет история семьи Свидригайлова. В ее описании доминируют признаки *разрушение семьи* и *неверность*. О пренебрежительном отношении главы семьи к институту брака и отрицании им моральных законов свидетельствуют существительное *любовница* (VI: 363), повторяющееся Свидригайловым несколько раз, и выражение *«приглянуть на сенных девушек»* (VI: 363). Факт существования «изустного контракта» между Свидригайловым и его супругой вводит в романное осмысление КС упоминание о привычных пороках помещичьих семей: крепостных любовницах, незаконных детях. Достоевский указывает на давние корни болезни случайных семейств, связанной с отрывом образованного слоя русского общества от почвы.

Таким образом, в первой части романа КС получает последовательную проработку. Наиболее ярко актуализируются признаки *болезнь*, *бедность*, *разрушение*, *рабство*, *жертвенность*, *физическое насилие*, которые будут повторяться на протяжении всего романа. При этом в сознании потерянных (Мармеладов) им противопоставляется идеал семейной гармонии и *единства*. В развязке романа диалектика сохраняется. Детальная работа со словом и актуализация положительных признаков *порядочность*, *ценность*, *милосердие / любовь* (речь Катерины Ивановны о покойном супруге), а также отрицательных (*страх* (*страх*, *страшно*, *со страхом*), *смерть* (*смерть*)), проявленных в развязке романа, уравновешиваются известием о спасении детей и надеждой на появление новых семей, основанных на возрождении православных ценностей.

Система образов, выстроенная в первой части романа, получает далее всестороннюю проработку: семья и семейные отношения составляют важнейший контекст жизни всех персонажей (неслучайно от «всеведущего» автора (VII: 146) узнаем о том, что Порфирий Петрович холост). Работая со словесной тканью, Достоевский уделяет особое внимание настойчивому нагнетанию признаков разрушения подлинных отноше-

ний между людьми. Остановимся на наиболее важных фрагментах, не только повторяющих обозначенные ранее признаки, но дополняющих трагическую картину разрушения семьи. После преступления у Раскольникова возникает желание разорвать с семьей и со всем человечеством. Оно постепенно проявляется в процессе описания поведения героя при встрече с матерью и Дуней (VI: 150). Полное и неожиданное для героя осознание этих новых чувств к близким проявляется позже: *«Мать, сестра, как любил я их! Отчего теперь я их ненавижу? Да, я их ненавижу, физически ненавижу, подле себя не могу выносить...»* (VI: 212). Герой задумывается о том, что изменило его в отношении к любимым людям. Бросается в глаза резкое противопоставление переживаемых чувств по отношению к матери и сестре на фоне памятного читателю острого сострадания и любви к ним, присутствовавших при чтении письма матери. Накал чувств изображен писателем при помощи выразительной антитезы (*как любил – теперь ненавижу*). Троекратный повтор формы глагола *ненавижу* и резюмирующее выражение (*подле себя не могу выносить*) подчеркивают появление нового признака КС – *ненависть*, характеризующего психологическое и физическое состояние героя. Это чувство является первым импульсом, выявляющим противоречащую разуму подсознательную оценку свершившегося, когда все человеческое естество восстает против идеи. На синтаксическом уровне заметен резкий переход от размеренных, логично организованных последовательностью причинно-следственных связей сложноподчиненных предложений, оформляющих доказательства обоснованности и необходимости убийства в речи Раскольникова (после первого разговора с Порфирием), к коротким, эмоциональным, будто рубленным фразам, отражающим первые движения души к осознанию преступления. Актуализация негативных признаков КС, демонстрирующих резкое изменение отношений к любимым близким людям, сострадание к которым отчасти и породило преступную идею, становится важным средством психологического анализа: автор подчеркивает глубину падения героя в нравственную бездну, вызванную рационализмом и дерзким богоборчеством. Далее следует второй сон Раскольникова, в котором он вновь совершает свое преступление уже без трепета, исходя злобой: эпизод является в романе важнейшим указанием на близость героя гибели [26: 264–266].

Изменения, открывающие Раскольникову путь к спасению, происходят под влиянием общения

с Соней. В сцене визита к девушке, предваряющей кульминационный эпизод чтения Евангелия, вновь с особой силой изображается трагедия семьи Мармеладовых (VII: 250). На этом фоне под воздействием сложного комплекса переживаний, вызванных разговором с Соней, осознанием ее трагедии и неожиданной силы жертвенной любви и последующим чтением притчи о воскресении Лазаря, Раскольников впервые переживает новые чувства, которые противостоят индивидуализму, одиночеству и недоверию, распаду семьи. Они обозначены в его реплике: «*Пойдем вместе... Я пришел к тебе. Мы вместе прокляты, вместе и пойдем <...> Нам вместе идти одной дорогой*» (VI: 252). Неожиданно для себя герой кланяется «всему человеческому страданию», воплощенному для него в образе Сони, и начинает путь к признанию и возможности покаяния: настойчиво проявляется признак *единство*, на это указывают местоимения *мы*, *нам*, трехкратное повторение наречия *вместе* и глагола *пойдем* в четырех разных формах, а также обстоятельство *одной дорогой*. Фраза «*Я пришел к тебе*» акцентирует внимание читателя на попытке героя преодолеть разобщенность с внешним миром. Актуализация признака *единство*, который является основным в РЯКМ, указывает на важный для автора смысловой акцент – потребность единения для обретения возможности «воскресения в новую жизнь» [16], [26: 44–47].

В развязке романа тема семьи вновь выходит на передний план, что проявляется в заметном возрастании использования единиц, принадлежащих ядру номинативного поля КС (см. рис. 1). Сложный путь Раскольникова к признанию вины изображается на фоне последнего акта трагедии Мармеладовых. Дополнительные штрихи к осмыслению судьбы семьи в современном обществе Достоевский вводит размышлениями Лужина о разрыве с Дуней и собственной недалекновидной жадности из желания «*их в черном теле попридержать и довести их, чтобы они на меня как на провидение смотрели*» (VI: 277) и словами Лебезятникова, который заводит разговор о «молодых прогрессистах» и коммунах, получивших распространение в реформенной России:

«Вон у нас обвиняли было Теребьеву (вот что теперь в коммуне), что когда она вышла из семьи и... отдалась, то написала матери и отцу, что не хочет жить среди предрассудков и вступает в гражданский брак, и что будто бы это было слишком грубо, с отцами-то <...> Вон Варенц семь лет с мужем прожила, двух детей бросила, разом отрезала мужу в письме <...> что существует другое устройство общества, посредством коммун. Я недавно всё это узнала от одного ве-

ликодушного человека, которому и отдалась, и вместе с ним завожусь коммуны» (VI: 282).

КС объективирован существительными *семья* с глаголом *вышла*, *детей* с глаголом *бросила* и словосочетанием *гражданский брак*: они характеризуют двух жен, демонстрирующих презрительное отношение к долгу перед близкими и ответственности за них. Традиционный образ хранительницы семейного очага подменяется образом разрушительницы, а сам очаг переосмысливается: из символа непреложных ценностей превращается в пережиток старины, требующий уничтожения. На это указывают повторяющийся глагол *отдалась* и существительное *коммуна*, расширяющее авторское осмысление КС, а также глагол *не прощу*. Признак *разрушение* обозначен уходом матери и жены в коммуны – эрзацу семьи в мире ложных ценностей. Контексты актуализируют признаки *утрата ответственности* и *презрение к традициям*, которые возникают по собственной воле жен и матерей. На данных примерах Достоевский демонстрирует распространение новомодных веяний, занимающих место отвергнутых традиционных основ жизни¹⁸. На фоне гибели семьи Мармеладова новый вариант развития семейных отношений акцентирует в развязке эсхатологические мотивы.

КС получает новое авторское осмысление в конце романа: моделируются образы новых семей, которые образуются парами Дуня – Разумихин и Раскольников – Соня. Во фрагментах, характеризующих перспективы будущих семей, заметно нарастает традиционный для КС в РЯКМ признак *единство*, что позволяет Достоевскому изобразить процесс восстановления семейных ценностей, который основывается на внутренних нравственных чувствах героев, воспоминаниях об отчем доме, желании обрести духовное единение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, традиционный для русской национальной картины мира КС является одним из основных смыслообразующих элементов картины мира романа Достоевского «Преступление и наказание». Его ядерные репрезентанты последовательно проявляются в словесной ткани во всех частях произведения. Присутствие большого количества лексем, формирующих ближнюю и дальнюю периферию КС, вносит важные смысловые акценты и существенно дополняет аксиологическое содержание романа за счет обогащения индивидуально-авторскими признаками (*болезнь*,

разрушение семьи, бедность, несчастье, рабство, физическое насилие, утрата ответственности, смерть). Чтобы акцентировать внимание читателя на указанных признаках, писатель использует характерные для его идиостиля приемы (стилистически-маркированная лексика, включение повторов, местоимений, номинирующих КС, синтаксический рисунок фраз). Изменение иерархии признаков по сравнению с РЯКМ, где доминируют положительные начала, воплощает представления Достоевского о трагедии семьи и важнейших причинах деградации патриархальных ценностей. КС реализует важные функции в поэтике романа, обеспечивая композиционную целостность и четкость произведения, сюжетное единство и акцентируя жанровую специфику «Преступления и наказания». В экспозиции посредством историй Мармеладовых, Раскольниковых и других семей автор указывает на проблему вырождения института семьи в России. В 5–6-й частях проблема семьи вновь приобретает актуальность, причем признаки *разрушение* и *смерть* соседствуют здесь с *уважением, единством, любовью*. Детали истории семьи Мармеладовых и других семей, сконцентрированные в экспозиции и развязке, окружают историю убийцы и описание его сложного пути к признанию, становятся факторами, подталкивающими главного героя к осознанию вины и выбору необходимости покаяния и обеспечивают трагическое звучание сюжета, что, в свою очередь, поддерживает важнейшие элементы поэтики романа-трагедии. Работа со

словом позволяет Достоевскому выявить прямую связь между распадом семейных ценностей и уничтожающим все живое индивидуализмом. К концу романа обнаруживается тенденция к возрождению семейных отношений, что указывает на возможный путь выхода России из кризиса через верность общечеловеческим ценностям, что обеспечивает удивительный эффект финала произведения. История семьи выступает не только фоном, но полноправной сюжетной линией романа, переплетающейся с историей Раскольникова. КС реализуется на уровне действующих лиц: различные типы героев характеризуются сквозь призму их представления о семейных ценностях, которое отражает их этический статус в мире романа, объясняет причины трагедии, выявляет преступность большинства. В завязке и кульминации романа стилевая аранжировка способов объективации КС становится важнейшим элементом психологического анализа, характеризуя Раскольникова и Соню. При этом присутствие в речи персонажей положительных признаков КС и их нарастание в финале романа указывают на возможное воскресение и спасение героев через духовное единение.

Изучение способов объективации КС в романе «Преступление и наказание» выявляет его важную функцию в оформлении картины мира и художественной аксиологии произведения как одной из доминант авторской идеи, которая находит последовательное выражение в словесной ткани текста и организует важнейшие уровни его поэтики.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-512-23008.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Обзор основных из них представлен в следующих работах: [26], [27: 158–161].
- ² В последние годы наблюдается заметный интерес к изучению концептосферы романа «Преступление и наказание». Укажем на отдельные работы, наиболее интересные в контексте настоящего исследования: [1], [12], [13], [19], [21], [23].
- ³ Подробнее об этом см.: [10: 10].
- ⁴ Под смысловой структурой художественного текста в настоящей работе понимается система смыслов, воплощающих основы авторского замысла и организующих художественную картину мира произведения словесного искусства. Системность смысловой организации проявляет себя в словесной ткани текста и реализуется в особенностях поэтики произведения, обеспечивая целостность текста.
- ⁵ Подробнее об этом см.: [25: 43].
- ⁶ Занегина Н. Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 254 с.
- ⁷ В связи с обширностью библиографии вопроса укажем лишь на отдельные работы, наиболее важные в контексте настоящего исследования: [6], [8], [11], [18], [24], [28: 19], [30], [33], [34], [35].
- ⁸ Здесь и далее под сокращением КС понимается концепт «семья».
- ⁹ Опульская Л. Д. Комментарий // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинение: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 7. С. 308–309, 315–318.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Здесь и далее под сокращением РЯКМ понимается русская языковая картина мира.
- ¹² Добровольская Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 203 с.

- ¹³ Подробнее об этом см.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Цитадель, 1998. С. 465. Добровольская Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира... С. 54–83. Занеги́на Н. Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 26–27.
- ¹⁴ Занеги́на Н. Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания... С. 74–84.
- ¹⁵ Там же. С. 74–126.
- ¹⁶ Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского. М.: ГАХН, 1925. С. 65–115.
- ¹⁷ Здесь и далее оригинальный текст романа цитируется по изданию: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. В круглых скобках римскими цифрами указывается номер тома, арабскими – номер страницы.
- ¹⁸ Львов К. Проблема личности у Достоевского («Преступление и наказание»). М.: Изд-во Л. Л. Зубалова, 1918. С. 45–48.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаренко Н. А. Метафора цвета как объективатор концепта *бесовщина* в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1 (38). С. 10–14.
2. Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. 384 с.
3. Андрющенко В. М., Шайкевич А. Я., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2003. 880 с.
4. Арутюнова Н. Д. Символика уединения и единения в текстах Достоевского // Язык и культура: Факты и ценности. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 525–554.
5. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
6. Борисова В. В. «Братья и сестры» в романе «Преступление и наказание». Поэтика образов // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 27. СПб.: Серебряный век, 2010. С. 169–175.
7. Булгакова Н. О., Седельникова О. В. Концептосфера романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: к определению базового концепта и его функции в поэтике романа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 125–146. DOI: 10.17223/19986645/54/8
8. Викторovich В. А. Paideia от Достоевского // Летние чтения в Даровом: Материалы междунар. науч. конф. 27–29 августа 2006 г. / Сост. В. А. Викторovich. Коломна: КГПИ, 2006. С. 6–7.
9. Власкин А. П. Аксиологическая составляющая художественного мира романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский: Философское мышление, взгляд писателя. (Dostoevsky monographs. Вып. 3). СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 400–410.
10. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 256 с.
11. Габдуллина В. И. Мотив блудного сына в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева: Учебное пособие. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. 132 с.
12. Гильманова А. В. Концепты правды и истины в творчестве Ф. М. Достоевского (к вопросу о релевантности междисциплинарных исследований) // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы, № 1. М.: Всероссийский институт научной и технической информации РАН, 2007. С. 35–42.
13. Головачева Е. А. К вопросу о выделении базовых концептов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Филологические чтения ЯрГУ им. П. Г. Демидова: Материалы конф. Ярославль, 22–23 мая 2017 г. / Сост. Е. А. Федорова. Ярославль: Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2017. С. 25–29.
14. Гроссман Л. П. Достоевский-художник // Творчество Ф. М. Достоевского. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 330–417.
15. Долинин А. С. В творческой лаборатории Достоевского. М.: Гослитиздат, 1947. 348 с.
16. Захаров В. Н. «Православное воззрение»: идеи и идеал // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты / Под ред. проф. В. Н. Захарова. Т. 7. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 529–544.
17. Карякин Ю. Ф. Миф о «черной магии» Достоевского (черновики к «Преступлению и наказанию») // Русская литература. 1972. № 1. С. 113–125.
18. Касаткина Т. А. Онтология семьи в произведениях Ф. М. Достоевского // Новый мир. 2011. № 10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://philologist.livejournal.com/1268032.html> (дата обращения 11.09.2019).
19. Кожина М. А. Концепт «преступление» в полидискурсивной структуре романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: Материалы конф. молодых ученых / Под ред. А. А. Казакова. Вып. 13. Т. 1: Лингвистика. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2012. С. 142–147.
20. Криницын А. Б. Творчество Достоевского в контексте европейской литературы: Учебное пособие по спецкурсу. М.: ООО «МАКС Пресс», 2018. 36 с.
21. Райхлина Е. Л., Лобанова Е. В. Концепт «наказание» в картине мира православного верующего: опыт прочтения романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Сибирский филологический форум. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2019. С. 4–15.
22. Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира: Коллективная монография / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общ. ред. Е. А. Осокиной. М.: ЛЕКСРУСК, 2014. 528 с.
23. Смирнов Я. В., Кошечко А. Н. Концепт «жертва» в эго-документах Ф. М. Достоевского периода работы над романом «Преступление и наказание» // Наука и образование: Сборник трудов XX Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование». Томск, 18–22 апреля 2016 г. / Отв. ред. Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, В. Е. Головачинер и др. Томск: Томский гос. пед. ун-т, 2016. С. 248–252.

24. Стерликова Ю. В. Образ детства в творчестве Ф. М. Достоевского // Духовные и нравственные смыслы отечественного образования на рубеже столетий: Научный сборник. Тольятти: ТГУ, 2002. С. 85–97.
25. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 991 с.
26. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского. «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
27. Тихомиров Б. Н. «Преступление и наказание» // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2008. 470 с.
28. Фокин П. Е. Категория «отцовства» в идейно-художественной системе Ф. М. Достоевского // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 2. / Под ред. О. Ю. Юрьевой. Иркутск, 2003. С. 13–25.
29. Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. Л.: Наука, 1964. 404 с.
30. Фридлиндер Г. М. Ф. М. Достоевский и его наследие // Наука в России. 2011. № 6. С. 83–91.
31. Щенников Г. К. Достоевский и русский реализм. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1987. 349 с.
32. Щенников Г. К. Синтез русской и западноевропейской литературных традиций в характерологии Ф. М. Достоевского: Искусство синтеза. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1991. 228 с.
33. Щенников Г. К. Проблема «человек и семья» в размышлениях Ф. М. Достоевского // Человек. Семья. Государство. СПб., 2008. С. 25.
34. Юрьева О. Ю. Тема семьи и семейного воспитания в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Литература в школе. 2003. № 8. С. 26–28.
35. Юрьева О. Ю. Образ «русского семейства» в творчестве Ф. М. Достоевского и в русской литературе начала XX века // Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 1. С. 536–559.
36. Johnson L. A. The experience of time in *Crime and Punishment*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985. 146 p.

Поступила в редакцию 09.01.2020

Ekaterina A. Golovacheva, Postgraduate Student, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)
eagolovacheva@tpu.ru

Olga V. Sedelnikova, Doctor of Philology, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)
sedelnikovaov@tpu.ru

THE CONCEPT OF *FAMILY* IN THE MEANING-MAKING STRUCTURE AND POETICS OF FYODOR DOSTOEVSKY'S NOVEL *CRIME AND PUNISHMENT* *

The article deals with the concept of *family* and its function in the poetics of Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*. The authors analyze the fragments of the novel where this concept of *family* is objectified through lexemes comprising the nucleus of its nominal field as well as through the author's elements which expand this concept. The analysis reveals both individual author's characteristics of the concept of *family* and its attributes traditional for the Russian linguistic picture of the world (*unity, mercy, decency*). Investigating the city environment and living conditions after the reforms, Dostoevsky focuses on the moral and social aspects of family relations, therefore, such attributes as *illness, poverty, destruction, unhappiness, slavery, and disease* play an important role in the enrichment of the concept's axiological content. Actualization of these attributes enables Dostoevsky to portray the tragedy of the Russian family decay and the extent of this tendency. Differentiation and simultaneous actualization of several mutually exclusive attributes in the novel suggest that the author strove to show not only the breakdown of the society but also ways out of the crisis. It can be concluded that the concept of *family* is one of the crucial meaning-making concepts of *Crime and Punishment*, revealed on several important levels of the text poetics (genre, composition, plot, and the system of characters).

Keywords: Fyodor Dostoevsky, *Crime and Punishment*, conceptological analysis, literary picture of the world, Russian linguistic picture of the world, literary concept, concept of *family*, poetics

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 19-512-23008.

Cite this article as: Golovacheva E. A., Sedelnikova O. V. The concept of *family* in the meaning-making structure and poetics of Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.459

REFERENCES

1. Azarenko N. A. The metaphor of color as the agent of objectifying the *devilry* concept in F. M. Dostoevsky's *Crime and Punishment*. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2014. No 1 (38). P. 10–14. (In Russ.)
2. Aksakov K. S., Aksakov I. S. Literary criticism. Moscow, 1981. 384 p. (In Russ.)
3. Andryushchenko V. M., Shaykevich A. Ya., Rebetzkaya N. A. Statistical dictionary of Dostoevsky's language. Moscow, 2003. 880 p. (In Russ.)

4. Arutyunova N. D. The symbolism of solitude and unity in the texts of Dostoevsky. *Language and culture: Facts and values*. Moscow, 2001. P. 525–554. (In Russ.)
5. Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow, 1979. 320 p. (In Russ.)
6. Borisova V. V. Brothers and sisters in the novel *Crime and Punishment*. Poetics of images. *Dostoevsky and world culture: Almanac*. No 27. St. Petersburg, 2010. P. 169–175. (In Russ.)
7. Bulgakova N. O., Sedelnikova O. V. The sphere of concepts of the novel *Demons* by Fyodor Dostoevsky: on revealing the main concept and its function in the poetics of the book. *Tomsk State University Journal. Philology*. 2018. No 54. P. 125–146. DOI: 10.17223/19986645/54/8 (In Russ.)
8. Viktorovich V. A. Paideia from Dostoevsky. *Summer Readings in Darovoye: Proceedings of the international research conference, August 2–29, 2006*. (V. A. Viktorovich, Comp.). Kolomna, 2006. P. 6–7. (In Russ.)
9. Vlaskin A. P. Axiological component of the artistic world in Fyodor Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*. *Dostoevsky: Philosophical thinking, the view of the writer*. (Dostoevsky monographs, Issue 3.) St. Petersburg, 2012. P. 400–410. (In Russ.)
10. Volodina N. V. Concepts, universals, and stereotypes in the field of literary studies. Moscow, 2014. 256 p. (In Russ.)
11. Gabdullina V. I. The motif of the Prodigal Son in the works of F. M. Dostoevsky and I. S. Turgenev: Textbook. Barnaul, 2006. 132 p. (In Russ.)
12. Gilmanova A. V. The concepts of truth and verity in the works of F. M. Dostoevsky (on the relevance of interdisciplinary research). *Scientific and Technical Information. Series 2: Information Processes and Systems*. No 1. Moscow, 2007. P. 35–42. (In Russ.)
13. Golovacheva E. A. On the issue of representation of the basic concepts of the novel *Crime and Punishment* by F. M. Dostoevsky. *Proceedings of Demidov Philological Readings at Yaroslavl State University (May 22–23, 2017)*. Yaroslavl, 2017. P. 25–29. (In Russ.)
14. Grossman L. P. Dostoevsky as an artist. *Works of F. M. Dostoevsky*. Moscow, 1959. P. 330–417. (In Russ.)
15. Dolinin A. S. In the creative laboratory of Dostoevsky. Moscow, 1947. 348 p. (In Russ.)
16. Zakharov V. N. "Orthodox outlook": ideas and ideal. *Dostoevsky F. M. Complete works: Canonical texts*. (V. N. Zakharov, Ed.) Vol. 7. Petrozavodsk, 2007. P. 529–544. (In Russ.)
17. Karyakin Yu. F. The myth of Dostoevsky's "black magic" (drafts for *Crime and Punishment*). *Russian Literature*. 1972. No 1. P. 113–125. (In Russ.)
18. Kasatkina T. A. Ontology of the family in the works of F. M. Dostoevsky. *New World*. 2011. No 10. Available at: <https://philologist.livejournal.com/1268032.html> (accessed 11.09.2019). (In Russ.)
19. Kozhina M. A. The concept of "crime" in the polydiscursive structure of the novel *Crime and Punishment* by F. M. Dostoevsky. *Contemporary issues of literary studies and linguistics: Proceedings of the conference for young researchers*. (A. A. Kazakova, Ed.) Issue 13. Vol. 1: Linguistics. Tomsk, 2012. P. 142–147. (In Russ.)
20. Krinitsyn A. B. The works of Dostoevsky in the context of European literature: Textbook for a study course. Moscow, 2018. 36 p. (In Russ.)
21. Raikhlina E. L., Lobanova E. V. The concept of "punishment" in the world view of an Orthodox believer: the experience of reading the novel of F. M. Dostoevsky *Crime and punishment*. *Siberian Philological Forum*. Krasnoyarsk, 2019. P. 4–15. (In Russ.)
22. The word of Dostoevsky–2014. Idiostyle and worldview: Collective monograph. Moscow, 2014. 528 p. (In Russ.)
23. Smirnov Ya. V., Koshechko A. N. The concept of "victim" in the ego-documents by F. M. Dostoevsky in the period of his work on the novel *Crime and Punishment*. *Proceedings of the XX International Conference for Graduate and Postgraduate Students and Young Researchers "Science and Education"*. Tomsk, 2016. P. 248–252. (In Russ.)
24. Sterlikova Yu. V. The image of childhood in the works of F. M. Dostoevsky. *Spiritual and moral meanings of national education at the turn of the century: Collection of articles*. Tolyatti, 2002. P. 85–97. (In Russ.)
25. Stepanov Yu. S. Constants: Dictionary of Russian culture. Moscow, 2004. 991 p. (In Russ.)
26. Tikhomirov B. N. "Lazarus, come out!" The novel *Crime and Punishment* by F. M. Dostoevsky and its contemporary understanding. St. Petersburg, 2005. 472 p. (In Russ.)
27. Tikhomirov B. N. Crime and Punishment. *Dostoevsky: Works, letters, documents: Reference dictionary*. (G. K. Shchennikov, B. N. Tikhomirov, Comp., Eds.). St. Petersburg, 2008. 470 p. (In Russ.)
28. Fokin P. E. The category of "paternity" in the ideological and artistic system of F. M. Dostoevsky. *Three centuries of Russian literature: Current aspects of study: Interuniversity collection of articles*. Issue 2. (O. Yu. Yur'eva, Ed.). Irkutsk, 2003. P. 13–25. (In Russ.)
29. Friedlander G. M. Realism of Dostoevsky. Leningrad, 1964. 404 p. (In Russ.)
30. Friedlander G. M. F. M. Dostoevsky and his heritage. *Science in Russia*. 2011. No 6. P. 83–91. (In Russ.)
31. Shchennikov G. K. Dostoevsky and Russian realism. Sverdlovsk, 1987. 349 p. (In Russ.)
32. Shchennikov G. K. Synthesis of Russian and Western European literary traditions in the characterology of F. M. Dostoevsky: The art of synthesis. Ekaterinburg, 1991. 228 p. (In Russ.)
33. Shchennikov G. K. The problem of "man and family" in the thoughts of F. M. Dostoevsky. *Man. Family. State*. St. Petersburg, 2008. P. 25. (In Russ.)
34. Yur'eva O. Yu. The theme of family and family education in *A Writer's Diary* by F. M. Dostoevsky. *Literature at School*. 2003. No 8. P. 26–28. (In Russ.)
35. Yur'eva O. Yu. The image of the "Russian family" in the works of F. M. Dostoevsky and in Russian literature of the early XX century. *Dostoevsky and the XX century*. Moscow, 2007. Vol. 1. P. 536–559. (In Russ.)
36. Johnson L. A. The experience of time in *Crime and punishment*. Columbus, Ohio, 1985. 146 p.

СВЕТЛАНА АЛЕКСЕЕВНА СЕМЯЧКО

доктор филологических наук, заведующий Отделом древнерусской литературы
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
svetlanasm08@mail.ru

К ИСТОРИИ ДИСЦИПЛИНАРНОГО УСТАВА КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ*

Статья посвящена вопросам реконструкции дисциплинарного устава Киево-Печерского монастыря в ранний период его истории. Источники сообщают о принятии в этом монастыре при Феодосии Печерском Студийского устава, однако списки этого устава, происходящие из Киево-Печерского монастыря, нам неизвестны, как практически ничего неизвестно и об уставотворческой деятельности в самом монастыре. В статье рассмотрены попытки как средневековых авторов, так и исследователей Нового времени трактовать отдельные письменные памятники как результат уставного творчества иноков Киево-Печерского монастыря. Один такой случай касается Следованной псалтыри РГБ, ф. 98 (собр. Егорова), № 201 1796 года, в которой «Устав Святой Горы» архимандрита Нижегородского Печерского монастыря Досифея был приписан Феодосию Печерскому; другой – сборника РГБ, ф. 98 (собр. Егорова), № 926 конца XV века, имеющего в своем составе «Поучение Симеона епископа к нѣкому чернцю печерскому». Этот текст представляет собой отредактированный начальный фрагмент Послания Симона Поликарпу из Киево-Печерского патерика. В статье показано, как под воздействием произведений уставного характера это Поучение превращается в уставной текст.

Ключевые слова: дисциплинарный монастырский устав, Студийский устав, устав Киево-Печерского монастыря, «Устав Святой Горы» архимандрита Досифея, Послание Симона Поликарпу

Для цитирования: Семячко С. А. К истории дисциплинарного устава Киево-Печерского монастыря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 19–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.460

Ранняя история Киево-Печерского монастыря оставляет исследователям множество вопросов, и ряд вопросов касается устава этой обители. Два надежных источника сообщают нам о принятии в Киево-Печерском монастыре при игумене Феодосии Студийского устава. Надежность этих источников обуславливается временем (не позже первой четверти XII века) и местом (в самом Киево-Печерском монастыре) их создания. Во-первых, это «Повесть временных лет». В статье под 6559 (1051) годом говорится, что Феодосий

«нача искати правила чернецьскаго, и обрѣтесе тогда Михаилъ чернець манастиря Студийскаго, иже бѣ пришесть изъ Грекъ с митрополитомъ Георгиемъ, и нача у него искати устава чернець студийскихъ. И обрѣтъ у него, и списа, и устави въ манастири своемъ, како пѣти пѣнья манастирская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье в церкви, и весь рядъ церковный и на трапезѣ сѣданье, и что ясти в кыя дни, все съ уставленьемъ. Феодосий все то изьобрѣтъ, предасть манастирю своему. От того же манастиря переяша вси манастиреве уставъ: тѣмъ же почтенъ есть манастирь Печерский старей всѣхъ»¹.

Во-вторых, это Житие Феодосия Печерского. По его свидетельству, Феодосий

«посла единого отъ братия въ Костянтинъ градъ къ Ефрему скопцю. Да весь уставъ Студийскаго манастиря, испсавъ присълетъ ему. Онъ же преподобнаго отьца нашего повелѣная ту абие и створи, и весь уставъ манастирський испсавъ, и посла къ блаженному отьцю нашему Феодосию. И его же примъ отьць нашъ Феодосий, повелѣ почисти предъ братию. И оттолѣ начать въ своемъ манастири вся строити по уставу манастиря Студийскаго, якоже и доньянѣ есть, ученикомъ его сице съвршаемъ»².

Оба источника, расходясь в деталях, сходятся в том, что преподобным Феодосием Печерским был принят Студийский устав, чему можно найти подтверждение практически на всем протяжении Жития преподобного Феодосия³. По мнению А. М. Пентковского, в Киево-Печерском монастыре был принят устав Алексея Студита, древнерусский перевод которого «является одним из результатов деятельности преподобного Феодосия Печерского по устройению монастырской жизни в Киево-Печерском монастыре» [3: 155]. По версии А. Поппэ, «это был типикон в редакции Никиты Стифата, напрямую восходящий к ипотипикону самого Феодора Студита,

но с некоторыми дополнениями» [4: 26]. Впрочем, для рассматриваемого в данной статье вопроса это не имеет принципиального значения, поскольку речь пойдет не о самом Студийском уставе (в той или иной редакции), а о текстах, сопровождавших функционирование этого устава в монастыре.

Студийский, как и применявшийся на Руси позднее Иерусалимский, устав состоит из двух частей: богослужбной и дисциплинарной. Когда в Житии Феодосия Печерского говорится о чтении устава перед братией, надо думать, что речь идет о дисциплинарной его части. Богослужбный устав невоспринимаем на слух, он состоит из огромного количества богослужбных указаний, определяющих набор и порядок службы каждого дня. В то время как дисциплинарный устав рассказывает о повседневной жизни монастыря и о правилах поведения его насельников⁴. А. М. Пентковский, рассматривающий это чтение как «акт торжественного объявления законодательного документа», отмечает наличие византийской традиции чтения дисциплинарной части устава перед монастырской братией [3: 171].

Наличие Студийского или Иерусалимского устава не прекращает в монастыре уставную деятельность. Из истории других русских монастырей, возникших в послемонгольское время и основывавшихся уже на Иерусалимском уставе, мы знаем, что к этому уставу, как правилу, добавлялись уставы основателей монастырей (как это было в Иосифо-Волоколамском, Корнилиево-Комельском, Псковском Евфросиниевом монастырях) или другие тексты, посредством которых братии транслировался дисциплинарный устав монастыря⁵. Это могли быть старческие предания (как было в Кирилло-Белозерском, Соловецком и Антониево-Сийском монастырях)⁶ или игуменские поучения. Чем более общим по содержанию было поучение, тем шире была сфера его распространения как уставного текста. В целом же такого рода сочинения должны были при Иерусалимском уставе, имевшем свою дисциплинарную часть, по сути, применимую к любой киновии, выполнять функцию своего рода подзаконных актов, учитывающих специфику каждой обители.

До нас не дошло никаких памятников, которые можно было бы определить как устав Киево-Печерского монастыря. Что касается дошедших до нас сочинений Феодосия Печерского, то сейчас можно говорить, пожалуй, лишь об одном памятнике, имеющем отношение к дисциплинарному уставу, – это «Почтение преподобного отца нашего Феодосия, игумена монастыря Печерь-

скаго, чинь на поставление иконома, и понома-ря, и торговца»⁷. Очевидный недостаток текстов уставного характера, происходящих из Киево-Печерского монастыря, от которого «переша все монастыреве уставъ», привел к предпринимаемым время от времени попыткам связать какой-нибудь уставной памятник с этим монастырем или непосредственно с самим Феодосием Печерским.

Когда Н. К. Никольским было опубликовано «уставъ Святыя Горы», который «вынесль архимандрит печерскы Досифей»⁸, возникло мнение, что это архимандрит Киево-Печерского монастыря, которому было приписано и внедрение на Руси «Чина, как петь 12 псалмов особъ». Среди тех, кто придерживался этого мнения, было немало выдающихся специалистов в области агиологии и агиографии⁹. Это мнение было дезавуировано Г. М. Прохоровым, обратившим внимание на тот факт, что устав адресован ученику Димитрия Прилуцкого Пахомию, и предположившим, что Досифей был архимандритом Нижегородского Печерского монастыря [5]¹⁰.

Попытка связать «устав Святыя Горы» с Киево-Печерским монастырем, однако, была предпринята задолго до обнаружения и публикации этого текста Н. К. Никольским, еще в конце XVII века. В заголовке самого позднего (1696 год) из известных мне пяти списков этого текста сказано: «Се вынесль архимандритъ печерский Феодосий Святыя Горы устав, како тамо живутъ иноцы в келиях и чему и нась учили нашего ради спасения»¹¹. Понятно, что Феодосий Печерский не мог быть автором послания, адресат которого жил на рубеже XIV–XV веков, но в этой атрибуции есть один показательный момент. Вполне возможно, что это не ошибка прочтения протографа, а вполне сознательное исправление. Писец конца XVII века мог понятия не иметь о нижегородском архимандрите Досифее, но Феодосий Печерский был для него значимой и авторитетной фигурой, в том числе и как транслятор общезначительного устава.

Заблуждению исследователей XIX–XX веков по поводу авторства устава и «Чина 12 псалмов» И. В. Жиленко находит свое объяснение:

«Автор этих сочинений был причислен к киево-печерским архимандритам на том основании, что в послании Владимирского еп. св. Симона к черноризцу Поликарпу, входящем в Киево-Печерский патерик, упоминается келейное пение 12 псалмов киево-печерскими иноками... Однако соответствующий текст в патерике не содержит сведений о «Чине...» пения, нет в нем указания на Д<осифея> и афонскую практику, к<ото>рая могла внедряться в рус<ский> монастырский обиход неоднократно» [2: 53].

Безусловно, текст Послания Симона к Поликарпу никоим образом не подтверждает киево-печерское происхождение этих двух уставных памятников, хотя само Послание Симона неожиданно оказалось включенным в историю дисциплинарного монастырского устава.

В сборнике конца XV века РГБ, ф. 98 (собр. Егорова), № 926¹², в подборке уставных сочинений¹³ находится текст под названием «Поучение Симеона епископа к нѣкоему чернцю печерскому», представляющий собой фрагмент Послания Симона Поликарпу¹⁴. Как попал этот текст в число уставных? Кажется бы, он имеет совершенно иную природу, он насквозь риторичен. Если отсечь эти многочисленные восклицания и риторические вопросы, то в сухом остатке у нас будет лишь самый краткий набор дисциплинарных требований к монаху общежительного монастыря: работай во имя Господа со страхом и трепетом, будь кроток, не ропщи на игумена и на служебников, не будь лжив, постись. Главная мысль этого послания – о приоритете соборной молитвы перед молитвой келейной: «...Виною телесною собора церковнаго не лишися»¹⁵, «Все бо, елико твориши в кѣлии, ни во что же суть, аще Псалтиру чтеши или оба на 10 псалма поеши, ни единому “Господи, помилуй!” уподобится»¹⁶. Рассматриваемое поучение из сборника Егор. 926 представляет собой начальную часть Послания Симона к Поликарпу, и именно начало послания и дает нам ключ к пониманию, почему этот текст стал восприниматься как уставной.

Д. И. Абрамович справедливо возводит начало послания Симона к Поликарпу («Брате, сѣдя в безмолвии, собери ум свой и рци к собѣ...»¹⁷) к Паренесису Ефрема Сирина¹⁸. Но в послании из Егор. 926 инципит выглядит несколько иначе: «Брате, сѣдая в кѣлии своей, сбири си ум и рци к собѣ...». Мена чтения «в безмолвии» на чтение «в кѣлии» не представляется случайной и отсылает нас к совершенно иному тексту.

Статья, начинающаяся со слов «Седя(й) в келии своей, събери си ум...» в «Каталоге памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.» учтена как сочинение Нила Синайского с указанием, что она «встречается также и под именем Евагрия» [1: 251]. С Посланием Симона Поликарпу и, соответственно, с 14-м¹⁹ словом Паренесиса Ефрема Сирина эту статью объединяют

лишь приведенные выше начальные слова, далее их тексты совершенно расходятся²⁰. Создатели «Каталога...» не указывают греческий текст Нила Синайского, и, думаю, это не случайно. Атрибуция этого текста в рукописях Нилу Синайскому, скорее всего, вторична, на самом деле это поучение аввы Евагрия, дошедшее до нас в составе Скитского патерика²¹. В рукописях этот фрагмент, будучи извлеченным из состава Скитского патерика, может фигурировать не только под именами Евагрия и Нила Синайского, но и просто под заголовком «От Патерика» или «От Старчества». Связь этого текста с дисциплинарным уставом была закреплена его включением в нравственно-дисциплинарный сборник «Старчество», содержащий материалы, необходимые для того, чтобы старец обучил новоначального инока монастырскому дисциплинарному уставу²².

Интересующая нас фраза «Седя(й) в келии своей, събери си ум...» встречается и в другом тексте сугубо уставного характера, озаглавленном как «Святаго Макариа, како подобает быти иноку» (нач.: «Помышляю убо, чяда, по моему нраву, яко сице длѣжень есть быти инокъ. Да, сѣдя въ кельи своей, събереть умъ свой от всякоя печали и от всякого парения уму въ едину мысль, еже на всякый час память Божию имѣти и не инѣмъ съмушати сердце...»²³), тексте, также известном в достаточно ранней рукописной традиции [1: 239].

Таким образом, получается, что под воздействием текстов уставного характера в инципите Послания Симона Поликарпу меняется одно слово. Новый инципит маркирует текст как уставной. При этом отсекается весьма далекий от текстов уставного характера конец Послания. Результат редактирования на полном основании включается в подборку уставных произведений. Где происходила эта трансформация, сказать сейчас трудно. Возможно, что и за пределами Киево-Печерского монастыря. Тем не менее этот процесс нельзя не воспринимать как еще одну попытку обозначить вклад Киево-Печерского монастыря в киновиальную уставную традицию. Мы очень мало знаем об этом вкладе, но это не значит, что его не было. Поэтому по-прежнему остается актуальным вопрос, в какой среде формировался и какими текстами сопровождался устав первой на Руси киновии.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-012-00061.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
РГБ – Российская государственная библиотека (Москва)
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. и коммент. Д. С. Лихачева. СПб.: Наука, 1996. С. 69–70. (Сер. «Литературные памятники»).
- ² Житие Феодосия Печерского / Подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 378, 380.
- ³ Комментирование Жития Феодосия Печерского с точки зрения соответствия изображенной в нем монастырской жизни Студийскому уставу заслуживает отдельной работы. Эта тема уже привлекала к себе внимание исследователей. Так, Е. Е. Голубинский рассмотрел вопрос о трапезах в монастыре (Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1881. Т. 1, пол. 1. С. 522–524). В целом же отошло к фундаментальной работе А. М. Пентковского, посвященной уставу Алексея Студита, в которой представлен и обзор библиографии, касающейся Студийского устава в Киево-Печерском монастыре [3: 171–176].
- ⁴ Дисциплинарная часть Студийско-Алексеевского устава называется «Мънишьскѣ заповѣди живущихъ въ кунови, рекъше вкупѣ жити», она состоит из нескольких главок: «О прѣбывании благобоязливыхъ мнихъ слово», «О посылаемыхъ на службы, како подобаетъ сия поручяти», «Како не подобаетъ мнихомъ съвкуплятися другъ къ другу», «О томъ, еже чясто оглашати мнихы», «О одѣнии мнишьстѣмъ», «О службьницѣхъ», «О мѣшении», «О литургияхъ», «О приношении тяжцѣхъ», «О странноприимьницѣхъ», «О числѣ мнихъ», «О попѣхъ и о дьякнѣхъ», «О приношениихъ», «О отрицании», «О томъ, яко не погрѣбати никоже въ манастири», «О игуменѣхъ», «О недужныхъ и о старыхъ». Публикацию текста см.: [3: 380–397].
- ⁵ См.: например: Древнерусские иноческие уставы: Уставы российских монастырначальников / Епископ Амвросий (Орнатский); Сост. Т. В. Суздальцева. М., 2001.
- ⁶ О «Предании старческом новоначальному иноку» как тексте, транслирующем устав преподобного Кирилла Белозерского, см.: [9].
- ⁷ Этот текст известен в пяти списках, два из которых пергаменные. Во всех списках в качестве автора назван преподобный Феодосий, так что в его авторстве вряд ли приходится сомневаться. Критическое издание памятника см.: Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 183–184.
- ⁸ Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1912. № 19. С. 141–142.
- ⁹ Они названы в [2: 52].
- ¹⁰ Г. М. Прохоров назвал Пахомия игуменом Спасо-Прилуцкого монастыря, в то время как в послании с уставом он называется священноиноком. Это означает, что устав был послан Досифеем Пахомию еще до того, как последний стал игуменом, то есть еще при жизни Димитрия Прилуцкого. Не буду сейчас касаться вопроса о времени кончины преподобного Димитрия; в любом случае, устав был послан не ранее конца XIV – начала XV века (вариант датировки см.: [10]) и не из Киево-Печерского монастыря.
- ¹¹ РГБ, ф. 98 (собр. Егорова), № 201, л. 35.
- ¹² Сборник подробно описан и датирован Л. В. Мошковой, которая определяет его как Торжественник минейный с добавлениями. К сожалению, это описание остается неопубликованным. Приношу свою искреннюю благодарность Людмиле Владимировне за возможность им пользоваться.
- ¹³ Главы 50–65 (из 74), посвященные, в основном, общежителству: л. 403а–404с – «Наказание братѣ обще живущей» (нач.: «Братѣ, христороубци, овчата стада Христова, вышняго Иерусалима граждане, отметници всего мира...»); л. 404с–406с – «Слово святаго Василиа Великаго, архиепископа Кесария Каподокийския, наказание братии обще живущей» (нач.: «Позваниемъ Господа нашего Иусу Христа, вослѣдованием Его входящихъ к намъ в мѣсто се Божие, нареченное во имя святаго имярек...»); л. 406с–411б – «Плачеве и рыдание инока грѣшнаго, имиже спирашеса къ своей души» (нач.: «Како сѣдиши, како нерадиши, душе моя...»); 1-е слово Диоптры Филиппа Монотропа; л. 411б–415а – «Слово святаго преподобнаго отца нашего Нила о отвержении иноческаго ради жития» (нач.: «Все, иже мира сего отвергшеса и образ иноческий восприимше, иже на раму крестъ Христовъ вземше...»); л. 415а–420д – «Слово святаго отца нашего Василиа, архиепископа Кесария Каподокийския, како есть быти лѣпо чернцем. Господи, благослови, отче» (нач.: «Слышасте ли, братья моя, благословенаго Господа глаголюща: “Иже оставитъ отца и матеръ...”»); л. 420д–423а – «Поучение святаго Вассилья черньцемъ» (нач.: «Уповава на милость Божию и на пречистую Его Матерь надѣяся...»), русское сочинение, в большинстве списков называемое «Поучение братии обще живущей» [6: 2015]; л. 423а–429а – «Слово Иоанна Златоуста, пущение ко единому игумену, просившу ему пустити правило духовнаго учения на ползу самому и сущимъ с нимъ братии» (нач.: «Понеже писалъ ми еси, возлюбленный брате, да предамъ ти правило постное...»); л. 429а–430б – «От Старчества, глава» (нач.: «Братъ нѣкий повѣда намъ сице, глаголя: “Случи ми ся сице стуждаему быти...”»); л. 430б–431а – «Поучение Симеона епископа к нѣкому чернцю печерскому» (нач.: «Брате, сѣдай въ кѣлии своей, собери си умъ и рци к собѣ...»); л. 431а–433д – «Въпросившу етеру ученику старца: “Отче, како спасуся?” Старецъ же совлекъ с себе ризы своя...»); л. 433д–437с – «Слово святаго Изосима ко дочери своей Анастасии о покаянии» (нач.: «Послание от Изосимы святаго ко дочери своей Анастасии. Ркла ми еси бяше прислати грамоту...»); л. 437с–438б – «Слово Иоанна Златоуста о христьянскомъ житии и о смиреннии» (нач.: «Аще человекъ сѣдѣ убогъ Бога ради ходитъ, или алченъ, или жаден...»); л. 438б–441д – «Слово отвѣтно о терпѣнии блаженнаго Иларiona новаго» (нач.: «Человекъ нѣкому во имя Божие отшедшему отъ мирския жизни...»); л. 441д–443б – «Слово о страшномъ пришествии Христовѣхъ» (нач.: «Вѣсте ли, братѣ, внезапно шумъ будетъ полунощи, и громъ, и молния...»); л. 443б–444д – «Повѣсть полезна отъ Старчества о нѣкомъ старци, смѣвшемъ в пустыни 40 лѣтъ, кому подобенъ»

- (нач.: «Старець нѣкый в пустыни лѣты многими бывъ...»); л. 444d–446d – «А се похвала святых мних, познание Христовы благодати и вшествие в вертеп, сирѣчь пострижися, от пророческих писаний скажем» (нач.: «Рече же царь, како худое и погаемое житье...»).
- ¹⁴ Текст «Послания смиреннаго епископа Симона Володимерьскаго и Суждалскаго Поликарпу, черноризцо Печерскому» см.: Киево-Печерский патерик / Подгот. текста Л. А. Ольшевской // Древнерусские патерики / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М.: Наука, 1999. С. 18–22. (Сер. «Литературные памятники»).
- ¹⁵ Киево-Печерский патерик. С. 19.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 18.
- ¹⁸ Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902. С. 175.
- ¹⁹ Нумерация в соответствии с рукописью, на которую опирался Д. И. Абрамович, – РГБ, ф. 304.1 (Главное собр. Троице-Сергиевой лавры), № 7.
- ²⁰ «Святаго Нила. Сѣдай в кѣлии своей, собери си умъ, помяни день смерти твоея, усмотри тогда тѣлеси умершвление, помысли нужду, приими болѣзнь, зазри иже во адѣ нынѣ устроение. Помысли, како убо суть тамо душа, в каковем горцем мучении и в каковѣм горком въздыхании, в колицѣ страсъ или подвижѣ, или в коем чаянии, непрестанную болѣзнь душевную и безконечныя слезы» (РГБ, ф. 98 (собр. Егорова), № 1294, л. 48 об.–49).
- ²¹ См. этот текст в составе патерика: The Old Church Slavonic Translation of the ΑΝΔΡΩΝ ΑΓΙΩΝ ΒΙΒΛΟΣ in the Edition of Nicolaas Van Wijk† / Ed. by D. Armstrong, R. Pope and C. H. Van Schooneveld. The Hague; Paris, 1975. P. 103–104.
- ²² Эта статья представлена в семи вариантах сборника «Старчество» (13 списков), см., в частности, [7: 263, 282], [8: 135].
- ²³ ГИМ, собр. Чудова монастыря, № 274, л. 171.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буланин Д. М., Романова А. А., Творогов О. В., Томсон Ф., Турилов А. А. Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (рукописные книги). СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 944 с.
2. Жиленко И. В. Досифей // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 52–53.
3. Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М.: Изд-во Московской патриархии, 2001. 430 с.
4. Поппэ А. Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Київ, 2011. 150 с.
5. Прохоров Г. М. Досифей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 198.
6. Семячко С. А. «Поучение к братии обще живущей»: к вопросу о формировании дисциплинарного устава на Руси // Slověne. 2015. № 1–2. С. 476–494.
7. Семячко С. А. Сборник «Старчество» в Кирилло-Белозерском монастыре // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 211–296.
8. Семячко С. А. Сборник «Старчество» в Соловецком монастыре // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 123–169.
9. Семячко С. А. Устав преподобного Кирилла Белозерского и его отражение в письменных памятниках // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2009. Т. 60. С. 450–459.
10. Турилов А. А. Досифей // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 54–55.

Поступила в редакцию 03.02.2020

Svetlana A. Semiachko, Doctor of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
svetlanasm08@mail.ru

THE HISTORY OF THE KIEVAN CAVES MONASTERY DISCIPLINARY CHARTER*

The article deals with the issues of the restoration of the Kievan Caves Monastery disciplinary charter in the early period of its history. It is known that Theodosius of the Caves adopted the Stoudios Typicon in his monastery. However, the Kievan Caves Monastery's manuscript copies of this charter are unknown. And we hardly know anything about the charter-creating activities in this monastery. The article discusses attempts, both by medieval authors and researchers of

the New Age, to interpret some texts as the result of the charter-creating work of the Kievan Caves Monastery monks. One such case concerns the Augmented Psalter (Russian State Library, fund 98 (Egorov's collection), No 201) of 1796, in which the *Charter of the Holy Mountain* by the Nizhny Novgorod Caves Monastery Archimandrite Dositheus was attributed to Theodosius of the Caves. Another case relates to a manuscript miscellany (Russian State Library, fund 98 (Egorov's collection), No 926) of the late XV century, including "The Edification of Simeon the Bishop to a Certain Monk of the Caves Monastery". This text is an edited initial fragment of the "Epistle from Simon to Polycarp" of the *Kievan Caves Patericon*. The article describes the transformation of this Epistle into a charter text under the influence of works of charter nature.

Keywords: monastery disciplinary charter, Stoudios Typicon, Charter of the Kievan Caves Monastery, Charter of the Holy Mountain by Archimandrite Dositheus, Epistle from Simon to Polycarp

* The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research as par of the project No 20-012-00061.

Cite this article as: Semiachko S. A. The history of the Kievan Caves Monastery disciplinary charter. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 19–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.460

REFERENCES

1. Bulanin D. M., Romanova A. A., Tvorogov O. V., Tomson F., Turilov A. A. The catalogue of Old Russian written monuments of the XI–XIV centuries (manuscript books). St. Petersburg, 2014. 944 p. (In Russ.)
2. Zhilenko I. V. Dositheus. *The Orthodox Encyclopedia*. Moscow, 2007. Vol. 16. P. 52–53. (In Russ.)
3. Pentkovskiy A. M. The Typikon of Patriarch Alexios Stoudites in Bizantium and Russia. Moscow, 2001. 430 p. (In Russ.)
4. Poppe A. Stoudites in Russia: Origins and early history of the Kievan Caves Monastery. Kiev, 2011. 150 p. (In Russ.)
5. Prohorov G. M. Dositheus. *Dictionary of scribes and books of Ancient Rus'*. Leningrad, 1988. Issue 2. Part 1. P. 198. (In Russ.)
6. Semiachko S. A. *The Sermon to the Coenobitic Monastic Brotherhood: on the formation of the monastic disciplinary charter in Rus'*. *Slověne*. 2015. No 1–2. C. 476–494. (In Russ.)
7. Semiachko S. A. Miscellany "Starchestvo" in the St. Cyril-Belozersky Monastery. *Book centers of Ancient Rus': The St. Cyril-Belozersky Monastery*. St. Petersburg, 2008. P. 211–296. (In Russ.)
8. Semiachko S. A. Miscellany "Starchestvo" in the Solovetsky Monastery. *Book centers of Ancient Rus': Book heritage of the Solovetsky Monastery*. St. Petersburg, 2010. P. 123–169. (In Russ.)
9. Semiachko S. A. The Charter of St. Cyril Belozersky and its reflection in manuscript texts. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. St. Petersburg, 2009. Vol. 60. P. 450–459. (In Russ.)
10. Turilov A. A. Dositheus. *The Orthodox Encyclopedia*. Moscow, 2007. Vol. 16. P. 54–55. (In Russ.)

Received: 3 February, 2020

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой германской филологии и скандинавистики Института филологии

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

natshar@mail.ru

«ОРНАМЕНТ ОТТЕНКОВ»: О СИМВОЛИКЕ ЦВЕТА В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «МОСКВА»

Цель работы – представить один из путей интерпретации недостаточно изученного романа Андрея Белого «Москва» (1926–1932) через выявление символики цветовых решений при описании Первопрестольной и при воссоздании образов двух героев-антагонистов. Для анализа взяты три цвета: желтый, красный и золотой, а также их индивидуально-авторские оттенки и модификации (леопардовый, пепельно-желтый), составляющие вместе с другими (черным, серым и т. д.) единый цветовой «орнамент» всего произведения. Декодировка (интерпретация) цветовых решений в тексте позволила показать их происхождение через обращение к переписке писателя и воспоминаниям, выстроить связи с ранними творениями Андрея Белого символистского периода, выйти к глубинному идейному плану произведения. Делается вывод о специфике индивидуального стиля писателя, в котором цвет обладает повышенной знаковостью и семиотичностью. Намечен один из путей «прочтения» (интерпретации) одного из сложнейших художественных произведений XX века, что позволит в дальнейшем выстроить творческую эволюцию Белого-прозаика, а также вписать роман в литературный ландшафт отечественной культуры XX века.

Ключевые слова: Андрей Белый, поэтика цвета, символика цвета, Москва, роман «Москва», антропософия, символизм

Для цитирования: Шарапенкова Н. Г. «Орнамент оттенков»: о символике цвета в романе Андрея Белого «Москва» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 25–33. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.461

ВВЕДЕНИЕ

Русская литература XX века (особенно ее модернистская ветвь) реализовала невиданный до того времени *эстетический* эксперимент, затронувший всю структуру художественного текста, вплоть до его звуковой, интонационной, цветовой и визуальной организации. Развивался данный эксперимент в эпоху русского духовного Ренессанса – Серебряного века – «под знаком Белого» [15: 386]. По словам Г. И. Кустовой, Андрей Белый

«не только повлиял на его (русский символизм. – Н. Ш.) развитие, но и воплотил многие существеннейшие черты; не просто обозначил новые возможности, но и в той или иной мере реализовал их» [15: 386].

Стиль, ритм, повышенная выразительность графики, звукопись, цветопись романа «Москва» становились предметом жарких дискуссий после выхода томов романа [9], [11], [27]. В последние десятилетия XX и в начале XXI века вышел в свет ряд концептуальных работ ведущих отечественных и западных беловедов, посвящен-

ных как проблемно-тематическому полю романа «Москва» [4], [13], [21], [25], [29], так и компонентам его художественного языка и стиля (ритмической и визуальной организации текста и т. д. [22]).

Эксперимент, предпринятый автором в романе, охватывает идейно-тематический, образный, мифопоэтический, онейрический, оноματοпоэтический, стилистический, звуковой, ритмико-интонационный, графический и т. д. уровни текста. Для писателей XX века было свойственно *обнажать* в своих произведениях художественный прием. Так, Андрей Белый во «Вместо предисловия» к «Маскам» говорит о главной особенности своих текстов: «...Я сознательно насыщаю смысловую абстракцию не только красками, гамму которых изучаю при описании любого ничтожного предмета, но и звуками...» (763)¹.

В данной статье мы сфокусировали свое внимание только на первой части высказывания русского писателя (*гамме красок*). Следует особо оговорить необходимость цитировать

в статье высказывания самого Андрея Белого. На протяжении всего своего творческого пути этот «самый головной писатель из русских художников слова» [9: 776] был склонен к постоянной саморефлексии о своем и чужом творчестве. Целый ряд трудов писателя позволяет говорить о литературоведческом и стиховедческом модусе его творчества [6], [7].

Андрей Белый выявил генезис собственной стилевой манеры, «лепки словесных ходов» [8: 146], колорита «Москвы»: в 1924 году (в период вынашивания замысла первой части романа), находясь на даче М. Волошина в Коктебеле, писатель собирал камешки и раскладывал их по цвету и форме. Самого хозяина дачи Андрей Белый сравнивал с «художником-мозаичистом», который «складывает из камушков неповторимую картину целого» и который «учил меня камушками, он посвящал меня в метеорологические особенности этого уголка Крыма» [5: 509]. Пребывание в Крыму дало возможность Андрею Белому «напасть» на цветопись будущего романа. К. Н. Бугаева, жена писателя, вспоминала об их совместном пребывании в Коктебеле: «Но самой главной и сильной оттяжкой от писанья романа была захватившее Б. Н.² увлечение коктебельскими камешками» [8: 144]. В письме к литератору и другу Иванову-Разумнику Андрей Белый подробно описывал свою «каменную болезнь»:

«...Собирая, сортируя камни, слагая из них орнаменты, я впервые понял начало “Учеников в Саусе” Новалиса³: у коктебельских камней я учился понимать основы тамплиерства», «располагая коробки по градациям орнаментальных линий и колоритов, моделируя свои мысли об истории и эволюции культур: от Атлантиды до <...> культуры будущего» [1: 304].

Андрей Белый выкладывал из камешков мозаичный рисунок, создавая «орнамент оттенков» [8: 145], работая над «интерференцией красок» [8: 145]. Все это легло в дальнейшем в основу цветописы романа «Москва».

В одном из своих писем литератору П. Зайцеву Андрей Белый говорит об «исскомом натурализме языка», «по-новому соединяющем глаз и ухо» [2: 427], который (натурализм) писатель именовал «методом Гете» [8: 186]. Этот важнейший комментарий отсылает нас к способности «величайшего из немцев» предаваться «наивным» (термин Ф. Шиллера), как древние греки, наблюдениям окружающего мира.

В труде «История становления самосознающей души» Андрей Белый соединяет «метод Гете» с «культурой глаза», раскрывает теорию немецкого классика «о духовном свете, изливающимся из глаза человека» [26].

Гете, по справедливому замечанию многих германистов, это «человек глаза» [18: 573], у которого *наблюдение* есть «основа познания», а сам поэт разработал «чувственно-практическую философию зрения, философию “солнцеподобного” глаза»⁴. Русский писатель Серебряного века, большой знаток работ Гете пестовал в себе «наблюдательность», развивая «наивную» непосредственную культуру зрения. В этом видится фундаментальная особенность поэтики и, в первую очередь, цветописы романа «Москва». Семь цветов «Москвы», по наблюдению самого писателя: *красное, синее, золотое, желтое, коричневое, черное, серое* [7: 327]. Все цвета представлены в романе со всевозможными оттенками и образованы посредством, помимо собственно прилагательных, глаголов и существительных. В задачи данного исследования не входит лингвистический анализ лексического поля, связанного с цветом.

Писатель в «Мастерстве Гоголя» дает таблицу, в которой сопоставляет в процентном соотношении (!) цветовые решения своих романов «Серебряный голубь» (1909), «Петербург» (1912), «Москва» (1926–1932) с произведениями Гоголя от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» до первого тома *поэмы* «Мертвые души». Гоголь, «вековая загадка русской литературы», – занимает столь же важное место в архитектонике романа «Москва», как и в его первом романе «Серебряный голубь»: «...Пишучи “М а с к и”»⁵, я учился: словесной орнаментике у Гоголя; ритму – у Ницше; драматическим приемам – у Шекспира» (764). Данный аспект – гоголевский пласт творчества – не раз становился предметом анализа [17], [20], [28]. По сравнению с «Мертвыми душами» в «Москве» писатель, согласно его собственному комментированию, «до крайности преувеличил тенденцию Гоголя вытеснить *красный желто-коричневым*» [7: 327].

Обратимся непосредственно к цветовым решениям романа Андрея Белого. При описании Москвы на протяжении всего текста автор использует красочную палитру. Взамен зелено-тусклому Петербургу, воссозданному в «главном романе» (В. Набоков) писателя, Андрей Белый здесь любовно рисует картины живописно-пестрой Москвы. Автор в том и другом романе воссоздает революционный город, при этом: «“Москва” <...> зарисована и тщательнее, и красочнее “Петербург”» [1: 312]. Первопрестольная предстает разноцветно-красочной, домашней, близкой сердцу автора, иногда лубочной. Писатель воссоздает цветные (радужные) зарисовки Москвы с ее

«золотоглавыми и витоглавыми церковками» (24), с зеленым садом с «соловиным отщелком» (231), над которым «белилей лепесткой загроздившей сирени в глубоком и синем васильевском небе» (231), с колокольней, «жёлклой травкой» (25). Как это видно из приведенных цитат, в романе автор экспериментирует со словом, создавая неповторимый индивидуально-авторский язык при описании древней столицы. Б. Эйхенбаум, анализируя словесный план романа, в своей рецензии подчеркивал: «Прочитать “Москву” А. Белого – огромный труд, головоломнейшая задача» [27: 755]. Глаз автора любовно рисует панораму города с использованием «золотого» цвета, воссоздает неповторимый облик древней столицы с ее многовековой историей и культурой: «Москва! Разбросалась высокими, малыми, средними, золотоглавыми иль бесколонными витоглавыми церковками очень разных эпох» (24). Помимо радужно-красочных картин, есть и другой план описания Первопрестольной. Так, С. И. Тимина, издатель романа «Москва» в 1989 году (после десятилетий забвения), отмечает: «...Москва предстает в образной системе романа убогой и грязной, с помойками, клопами, зелеными мухами, в паутине сплетен и слухов, мерзости и пошлости существования» [25: 22]. Древняя столица воплощена в романе без прикрас: в зарослях, в подпалинах, в гомоне птичьих стай, иногда город предстает «замызганным» и «потрепанным» пространством («пространство воняющего двора» (24)). В письме Иванову-Разумнику Андрей Белый приводит такие «подсчеты»: «“Петербург” дан в 2–3 цветах; “Москва” – в 7-ми, и оттого при 12-гранном строении краски, смешиваясь, создадут впечатление серо-желтой, московской пыли» [1: 331].

Желтый, *пыльно-желтый* цвет в романе – это цвет предвоенной и предреволюционной Москвы, описание которой начинается с первой же страницы: «В это утро, прошедшее в окна желтейшими пылями...» (19). Дополняет эту картину и «заборный домик, старикашка», который «желтел на припеке» (20), мухи-кусаки с желтым брюшком. В эту созданную из «пыльно-желтых» оттенков палитру «встроен» и сам герой, ученый-математик, облаченный в «серый халат с желтостертыми, выцветшими отворотами» (19), и его «апартаменты»:

«Кабинетик был маленький и двухоконный: на *темно-зеленых* обоях себя повторяла все та же фигурочка *желтого с черным* подкрасом, себя догоняющего человечка; два шкапа *коричневых*, туго набитые *желтыми* и *чернокоженькими* переплетами толстых томов, и *дубовые, желтые* полки – *пылели*; а *желто-коричневый*, крытый клеенкою *черною* стол, позаваленный

кипами книг и бумаг, перечерченный весь интегралами, был для удобства поставлен к окну; *чернолапое* кресло – топырилось; точно такие ж два кресла: одно – у окна, над которым, пыля, трепыхалась старая каряя штора; другое стояло под столбиком, где бюстик Лейбница явно доказывал: мир – наилучший...» (19).

Столь развернутая цитата понадобилась нам, чтобы показать частотность употребления сложных (индивидуально-авторских) цветовых эпитетов. Кроме того, здесь, в самом начале повествования, в свернутом виде дан весь идейно-смысловой план романа. «Фигурочка *желтого с черным* подкрасом, себя догоняющего человечка» (19) – это пока неявная, скрытая от героя и читателя угроза (знак будущих испытаний профессора математики Коробкина). Цвет «желтого с черным», как это будет показано дальше в статье, приобретет наименование «леопардового» применительно к демоническому герою романа.

По подсчетам самого автора, желтый цвет составляет 21,5 % от общего колорита романа [7: 327]. Прием сознательного «нагнетения цвета» автор фиксирует в предисловии к «Маскам»:

«Оговариваюсь: цвета обой, платья, краски закатов, – все это не случайные отступления от смысловых тенденций у меня, а – музыкальные лейтмотивы, кропотливо измеренные и взвешенные. Кто не примет это во внимание, тот в самом смысле не увидит смысла, ибо я стараюсь и смысл сделать звуковым и красочным, чтобы, наоборот, звук и краска стали красноречивы» (764).

Андрей Белый признается, что создание желтой цветовой гаммы первоначально было «бессознательным жестом». В романе с желтым цветом связан «окультурный враг», представитель демонической силы – покровитель мушиного царства Вельзевул, – все это мифологический контекст образа Мандро, мучителя Коробкина. Автор комментирует символику желтого цвета так: «...“Желчень” – цвет Аримана⁶-Вельзевула: *желтый* цвет определенного оттенка – цвет Аримана; и Коробкин уже “*ожелчен*” им в миг первого восстания перед читателем» [1: 381]. Мотив угрозы Аримана – важнейшая составляющая «наважденческой» атмосферы романа и выход к антропософскому коду романа [19]. В дальнейшем писатель связал мотив желтой пыли с цветовой палитрой Москвы: «Это “*желтое*” обстает Коробкина, привязывается; он – в столбе “*желтой*” пыли <...> ответ самой “*Москвы*” – желтая пыль» [1: 381]. Сцена, получившая наименование «страстей Коробкина»⁷, – кульминация первой части романа «Московский чудак», это чествование ученого с мировым именем, которое обернется его «растерзанием» и которое станет преддверием будущего *распятия* (пытки).

В дальнейшем разворачивании повествования И. И. Коробкин отказывается отдать шпиону свое изобретение, за что Мандро подвергает ученого пытке (выжигает глаз):

«У профессора вспыхнул затоп *ярко-красного цвета*, в котором увиделся контур – разъятие черное (пламя свечное); и – жог, кол и влип охватили зрачок, громко лопнувший; чувствовалось разрывание мозга; на щечный опух стекляннстая влилась жидкость» (355).

Мотив красной крови-пламени возникает и ранее, в первой сцене встречи героев-антагонистов. Красный цвет, который доминирует в первой части романа, – это цвет крови, огня, страданий ученого Коробкина. Проследим, как идет «нагнетание» красных оттенков и смена пыльно-желтого огне-красным. В одной из сцен романа Коробкин, подходя к входной двери дома своего противника Э. Э. Мандро, увидел «кусоч кабинета», в котором «пламенело пустое, кричавшее, *красное кресло*» (189). «Кровь», «пламя», «красное кресло» как некие цветовые знаки будущих испытаний соединились в сознании ученого: «В подсознании, где желклые, желтые краски обыденной жизни съедались пламенем?» (188). Красное пламя огня предстает в романе и как орудие в руках Мандро во время пыток, и как очистительный огонь испытания, через которые предстоит пройти главному герою. В религиозных верованиях большинства народов огонь воспринимается как очистительная, так и демоническая сила. Поиск истины для Коробкина связан с актом зрения, герой в начале повествования мечтает стать зрачком (то есть точкой отсчета) этого мира [14], [29]. Мотив утраты глаза связывает героя с древнескандинавским верховным богом Одинем, с одной стороны, с другой – встраивает всю сцену в евангельский план. Многие исследователи выявляют в сцене истязания героя евангельский подтекст страстей Христовых и Голгофы [13]. Автор романа сочетает как мифы из разных национальных мифологических систем, так и евангельскую историю Христа, выстраивая параллели и аналогии. Метатема романа «Москва» – это победа Христа в душе Коробкина. В финале романа герой прощает своего мучителя Мандро, желая, чтобы в нем пробудился человек. По мнению авторитетной исследовательницы Д. Оболенска, в этой сцене герой проходит необходимый этап инициации: «...оставшийся глаз в дальнейшем перейдет в понятие третьего глаза, связанного с космическим прозрением» [19: 149]. Возвращение сознания ученому, оказавшемуся в сумасшедшем доме, представлено через сравнение глаза человека с окном:

«Распахнулся оконный квадрат: чье жильё? Штора, веко, – открылась; но – мгла из-за шторы глядела; и кто-то к окну подошел, как зрачок, появившийся в глазе; старик коренастый – в халате: <...> а на глазе – квадратец заплаты безглазился» (410). «Каждое утро – окно открывалось; и в нем появлялся старик этот пестрый: на *черной* заплате вселенной стоять» (410).

В приведенной цитате человек, подошедший к окну, уподоблен зрачку глаза. Штора на окне, подобно веку героя, открывается, а там темнота (как и у Коробкина темнота перед изуродованным невидящим глазом). Приведенное уподобление связано с начальным эпизодом романа, в котором герой видит сон и в котором комната – оболочка глаза, а сам он – зрачок: комната «составляла лишь яблоко глаза, в котором профессор Коробкин, выглядывающий через форточку, определялся зрачком Табачихинского переулка» (20).

Символ черного квадрата («штора на окне») в романе имеет множество значений: у героя – заплаты на месте выжженного глаза, «заплаты вселенной», аллюзии на «Черный квадрат» К. Малевича. Экфрасис имеет особое значение в романе, но анализ его функции не входит в рамки данного исследования. Героиня Серафима, ухаживающая за Коробкиным в больнице, предстает в романе то «в коричневом мраке Рембрандта», то в «рафаэлевском свете». Игра «светотени» в обрисовке героини создает пример мерцающей и неповторимой *живописной стилистики* текста⁸. Серафима лечит глаз (а через него и душу) Коробкина цветовым орнаментом осенних листьев⁹:

«...Диагноз устанавливала, на каких колоритах лечить этот глаз, чтобы глаз лечил душу» (413). «...Колориты, в глаза излитые, из глаз разлетаются: наукой видеть, чтобы без истории живописи самому узнавать, что важнее, чтобы точно понять, для чего надо – з н а т ь!» (413).

Краски, их переливы и цветовые переходы осенних листьев воссоздают колорит полотен древних мастеров живописи¹⁰. Героиня листьями воссоздает цветовую палитру полотен Грюневальда, Рембрандта и Рафаэля.

«...Крап – красный, в коричнево-черном и в темно-зеленом, бледнеющем до перламутрового; как полотно Грюневальда, немецкого мастера! Это же перловое поле в коричневом мраке – Рембрандт» (413). «...Земляничные листики: легкие листики эти даны нам – в сквозном рафаэлевском свете!» (413).

Именно через созерцание цвета (колорита) полотен древних мастеров к Коробкину возвращается сознание. Увечный профессор для Серафимы – «её смысл, её жизнь, её всё» (461). Серафима – героиня, которую следует воспринимать

(интерпретировать) в ореоле античной калокагии, в которой слиты «красота» и «благо».

Андрей Белый вводит в роман художественные детали, обобщения, раскрывающие демонические черты личности героя, в том числе описание дома Мандро.

«...Проживал на Петровке в высоком, новейше отстроенном кремовом доме с зеркальным подъездом, лицеванным плиточками лазурной глазури; сплетались овалы линии лилий под мощным фронтоном вокруг головы андрогина» (26).

Герой наделен сверхчеловеческими способностями, зафиксированными в его взгляде и цвете глаз с inferнальной подсветкой: «глядя гробовыми глазами, умеющими умертвить разговор» (99); «глядя гробовыми глазами бобрового цвета» (64), «очаровательный, серебророгий и лживый» (284). «Гробовые» «бобровые» (то есть коричневые, карие) глаза устанавливают связь героя с inferнальным миром. Мандро «ходил... очаровательный, серебророгий и лживый; и взглядом, как пиявкой, вцеплялся, почуяв капканы: не “богушка”: чортище!» (284). «Серебророгий» – цвет-маркер, отсылающий нас, безусловно, к колдуну Н. Гоголя. Перед страшными видениями восставших мертвецов в «Страшной мести» «весь Днепр серебрился, как волчья шерсть среди ночи»¹.

Главный цвет, который связан с демоническим героем романа «Москва», – желто-черный, если быть точнее, *леопардовый (желтый с черными пятнами)*.

«...он забродил за стеной, как в мрачнейшей чаще, – таким *серебророгим*, насупленным туром», далее на полу «шкура пласталась малийского тигра с оскаленной пусто главою, глывшей вставным стеклом глаз» (278).

Леопардовый колер образа Мандро имеет истоки в раннем творчестве писателя. В стихотворении 1902 года «Волны зари» читаем: «У склона воздушных небес / Протянута шкура гепарда»². В Симфонии (2-й, драматической) Андрея Белого этот цвет имеет вариативный ряд: «заря напоминала леопардовую шкуру», «леопардовая заря», «леопардовая шкура зари», «леопардовая заревая шкура». Первоначально свой первый роман «Серебряный голубь» (1909) автор думал назвать «Золотой леопард». В поздней работе 1933 года «Как мы пишем», обобщающей принципы собственного творчества, автор задается вопросом:

«Что разумел я под темой “Леопард”? Нечто хищное, жестокое и злое; разгляд этого родил образ хлыста Кудярова³; – он – “Леопард”; увидена фигура симптоматическая: с 1908 года мой “с т о л я р”, перекочевав

в столицу, оказался вершителем судеб царской России» [6: 15].

Леопардовый цвет «закреплен» в разных вариациях за демоническим героем Мандро (106, 107, 108).

«В прощепе, – уже в леопардовом всё, – над трамваями, плакавшими каре-красными рельсами, – красного глаза – кровавая бровь!» (493). «Под зеркалом стал Эдуард Эдуардович в ценном халате из шкур леопардов, в червленой мурмолке (по алому полю струя золотая), – с гаванской сигарой в руке» (106).

Герой «облекся в халат леопардовый» (107). В тексте романа встречаются и оттенки желтого цвета. После заигрывания с собственной дочерью Мандро «утром встал – черно-желтый: с лимонно-зеленым лицом» (110).

Цветовая палитра обстановки в доме Мандро (леопардовые краски⁴) будет воспроизведена в доме Тигроватко, где произойдет разоблачение героя (он после совершенного преступления скрывался под другим именем, Друа-Домардэном, и поменял внешность). Глава, в которой герой будет разоблачен, носит название «В золоте стен – Домардэн» (444). За Друа-Домардэном (он же Мандро) будет установлена слежка. Разоблачение героя разворачивается в тексте романа на разных уровнях, в том числе и на цветовом.

Герои, участвующие в поимке шпиона, оказываются в доме мадам Тигроватко. Вся цветовая палитра гостиной подготавливает читателя к встрече с Друа-Домардэном через упоминание цвета.

«Драпри, абажуры – под цвет леопарда, пестрого дикими пятнами», «фон – желто-пепельный». У Слепецкого «вырвался крик»: «Это же!.. Древнее выцветом, серо-пожухлое золото: цвет – леопардовый, съеденный, мертвыми пятнами» (440). «Не входите: здесь пятнами, в выцвете, рыскает – злой золотой леопард» (440).

В 20-е годы XX века Андрей Белый словно переживает, пусть и краткий, возврат к аргонавтическому опыту своей юности (к эпохе «первых зорь») [16]:

«Великолепны, воистину, окрестности Коктебеля; сухие строгие линии берегов, холмов, скал, что-то от архаической Греции въелось в самое очертание природы; мне Коктебель напоминает греческий архипелаг» [1: 296].

В период написания второго тома романа автор проводит лето 1927 года в Грузии, в местах древней Колхиды. Андрей Белый пишет из Цихис-Дзири: «Что сказать о Цихисдзирском нашем бытии? Ведь это места древнего руна; мне, старому аргонавту, под старость лет таки пришлось ступить на этот берег» [2: 389].

К. Н. Бугаева в своих воспоминаниях говорит о замысле третьего (ненаписанного) тома «Москвы». Андрей Белый хотел показать революционную Москву, связь профессора с анархистами, отъезд вместе с Серафимой на Кавказ в Коджоры¹⁵. В последнем романе преломляются, «очуждаются» ранние аргонавтические и «симфонические» озарения Белого [24]. Природные завораживающие человека своими красками явления – закаты и зори – оказывались в восприятии «аргонавта» Андрея Белого символическими текстами, которые шифруют законы мироздания. Закат, воссозданный в «Москве», может быть прочитан в символике цвета раннего аргонавтического (символистского) периода сборника «Золота в лазури»: «Закат, как индийский топаз и как желтый пылающий яхонт» (117).

В финале романа, когда Коробкин прощает своего мучителя, осознавая внутреннюю нерасторжимую связь с ним, вновь возникает образ Москвы, радужный и многоцветный (о которой мы вели речь в начале статьи):

«Солнечнописные стены! Лимонно вспоенная стая домов бледным гелио-городом нежилась – персиковым, ананасным, перловым, изливчатым; синей стены эта белая лепень. И светописи из зеленого и золотого стекла!» (722).

Образ-символ *золотого* Солнца становится грандиозной утопией – взыскуемым автором спасением Первопрестольной и воплощением идеи перерождения героя в романе «Москва».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество Андрея Белого во многом определило развитие русской и европейской литературы XX века в их обращенности к глобальным антропологическим проблемам и в области прин-

ципального обновления повествовательных форм. Цветовой (живописный) колорит романа «Москва», слова, обозначающие цвет, символика цвета выполняют в стилевом плане романа наиважнейшую смыслодополняющую и смыслоуглубляющую роль. В статье проанализированы три цвета: желтый, красный и золотой, а также «декодирован» генезис и символика их индивидуально-авторских модификаций (леопардовый (желто-черный), пепельно-желтый). Приемы Андрея Белого, выявленные в статье: нагнетение цвета в особых знаковых и ключевых сценах романа, связь героев с одним цветом, модификация цветовых решений, индивидуально-авторские оттенки цвета (возврат на новом творческом этапе к цветам символистского периода), глубокий подтекст цветовой игры (выход на биографический и антропософский уровни), использование цвета и его оттенков при описании Первопрестольной. Все эти принципы легли в основу цветописи романа «Москва», фундаментом которой стал особый «натурализм» («метод Гете»). В статье были рассмотрены три цвета, работа по дальнейшему «декодированию» цветовых решений в романе должна быть продолжена.

Цветовая гамма романа, его живописная стилистика (выход к краскам художников Возрождения) – один из возможных путей понимания этого сложнейшего текста, одного из самых значительных примеров «орнаментальной прозы» XX века. Уроки Андрея Белого в поисках текстопорождающих смыслов (в частности на цветовом уровне) несомненно важны во всей парадигме русской литературы, а сам роман «Москва» должен войти в литературный процесс русской словесности, хоть и со значительным опозданием.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее текст Андрея Белого приводится по: Белый А. Москва / Сост. С. И. Тиминой. М.: Сов. Россия, 1989. 768 с. В круглых скобках указывается номер страницы арабскими цифрами.

² Б. Н. – сокращ. Борис Николаевич (Бугаев). Настоящее имя писателя.

³ См.: «Причудливы стези людские. Кто наблюдает их в поисках сходства, тот распознает, как образуются странные начертания, принадлежащие, судя по всему, к неисчислимым, загадочным письменам, приметным повсюду, на крыльях, на яичной скорлупе, в тучках, в снежинках, в кристаллах, в камнях различной формы, на замерзших водах, в недрах и на поверхности гор, в растительном и животном царстве, в человеке, в небесных огнях...». Новалис. Ученики в Саисе // Новалис. Гимны к ночи. М.: Энигма, 1996. С. 71.

⁴ См. об этом: Гете И. В. Избранные стихотворения и проза / Сост. и автор вступ. ст. Л. И. Мальчуков. Петрозаводск: Карелия, 1987. С. 17.

⁵ Второй том романа «Москва».

⁶ Ариман – антропософский образ-символ демонической силы, соблазняющий человека. Желто-зеленая стена комнаты является порогом духовного мира. Тем самым мотив желтого цвета входит в антропософский мотивный комплекс.

⁷ Автор романа в письме Иванову-Разумнику: «В “Москве” негромкая жизнь смешного чудака профессора Коробкина разворачивается в мистерию “Страсти Коробкина”...» [1: 332].

⁸ Большой материал собран: Миассарова Э. Р. Функционирование светоцветовой концептосферы в текстах (на материале произведений М. Пруста и А. Белого): Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 260 с.

- ⁹ К. Н. Бугаева пишет о палитре осенних листьев, которые Андрей Белый собирал в Кучино под Москвой (где была написана большая часть романа), и о связи их колорита с живописной стилистикой романа. «Казалось, перед тобою не листик, а огромное полотно, с мрачной силою передающее трагизм большого события. Вставляли в память Грюневальд, Лука Крапах, Рембрандт». «– Вот, нашел-таки то, что нужно. В таких тонах будет дано окончание “Москвы под ударом”. Теперь всё сомкнулось. Есть спайка. Больше нечего думать. Остается писать, как с готовой модели» [8: 182–183].
- ¹⁰ О живописных реминисценциях: Астащенко Е. В. Функции аллюзий в трилогии Андрея Белого «Москва»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 18 с.
- ¹¹ Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки // Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. М.: Худож. лит, 1966. С. 165.
- ¹² Белый А. Стихотворения. М.: Эллис Лак 2000, 2006. С. 51.
- ¹³ Столяр-апокалиптик в романе «Серебряный голубь».
- ¹⁴ Обстановка дома в желто-золотистых тонах: «желтодубовые двери» (26), «золотенькие кресла» (64).
- ¹⁵ См.: «Вставала опять тема “Арго” – аргонавтизм по-новому – искание новых путей в страну Золотого Руна, страну новых людей, страну будущего. Все это хотелось облечь теперь в художественную форму, “воплотить” хотя бы на страницах романа» [8: 157].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка 1913–1932 гг. / Публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum: Феникс, 1998. 736 с.
2. Андрей Белый и П. Н. Зайцев. Переписка // Зайцев П. Н. Воспоминания / Сост. М. Л. Спивак; Вступ. ст. Дж. Малмстада, М. Л. Спивак. М.: Новое лит. обозрение, 2008. С. 361–543.
3. Астащенко Е. В. Способ создания образа города в романе Андрея Белого «Москва» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2012. № 4. С. 44–53.
4. Барковская Н. В. Под знаком Гераклита. Идеино-художественное своеобразие романа А. Белого «Москва» // Русская литература 20 века. Вып. 1. Екатеринбург, 1992. С. 94–104.
5. Белый А. Дом-музей М. А. Волошина // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 506–510.
6. Белый А. Как мы пишем // Андрей Белый. Проблемы творчества. М.: Сов. писатель, 1988. С. 10–19.
7. Белый А. Мастерство Гоголя. М.: МАЛП, 1996. 351 с.
8. Бугаева К. Н. Воспоминания об Андрее Белом. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 448 с.
9. Воронский А. К. Мраморный гром (Андрей Белый) // Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников / Сост., вступ. ст., коммент. А. В. Лаврова. СПб., 2004. С. 765–793.
10. Делекторская И. Б. Маски и «маски» Андрея Белого [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/22/delektorskaya22.shtml> (дата обращения 02.02.2020).
11. Иванов-Разумник. «Москва»: план ненаписанной статьи // Андрей Белый. Публикации. Исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 133–143.
12. Ишимбаева Г. Г. Фаустиана по-антропософски («Москва» Андрея Белого) // Ишимбаева Г. Г. Русская фаустиана XX века. М.: Флинта, 2002. С. 54–86.
13. Кожевникова Н. А. Евангельские мотивы в романе Андрея Белого «Москва» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 493–504.
14. Коно В. Мотив «глаза» в романе «Москва» А. Белого // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения / Сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина, И. Б. Делекторская. М.: Наука, 2008. С. 489–498.
15. Кустова Г. И. Языковые проекты Вяч. Иванова и Андрея Белого: философия языка и магия слова // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Языки слав. культур, 1999. С. 383–411.
16. Лавров А. В. Мифотворчество аргонавтов // Миф – фольклор – литература. Л.: Наука, 1978. С. 137–170.
17. Магомедова Д. М. Мотивы «Страшной мести» Н. Гоголя в романном цикле А. Белого «Москва» // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения / Сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина, И. Б. Делекторская. М.: Наука, 2008. С. 398–403.
18. Михайлов А. В. Языки культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 909 с.
19. Оболенская Д. Путь к посвящению. Антропософские мотивы в романах Андрея Белого. Gdańsk, 2009. 274 с.
20. Паперный В. А. Белый и Гоголь // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Единство и изменчивость историко-литературного процесса / Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1982. Вып. 604. С. 112–126.
21. Пискунов В. Из наблюдений над текстом романа «Москва» // Пискунов В. М. Чистый ритм Мнемозины. М.: Альфа М, 2005. С. 175–185.
22. Семьян Т. Ф. О визуальном облике прозы Андрея Белого // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения / Сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина, И. Б. Делекторская. М.: Наука, 2008. С. 499–507.
23. Спивак М. Л. Андрей Белый – мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006. С. 354–365.

24. С п и в а к М. Л. «Золотое руно» Задопьятова: аргонавтизм // Спивак М. Л. Андрей Белый – мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006. С. 317–323.
25. Т и м и н а С. И. Забытая классика (роман Андрея Белого «Москва») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2016. № 1 (179). С. 20–25.
26. Ш а р а п е н к о в а Н. Г. Роман «Москва» Андрея Белого и «Фауст» И.-В. Гете в контексте антропософии Р. Штайнера // Ученые записки Петрозаводского гос. университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 1 (130). С. 63–67.
27. Э й х е н б а у м Б. «Москва» Андрея Белого // Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников / Сост., вступ. ст., коммент. А. В. Лаврова. СПб., 2004. С. 755–757.
28. С о о к е О l g a М. Gogol's "Strashnaia mest" and Bely's prose fiction: the role of Karma // Russian Language Journal. 1989. XLIII. Nos. 145–146. P. 71–84.
29. С о о к е О l g a М. The Muscovite King Lear: Ocular motifs in Andrei Belyi's "Moscow" novels // Canadian Review of Comparative Literature. 1992. Vol. XIX. No 4. December. P. 585–595.

Поступила в редакцию 05.02.2020

Natalia G. Sharapenkova, Doctor of Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
natshar@mail.ru

“COLOR SHADES ORNAMENT”: THE SYMBOLISM OF COLORS IN ANDREI BELY’S NOVEL *MOSCOW*

This paper presents one of the ways to interpret a poorly studied novel *Moscow* (1926–1932) by Andrei Bely through the symbolism of colors in the descriptions of the city and the images of two antagonistic characters. Three colors were analyzed: yellow, red, and golden, as well as their individual shades and modifications created by the author (leopard and ash-yellow), which, together with other shades (black, grey, etc.), make up a consistent color ornament for the whole novel. Decoding (interpreting) the use of colors in the novel enabled to reveal its genesis through references to the writer’s correspondence and memoirs. Connections were built with the early works of Andrei Bely, written during his Symbolist period, and a deeper level of the novel was explored. A general conclusion was made concerning the specific individual style of the writer, where the color and other text categories are characterized by increased signification and semioticity. The author suggested one of the ways for a new “reading” or interpretation of one of the most complicated works of fiction of the XX century. In the future, it could help trace the creative evolution of the writer and incorporate this novel into the literary landscape of the Russian culture of the XX century.

Keywords: Andrei Bely, color poetics, color symbolism, Moscow, novel *Moscow*, anthroposophy, symbolism

Cite this article as: Sharapenkova N. G. “Color shades ornament”: the symbolism of colors in Andrei Bely’s novel *Moscow*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 25–33. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.461

REFERENCES

1. Andrei Bely and Ivanov-Razumnik. Correspondence of 1913–1932. (A. V. Lavrov, J. Malmstad, Publ., Foreword, Commentary). St. Petersburg, 1998. 736 p. (In Russ.)
2. Andrei Bely and P. N. Zaytsev. Correspondence. *Zaytsev P. N. Memoirs*. (M. L. Spivak, Comp.; J. Malmstad, M. L. Spivak, Foreword). Moscow, 2008. P. 361–543. (In Russ.)
3. A s t a s h c h e n k o E. V. The way to create an image of the city in the novel by Andrei Bely. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2012. No 4. P. 44–53. (In Russ.)
4. B a r k o v s k a y a N. V. Under the sign of Heraclitus. Ideological and artistic identity of A. Bely’s novel *Moscow*. *Russian literature of the XX century*. Issue 1. Ekaterinburg, 1992. P. 94–104. (In Russ.)
5. B e l y A. The House-Museum of M. A. Voloshin. *Recollections about Maximilian Voloshin*. Moscow, 1990. P. 506–510. (In Russ.)
6. B e l y A. How we write. *Andrei Bely. The problems of creativity*. Moscow, 1988. P. 10–19. (In Russ.)
7. B e l y A. Hogol’s mastery. Moscow, 1996. 351 p. (In Russ.)
8. B u g a e v a K. N. Recollections about Andrei Bely. St. Petersburg, 2001. 448 p. (In Russ.)
9. V o r o n s k i y A. K. The marble thunder (Andrei Bely). *Andrei Bely: pro et contra. Andrei Bely’s personality and creativity in the evaluations and interpretations of his contemporaries*. (A. V. Lavrov, Ed., Foreword, Commentary). St. Petersburg, 2004. P. 765–793. (In Russ.)
10. D e l e k t o r s k a y a I. B. Masks and “masks” of Andrei Bely. Available at: <http://www.utoronto.ca/tsq/22/delektorskaya22.shtml> (accessed 02.02.2020). (In Russ.)
11. Ivanov-Razumnik. “Moscow”: outline of an unwritten article. *Andrei Bely. Publications. Studies*. Moscow, 2002. P. 133–143. (In Russ.)

12. Ishimbaeva G. G. Faustiana through anthroposophy (*Moscow* by Andrei Bely). *Ishimbaeva G. G. Russian Faustiana of the XX century*. Moscow, 2002. P. 54–86. (In Russ.)
13. Kozhevnikova N. A. Evangelical motifs in Andrei Bely's novel *Moscow*. *Evangelical text in Russian literature of the XVIII–XX centuries*. Petrozavodsk, 1995. P. 493–504. (In Russ.)
14. Kono V. The «eye» motif in Andrei Bely's novel *Moscow*. *Andrei Bely in the changing world: celebrating his 125th birth anniversary*. (M. L. Spivak, E. V. Nasedkina, I. B. Delektorskaya, Comp.). Moscow, 2008. P. 489–498. (In Russ.)
15. Kustova G. I. Language projects of V. Ivanov and Andrei Bely: the philosophy of language and the magic of the word. *Vyacheslav Ivanov. Archival materials and studies*. Moscow, 1999. P. 383–411. (In Russ.)
16. Lavrov A. V. Myth formation of the Argonauts. *Myth – folklore – literature*. Leningrad, 1978. P. 137–170. (In Russ.)
17. Magomedova D. M. Motifs of N. Gogol's *Terrible Revenge* in A. Bely's series of novels *Moscow*. *Andrei Bely in the changing world: celebrating his 125th birth anniversary*. (M. L. Spivak, E. V. Nasedkina, I. B. Delektorskaya, Comp.). Moscow, 2008. P. 398–403. (In Russ.)
18. Mikhaylov A. V. Languages of culture. Moscow, 1997. 909 p. (In Russ.)
19. Obolenska D. The way to initiation. Anthroposophic motifs in Andrei Bely's novels. Gdansk, 2009. 274 p. (In Russ.)
20. Paperniy V. A. Bely and Gogol. *Works on Russian and Slavic philology. Literary studies. Unity and variability of the historico-literary process. Proceedings of Tartu University*. Tartu, 1982. Issue 604. P. 112–126. (In Russ.)
21. Piskunov V. Some observations on the novel *Moscow*. *Piskunov V. M. Clear rhythm of Mnemosyne*. Moscow, 2005. P. 175–185. (In Russ.)
22. Sem'yan T. F. The visual form of Andrei Bely's prose. *Andrei Bely in the changing world: celebrating his 125th birth anniversary*. (M. L. Spivak, E. V. Nasedkina, I. B. Delektorskaya, Comp.). Moscow, 2008. P. 499–507. (In Russ.)
23. Spivak M. L. Andrei Bely – a mystic and Soviet writer. Moscow, 2006. P. 354–365. (In Russ.)
24. Spivak M. L. The “Golden Fleece” of Zadopyatov: Argonautism. *Spivak M. L. Andrei Bely – a mystic and Soviet writer*. Moscow, 2006. P. 317–323. (In Russ.)
25. Timina S. I. Forgotten classic (Andrei Bely's novel *Moscow*). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 2016. No 1 (179). P. 20–25. (In Russ.)
26. Sharapenkova N. G. Andrei Bely's novel *Moscow* and Goethe's drama *Faust* in context of R. Steiner's anthroposophy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. Ser.: Social Sciences and Humanities. 2013. No 1 (130). P. 63–67. (In Russ.)
27. Eichenbaum B. Andrei Bely's *Moscow*. *Andrei Bely: pro et contra. Andrei Bely's personality and creativity in the evaluations and interpretations of his contemporaries* (A. V. Lavrov, Ed., Foreword, Commentary). St. Petersburg, 2004. P. 755–757. (In Russ.)
28. Cooke Olga M. Gogol's “Strashnaia mest” and Bely's prose fiction: the role of karma. *Russian Language Journal*. 1989. XLIII. Nos 145–146. P. 71–84.
29. Cooke Olga M. The Muscovite King Lear: Ocular motifs in Andrei Bely's “Moscow” novels. *Canadian Review of Comparative Literature*. 1992. Vol. XIX. No 4. December. P. 585–595.

Received: 5 February, 2020

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ НАДЕЖКИН

кандидат филологических наук, независимый исследователь
(Нижний Новгород, Российская Федерация)
aleksej1001@gmail.com

**«ГОСПОДЬ ПРИМИРЯЕТ СЕРДЦА КНЯЗЕЙ».
ДВЕ ПАТРОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ТОЛКОВАНИИ И ПЕРЕВОДЕ
СТИХА ИЗ КНИГИ ИОВА 12:24**

Настоящее исследование посвящено проблеме перевода стиха Книги Иова (12:24), который имеет несколько вариантов в различных религиозных традициях. В масоретском тексте он читается так: «...отнимает ум у глав народа земли и оставляет их блуждать в пустыне, где нет пути», а в тексте Септуагинты имеет вид: «Изменяющий сердца владык земных оставляет их блуждать на пути, которого они не знали». Причина разночтения не только в том, что масоретский и греческий варианты опирались на разные значения еврейского слова «סִיג» (*sîg*), но и в том, что существует несколько буквальных переводов стиха с греческого на славянский. Данное исследование показало, что различия в греческом варианте объясняются полисемией слова «διαλλάσσω», что привело к разночтениям в латинских текстах. Возникновение вариативности в данном стихе повлекло за собою развитие нескольких экзегетических традиций, в рамках которых толкователи пытались найти решение данной языковой проблемы. В статье приводятся две экзегетические традиции, одна из которых берет начало в трудах Кирилла Иерусалимского, который понимает греческое слово «διαλλάσσω» как «примирающий». Иероним Стридонский занимал особую позицию и при работе с книгой Иова использовал оба варианта перевода стиха. Вторая традиция чтения этого текста также принадлежит Иерониму Стридонскому. Он переводил книгу Иова с Септуагинты и выбрал прямое значение слова «διαλλάσσω» («изменяющий») из-за близости к еврейскому тексту и возможности трактовать «изменение сердца» как «лишение разума». Кроме Иеронима Блаженного, слово «inmutat» («изменяет») для передачи греческого «διαλλάσσω» использовали также Григорий Двоеслов и Проспер Аквитанский.

Ключевые слова: Книга Иова, патрология, экзегетика, древнегреческий язык, полисемия, библеистика, проблема перевода

Для цитирования: Надежкин А. М. «Господь примиряет сердца князей». Две патрологические традиции в толковании и переводе стиха из Книги Иова 12:24 // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 34–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.462

ВВЕДЕНИЕ

Одна из самых сложных задач переводчика – это перевод художественного текста, так как при его выполнении специалист сталкивается с нетривиальной задачей перевода идиом, фразеологизмов, метафор, то есть выражений, употребленных в переносном значении. Наряду с новейшими исследованиями практики переводов современных текстов это требует рецепции современными переводчиками и филологами опыта перевода древних текстов, так как они представляют собой образцы переводческого мастерства. В центре внимания данной статьи – текст Книги Иова на еврейском и греческом языках, в которых «чуть не половина главы трактует о разных предметах по обоим переводам, и как-либо “примиришь и объединишь” эти пере-

воды совершенно невозможно» (Юнгер). Цель данной статьи – выяснить причину появления вариантов в стихе, который в Синодальном переводе звучит как Господь «отнимает ум у глав народа земли, и оставляет их блуждать в пустыне, где нет пути» (Иов. 12:24), а в греческом тексте: «διαλλάσσω καρδίας ἀρχόντων γῆς, ἐπλάνησεν δὲ αὐτοῦς ὁδῶ, ἧ οὐκ ᾔδεισαν»¹, что значит: «Изменяющий сердца владык земли заставил блуждать их на пути, которого они не знали».

В основе церковнославянского перевода Библии лежит Септуагинта, греческий перевод Ветхого Завета, что дает нам богатый материал для сравнения. Так, Елизаветинская Библия (1751) интересующий нас стих переводит как:

«...изменяя сердца князей земных, прельсти же их на пути, егоже не ведяху»².

В случае со славянским переводом греческого слова «διαλλάσσω» мы имеем дело с буквализмом, где переводчик в качестве соответствия выбрал основное значение данного слова. В русском языке есть значение «менять – покидать», но оно не является основным, поэтому проблема понимания стиха обостряется, если к славянскому переводу обращается читатель, незнакомый со словарными значениями греческого варианта.

П. А. Юнгер, настаивавший на том, что перевод ветхозаветных книг должен быть произведен с греческого текста, передает эту фразу так: Господь «изменяет сердца владык земных, оставляет их блуждать на пути, которого они не знали»³.

Возникновение вариативности в данном стихе повлекло за собою развитие нескольких экзегетических традиций, в рамках которых толкователи пытались найти объяснение возникшему разночтению.

«Лингвистическая проблема» стиха Книги Иова 12:24 заключается как в полисемии еврейского слова *sûr* (дословно означает «повернуть в сторону»), которое может быть переведено и как «отнимает» в Синодальном переводе, и как «изменяет» в Септуагинте, так и в многозначности греческого слова «διαλλάσσω», что породило разночтения в этом стихе при переводе его на другие языки. Проблема относится в большей степени к науке о языке, чем к богословию, потому что и Святые Отцы, и позднейшие теологи не спорили о значении этого стиха, он не являлся предметом богословских разногласий, хотя толкователи, опирающиеся на различные переводы, привносили дополнительные смыслы в его понимание.

Научная новизна данной статьи заключается в том, что в современной научной литературе не существует специального исследования, посвященного полисемии в переводах стиха Книги Иова 12:24, а также анализу редких вариантов перевода, основанных на Септуагинте, с привлечением обширного критического материала.

При сравнении септуагинтального чтения с масоретским для христианского читателя очень важным окажется аргумент *ad patres*, так как многие авторитетные церковные писатели цитировали исследуемые нами стихи по греческому тексту.

В работе над данной статьей было просмотрено 90 томов собрания сочинений греческих Отцов Церкви *Patrologia Graeca*, и не в одном из них стих «διαλλάσσω καρδίας ἀρχόντων ἡῖς, ἐπλάνησεν δὲ αὐτοὺς ὁδοῦ, ἣ οὐκ ᾔδεισαν» не чи-

тался в прямом смысле. Мы можем выявить определенную патрологическую традицию аллегорического чтения данного стиха, хотя она и не представлена большим числом текстов. Единственное толкование этого стиха на греческом языке мы находим в «Поучениях огласительных» Кирилла Иерусалимского.

Обращаясь к толкованиям свт. Кирилла, мы видим, что именно в этом стихе он читал «διαλλάσσω» как «примиряет»:

«Связанный пошел Он от Каиафы к Пилату (см. Ин. 18:28); И связавшие Его отнесли в дар царю Иареву (Ос. 10:6). Но возразит кто-либо из внимательных слушателей: Пилат не был царь; итак, оставляя многие изыскания, спросим: как связавшие Его отправили Его в дар царю Иареву? Но прочти написанное в Евангелии: Пилат, услышав, что Он из Галилеи, послал Его к Ироду (Лк. 23:7); а Ирод был тогда царем и находился в Иерусалиме. Примечай же точность пророческую. Посему в дар послан Он; *И сделались в тот день Пилат и Ирод друзьями между собою, ибо прежде были во вражде друг с другом* (Лк. 23:12). Ибо Тому, Который хочет примирять небо с землей, прилично было первых примирить тех, которые Его осуждали: притом присутствовал здесь сам Господь, примиряющий сердца Князей земных» (Иов. 12:24). Видишь точность пророков и истину свидетельства?»⁴.

Если обратиться к оригиналу, то мы прочтем у Кирилла Иерусалимского: «ὁ διαλλάσσω καρδίας ἀρχόντων τῆς γῆς». Греческие тексты в «*Patrologia graeca*» имеют параллельный перевод на латинский язык, и при переводе на латынь «διαλλάσσω» передано как «*reconciliat*»: «...*qui reconciliat corda principum terrae*» (дословно: «который примиряет сердца владык земли»)». Этой традиции понимания исследуемого стиха последовали и латинские авторы. Так, младший современник Кирилла Иерусалимского, Руфин Аквилейский, почти дословно приводит цитату из «Поучений огласительных»⁶ и, ссылаясь на пророчество о Пилате из Ветхого Завета, соединяет его с ветхозаветным преданием. При переводе на латинский язык отрывка из книги свт. Кирилла Руфин Аквилейский перелагает и 24-й стих из 12-й главы Книги Иова по варианту Септуагинты и именно в том значении, которое использовал Кирилл Иерусалимский, создавая новый вариант стиха на латинском языке: «*Dominus reconciliat corda principum terrae*»⁷, что, в свою очередь, можно дословно перевести на русский как «Господь примиряет сердца владык земли». Этот вариант отличается и от масоретского текста, и от Иеронимовой Вульгаты, он вошел в состав сборника древнелатинских переводов Сабатье⁸.

Вторым автором, употреблявшим в своих творениях вариант с «*reconciliat*», был Блаженный

Августин. Он использовал этот перевод в своем произведении «Заметки на книгу Иова»:

«Reconcilians corda principum populi terrae: sibi reconcilians vel Judaeus vel reges terrae, qui primo persequebantur Ecclesiam. Seduxit autem eos in viam, quam non noverant: subruendo Legis opera, ut simpliciter intelligerentur, hinc eis visus est peccator»⁹ (дословно: «Примирающий сердца глав народа земли: собой примиряющий как иудеев, так и царей земли, которые тотчас же стали гонителями Церкви. Совратил же их на путь, которого они не знали: свержением дел Закона, чтобы они (дела) проще понимались, оттого им привиделся грешник»).

Августин использует перевод Септуагинты и читает «διαλλάσσειν» как «примирает», следуя в этом традиции свт. Кирилла Иерусалимского, но, с другой стороны, он вносит в толкуемый стих свое понимание. Если свт. Кирилл воспринимает примирение Ирода и Пилата как благо, то Блаженный Августин пишет, что хотя «иудеи и цари земные» примирились, но поводом к миру послужила общая ненависть к Церкви, потому что те, кого Господь примирил, стали ее «первыми гонителями». Таким образом, Блаженный Августин, хотя и следует переводу свт. Кирилла и отчасти принимает во внимание его толкование, предлагает читателю совершенно иную экзегезу данного стиха, что обусловлено, вероятно, основным значением слова «διαλλάσσειν» – «изменяющий». Значение «изменяющий» лишено оценочной коннотации: в русском переводе Кирилла Иерусалимского, для которого важна тема примирения, переводчик оставил церковнославянский вариант перевода Септуагинты, не пояснив, что в данном контексте имеется в виду другое значение слова¹⁰. Это не является большим недочетом в переводе, потому как семантическое поле слова «изменяющий» в контексте может содержать значение «перехода от вражды к миру», но допустима и противоположная трактовка: «изменяющий сердца» не от противостояния к миру, а от «разума к безумию». С одной стороны, такая трактовка слова «изменяющий» близка к масоретской версии: «отнимает ум у глав народа земли», с другой – она встраивается в ткань самого текста на микроуровне, потому что далее говорится, что князья «блуждают в пустыне, где нет пути», и сравниваются с пьяными. На макроуровне мы видим, что данный стихотворный отрывок посвящен тому, как Господь сокрушает сильных мира сего:

«Он приводит советников в необдуманность и судей делает глупыми. Он лишает перевязей царей и поясом обвязывает чресла их; князей лишает достоинства и низвергает храбрых; отнимает язык у велеречивых и старцев лишает смысла; покрывает стыдом знаменитых и силу могучих ослабляет» (Иов. 12:17–21).

В таком контексте то, что словосочетание «изменяет сердца» может означать «лишать разума», выглядит логично и даже находит прямую переключку со словами: «отнимает язык у велеречивых и старцев лишает смысла». Именно в смысле «лишения разума» понимает слово «примирающий» Блаженный Августин, потому что цари земные «примирились» в готовности преследовать Церковь и, изменив пути прямому, пошли по пути превратному. В отличие от свт. Кирилла, который одобрял примирение Пилата и Ирода, Блаженный Августин говорит о них как о тех, кто совещался против Христа и кого Он победил Своим воскресением.

Необходимо отметить, что Аврелий Августин приводит последний отрывок исследуемого стиха: «Quo errore tenebrati sunt tanquam ebrius»¹¹ (дословно: «Отклонившись от пути, окутаны тьмой, подобно пьяному»). Он не дает никакого комментария к нему и, по-видимому, сохраняет этот стих для целостности текста. Очевидно, что для Августина этот текст имел общее толкование с предыдущим, с которым они входят в один синонимический параллелизм: «Извратил их с пути, которого они не знают». Тем не менее этот стих оказывается чрезвычайно важен в лингвистическом отношении, так как представляет собой вариант, отличный от Иеронимовой Вульгаты и не засвидетельствованный у Руфина Аквилейского, который дает усеченную цитату. Обнаруженный у Августина стих переводится так: «Которые сбились с (прямого) пути во тьме, подобно пьяному». Таким образом, Августин создал гибридное толкование, учитывающее разные экзегетические подходы.

Особую позицию в толковании данного стиха занимал св. Иероним, который написал две версии перевода книги Иова с Септуагинты и во втором варианте в стихах 12:24–25 вместо «inmutat» перевел «reconcilians»:

«Reconcilians corda principum populi terrae, seduxit autem illos in via, quam non noverant. Tractabit tenebras et non lucem, et errabunt sicut ebrius»¹² (дословно: «Примирающий сердца глав народа земли, совратил же их на путь, которого они не знали. Будут ошупывать тьму, а не свет, и будут блуждать, словно пьяный»).

Таким образом, св. Иероним, полиглот, прекрасный знаток греческого и еврейского языков, являясь автором одного из экзегетических подходов к пониманию этого стиха, не противопоставлял две традиции толкования слова «διαλλάσσειν», но оба считал допустимыми и, очевидно, равноценными, раз использовал слово «примирающий» во втором переводе, хотя именно он, как показывает данное исследование, первым стал трактовать «διαλλάσσειν»

как «изменяющий». То, что Иероним использовал оба значения слова «*διαλλάσσω*», отчасти снимает вопрос, какое из значений предпочтительнее при переводе этого стиха, более того, обе традиции толкования не противопоставляются друг другу, а переплетаются. Отметим, что ссылки на такого авторитетнейшего автора, как св. Иероним, нет у Сабатье, который отмечает «*resconcilians*» только у Блаженного Августина и Руфина, что создает ошибочное представление о том, что для переводчика Вульгаты «*inmutat*» было предпочтительнее.

Как было сказано выше, автором второй патрологической традиции является переводчик Священного Писания на латинский язык – Иероним Стридонский, который перевел стихи из Книги Иова 12:24–25 так:

«*qui inmutat cor principum populi terrae et decipit eos ut frustra incedant per invium palpabunt quasi in tenebris et non in luce et errare eos faciet quasi ebrios*»¹³ (дословно: «который изменяет сердце глав народа земли и обманывает их, чтобы по ложному пути шли по бездорожью, ощупывали (ощупью) точно во тьме, а не на свету, и делает так, чтобы они блуждали, подобно пьяным»).

Этот вариант, как и традиция Кирилла Иерусалимского, представлен у небольшого количества богословов. В результате проведенного в рамках данного исследования анализа на материале собрания латинских авторов *Patrologia Latina* (тома 1–90) было выяснено, что вариант св. Иеронима встречается только в произведениях самого создателя Вульгаты, а другие раннехристианские авторы (вплоть до Беды Достопочтенного) не читают этот стих в переводе Иеронима Стридонского за исключением Проспера Аквитанского и Григория Великого. Это объясняется в целом низкой цитируемостью двенадцатой главы книги Иова, особенно у тех авторов, которые не создают специальные книжки-комментарии к этой части Библии, а также тем, что в переводе Иеронима стих теряет свой примирительный смысл и потому перестает быть интересным для части богословов, так как слово «*inmutat*», в отличие от его переводческого эквивалента в греческом языке, не имеет значения «примиряющий» [2: 495].

В произведении св. Иеронима «*Expositio interlinarias libri Job*» («Описание исправлений в Книге Иова») дан следующий вариант:

«*Qui mutat cor principum populi terrae et decipit eos ut frustra incedant. Per invium palpabunt quasi in tenebris et non in luce et errare eos faciet quasi embrius*»¹⁴ (дословно: «Который изменяет сердце глав народа земли и обманывает их, чтобы по ложному пути шли. По бездорожью ощупывают (ощупью), словно во тьме, а не на свету, и делает так, чтобы они блуждали, подобно пьяному»).

В любом случае, они оба выполнены по Септуагинте, так как слово «*διαλλάσσω*» передано как «*qui mutat*», означающее «который изменяет», и оба перевода предпочли прямой смысл этого слова переносному.

Необходимо отметить, что Иероним написал полноценный комментарий на книгу Иова. В этом комментарии указаны все стихи, но не на каждый из них дается толкование. Так, св. Иероним приводит крупный отрывок из двенадцатой главы со схожим содержанием:

«...*qui revelat profunda de tenebris et producit in lucem umbram mortis. Qui multiplicat gentes et perdit eos et subversas in integrum restituit. Qui immutat cor principum populi terrae, et decipit eos ut frustra incedant per invium palpabunt quasi in tenebris et non in luce et errare eos faciet quasi ebrios*»¹⁵ (дословно: «который открывает глубокое из тьмы и выводит на свет тень смертную. Который умножает народы и истребляет их и ниспровергнутых в прежнем положении (нетронутыми) восстанавливает. Который изменяет сердце глав народа земли и обманывает их, чтобы по ложному пути шли по бездорожью, ощупывали (ощупью), точно во тьме, а не на свету, и делает так, чтобы они блуждали, подобно пьяным»).

Все эти строки из Иова для св. Иеронима имеют одинаковое значение – свидетельство силы Божьей, и он не считает их затруднительными. Так, стих из Книги Иова 12:24 потерял свое собственное экзегетическое значение. На несколько сложных стихов св. Иероним пишет очень короткий комментарий, в котором раскрывает смысл некоторых метафор, и этим ограничивается в толковании данного пассажа:

«*Umbra mortis ipse diabolus est, qui non protegit homines, sed permit in mortem, hic praeducitur in lucem, quando ab anima fidei separatur*»¹⁶ (дословно: «Тень смертная – сам диавол, который не защищает людей, но вводит в смерть, он ведется вперед на свет, когда от верной души отделяется»).

В 28-м томе *Patrologia Latina* приведена книга Иова в редакции Иеронима с небольшими грамматическими изменениями:

«*Qui immutat cor principum populi terrae, et decipit eos ut frustra incedant per invium palpabunt quasi in tenebris et non in luce et errare eos faciet quasi ebrios (embrium)*»¹⁷ (дословно: «Который изменяет сердце глав народа земли и обманывает их, чтобы по ложному пути шли по бездорожью, ощупывали (ощупью), точно во тьме, а не на свету, и делает так, чтобы они блуждали, подобно пьяным (пьяному)»).

Другим автором, следующим за Иеронимовой традицией, является Проспер Аквитанский: «*Qui inmutat cor principum terrae et decipit eos, ut frustra incedant per invium. Palpabunt quasi in tenebris, et non in luce et errare eos faciet, quasi ebrios*»¹⁸. Мы находим это место из Иова

в его книге «De vocatione omnium gentium» («О призвании всех народов»). Стихи эти приводятся в составе огромной цитаты, состоящей из 8 последних стихов XII главы (а потому рассматриваемые стихи у Проспера Аквитанского лишаются собственного значения), которая почти не сопровождается комментариями. О комментарии Проспера Аквитанского можно сказать, что он толкует «изменение сердец князей» как отклонение их от истины и от путей Божьих, что совершенно оправдано в контексте главы, но отдельные стихи теряют свое собственное значение и являются цепью синонимических повторов, организованных в градационной последовательности, имеющих лишь общий смысл: Господь всемогущ, все в его власти. Господь наказывает неправедных, невзирая на то, какое положение в обществе они занимают.

Свт. Григорий Двоеслов поддерживает экзегезу Августина о губительной измененности сердец иудеев. Опираясь на перевод Септуагинты и относя стих к пророчеству о Страстях Господних, он пишет:

«Ибо “сердца глав народов земли были изменены”, когда первосвященники и старейшины народа в Иудее поставили себя против Него, по советам своим, хотя ранее объявляли, что Он должен прийти. И когда они стремились изгнать Его Имя, преследуя Его, обманутые своей собственной злобой, они тщетно пробовали “бродить там, где нет пути”, потому что это было невозможно, чтобы “путь” открылся для жестокости, направленной против Творца всего сущего»¹⁹.

Григорий Великий также обращает внимание на то, что иудеи, о которых сказано это пророчество,

«видели чудеса, они боялись Его силы, но отказались верить, и по-прежнему стремились получить знаки, в то время как они сказали: каким знамением докажешь Ты, чтобы мы увидели и поверили Тебе?» (Ин. 6:30)²⁰.

Другая группа комментаторов – это иудейские толкователи, которые создавали свои экзегетические труды, обращаясь к еврейскому оригиналу, и для нас они интересны как знатоки иврита, которые бы пролили свет на филологические трудности, связанные с отрывком. Кроме того, обращение к творчеству иудейских экзегетов дает богатый сравнительный материал, который, возможно, прольет свет на обоснование выбора переводческого эквивалента у авторов Септуагинты. Древний иудейский комментатор Раши не видит лингвистической проблемы в стихе 12:24 Книги Иова. Он приводит этот стих по масоретской версии, и масоретское чтение этого стиха не вызывает у него затруднений.

Он почти не оставляет комментария на 24-й стих. Комментарий его сугубо грамматический: вместо «в пустыне непроходимой» он предлагает читать этот стих с союзным словом «в которой»: «пустыня, в которой нет пути» («in a wasteland not a road / In a wasteland that is not a road»). Такое умолчание должно быть для нас информативным: это значит, что один из самых авторитетных иудейских авторов считает значение этого стиха ясным [4: 674–685], [7].

Анонимный иудейский комментатор приводит стих из Книги Иова 12:24 по масоретскому тексту: «He takes away the heart of chiefs of people of the earth, who lead them, but to lead them astray in a wilderness, where there is no way trodden for them»²¹. Он пишет, что также через пустыню Бог вел Илию, который был поражен слепотой, в Самарию²². Этим комментарий к сложнейшему 24-му стиху заканчивается, и переводческой дилеммы комментатор не видит.

Итак, иудейские комментаторы не находят лингвистической проблемы в полисемии слова «סִוֵּר» (sûr), а значит, значение его кажется им ясным и недвусмысленным. Таким образом, масоретский перевод в рамках иудейской традиции представляется прозрачным и ясным, и у комментаторов не возникает впечатления нелогичности или неправильности данного стиха. Для нас это оказывается важным свидетельством того, что словоупотребление «סִוֵּר» (sûr) в стихе 12:24 Книги Иова в иврите не является лингвистической проблемой, но это не приближает нас к разгадке возникновения переводческого разночтения в Септуагинте.

Исследование толкований данного стиха приводит нас к выводу, что разгадку разночтений в греческой и еврейской версиях следует искать не в сфере философии и богословия, а в области лингвистики. Греческое слово «διαλλάσσω» имеет несколько значений: «1) давать взамен <...> обменивать. 2) (пере)менять, сменять <...> 3) <...> менять *в знач.* покидать, оставлять *или* проходить <...> 4) мирить, примирять <...> 5) различаться, отличаться...» [1: 376]. Динамику изменения значения стиха 12:24 невозможно понять без обращения к еврейскому тексту. На месте греческого «διαλλάσσω» в еврейской версии книги Иова стоит слово «סִוֵּר» (sûr), которое имеет несколько значений: «1. Сворачивать, отклоняться, удаляться, уклоняться. 2. Быть отставленным. 3. Изгибать, извращать, поворачивать. 4. Убирать, отклонять, отставлять, отменять»²³. Очевидно, в Синодальном переводе авторы использовали в качестве переводческого эквивалента те смыслы первого, второго и четвертого значения, которые сводятся к идее «лишения»

(«удалить, уклониться, оставлять»), что выразилось в переводе «отнимает ум», а перевод Септуагинты «διαλλάσσω» был основан на третьем значении слова «σῦγ» (sûg): «изгибать, поворачивать», так как в индоевропейских языках значения «изменять» и «изгибать, поворачивать» часто выражаются одним словом. Возможно также, что «σῦγ» (sûg) в значении «быть оставленным» мог быть передан через третье значение слова «διαλλάσσω» – «меняющий» в смысле «покидающий». В таком случае мы имеем дело с неким буквализмом славянского перевода, где переводчик в качестве соответствия выбрал основное значение слова «διαλλάσσω». Заменяя «изменяющий» на «покидающий», мы получаем следующий вариант: «Господь покидает сердца князей земных, оставляет их блуждать в пустыне, где нет пути». При изменении перевода смысл не повреждается, но слово «изменяя» является неоднозначным для толкования, в то время как слово «покидает» имеет только негативные коннотации. Нужно также отметить, что все значения слова «σῦγ» (sûg) носят негативный оттенок.

Анализ словарного значения слова «διαλλάσσω» приводит нас к выводу, что эта лексема может иметь значение как «изменяющий», так и «примиряющий», что привело к появлению вариативности в латинских переводах стиха Книги Иова 12:24. Нужно отметить, что переводчикам с греческого было крайне трудно предпочесть одно значение слова «διαλλάσσω» другому. Это объясняется тем, что «διαλλάσσω» в значении «примиряющий» – это образное, метафорическое значение, возникшее из основного смысла глагола «меняться», то есть «сменить вражду на мир». С течением времени возрастает роль образного значения. Так, «Греческо-русский словарь Нового Завета» под редакцией Б. Ньюмана дает слово «διαλλάσσομαι» только в значении «мириться, примиряться» [3: 57]. И даже если античные авторы, читавшие Септуагинту, выбирали прямое значение слова (как, например, Блаженный Иероним), то они не могли полностью отбросить метафорический смысл этого слова. Таким образом, вопрос, какое чтение правильное – «изменяющий» или «примиряющий», лишен смысла, потому что греческий читатель и самое «изменение» мог понимать как «примирение», смену вражды миром. Позднейшие христианские комментаторы XIX века оставляли на этот стих в основном богословские комментарии. Так, Георг фон Эвальд считал, что последние стихи XII главы «очевидно, предназначаются, чтобы превзойти описание Элифаза» (ст. 13–14)²⁴. В толковании на стихи 17–19 из этой главы он пишет:

«Судьи и священники, которые должны отправиться в тюрьму босыми» (стих 17, 19), являются, согласно древней манере речи, примером самых могущественных и уважаемых людей земли, и поэтому стоят в одном ряду с советниками, царями и благородными людьми (стих 17, 18, 21), наравне со всеми ними стоят и все опытные советники, которые всегда могут говорить и советовать, например, древние пророки, стих 20: но ход событий принесет нечто столь новое и непонятное, что все пророки и мудрецы и старейшины будут вынуждены замолчать или в заблуждении своем будут действовать опрометчиво»²⁵.

Т. Робинсон приводит перевод, основанный на масоретской версии («Господь забирает разум у князей»): «He taketh away the heart (or understanding) of the chief of the people»²⁶. Дж. Бартон также цитирует в этом месте: «Who taketh away the understanding»²⁷.

Р. Сакс, современный исследователь из колледжа св. Иоанна, вообще не считает этот стих проблемным и не оставляет на него толкования, хотя приводит перевод, выполненный по масоретской версии: «He obliterates the heart», то есть «Он губит сердца...», что похоже на масоретскую версию этого стиха [6: 279].

М. И. Рижский, изучая еврейскую версию книги Иова, не дает комментария на стихи 12:23–25, смысл 22-го стиха считает неясным и оттого допускает, что этот стих стоит не на месте, хотя при этом переводит ценную параллель 21-го стиха с книгой Псалтири и не замечает ее. Конец 12-й главы переводит так: «Отнимает ум у глав народа земли, / Заводит (их) в пустыню, где нет дороги. На ощупь (ходят), во тьме, без света, / Заставляет их шататься, словно пьяных» [5: 45].

Итак, первая группа европейских комментаторов либо вовсе отрицает лингвистическую проблему данного стиха (Сакс, Эвальд), либо привязывает комментарий к исторической или политической ситуации (Робинсон), либо дает общий комментарий на весь отрывок о власти Бога над князьями земными (Робинсон, Эвальд) или же, в лучшем случае, приводит важные параллели из других книг Ветхого Завета. Во вторую группу европейских комментаторов мы относим дающие более подробное толкование стихов Книги Иова 12:24–25 работы Дж. Бартона и А. П. Лопухина. Дж. Бартон в книге «Библия в школе и дома» переводит исследуемые стихи по масоретской версии:

«He taketh away the heart of the chiefs of the people of the earth and causeth them to wander in a wilderness where is no way. They grope in the dark without light and he maketh them to stagger like a drunken man»²⁸.

– и оставляет важный комментарий: «Сердце здесь, как и во многих местах Ветхого Завета,

обозначает разум»²⁹. Этого мнения придерживается и С. Кокс³⁰. Конечно, такая трактовка слова «сердце» соотносится с огромным количеством переводов масоретской версии, но она встречает известное возражение с лингвистической стороны: мы находим слово «сердце» в языке как Септуагинты, так и еврейского текста Ветхого Завета, так как «карδια» означает по-гречески не только разум, но и душу, и это слово часто понимается расширительно, два смысла появляются в рамках одного значения и между собой не разделяются. В примерах из Ветхого Завета читаем: «Жива будут сердца их в век века», «Всякий путь человека прям в глазах его, но Господь взвешивает сердца» и т. д., – и видим, что слово «сердце» имеет значение «душа» и не сводится к разуму.

В греческой версии слово «карδια» присутствует гармонично в любом значении, потому что примирить можно и душу, и сердце, и разум.

А. П. Лопухин в своей «Толковой Библии», как и Дж. Бартон, обращает внимание не только на сходство 24-го стиха с предшествующим, но и с 17-м стихом: «Он приводит советников в необдуманность». Это подтверждает, что одной из ключевых мыслей 12-й главы книги Иова является то, что Бог лишает недостойных правителей разума. А. П. Лопухин, анализируя некоторые стихи (Иов. 12:17, 12:19), отмечает, что переводчиками Септуагинты эти строки были переведены дословно, что объясняет различия между греческим и еврейским текстами, и, возможно, это же произошло со строкой стиха из книги Иова 12:24, к которой автор не дает подробного языкового комментария³¹. Стиху 17 П. А. Лопухин находит множество параллелей в Книге пророка Исаии:

«Так! обезумели князья Цоанские; совет мудрых советников фараоновых стал бессмысленным. Как скажете вы фараону: “я сын мудрецов, сын царей древних?” Где они? где твои мудрецы? пусть они теперь скажут тебе; пусть узнают, что Господь Саваоф определил о Египте» (Ис. 19: 11–12); «Он обращает князей в ничто, делает чем-то пустым судей земли» (Ис. 40:23); «Который делает ничтожными знамения лжепророков и обнаруживает безумие волшебников, мудрецов прогоняет назад и знание их делает глупостью» (Ис. 44:25)³².

А. П. Лопухин делает вывод, что данная часть 12-й главы книги Иова посвящена тому, что заглавный герой напряженно переживает о том, что «если божественная премудрость и сила не руководится в своих проявлениях разграничением добрых и злых, – одинаково поражает тех и других, то для Иова нет ничего утешительного в совете друзей вверить себя и свою судьбу Богу»³³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в результате проведенного исследования мы приходим к выводу, что перевод Руфина Аквилейского «*Dominus reconciliat corda principum terrae*» («Господь примиряет сердца князей земли») возник, с одной стороны, из-за текстуальных различий Септуагинты и масоретской Библии, а с другой – из-за полисемии слова «*διαλλάσσω*». Открывшиеся лингвистические сведения порождают три гипотезы о происхождении греческого варианта: либо он основан на одном из неосновных значений еврейского коррелята, либо слово «*סִיג*» (*sîg*) в значении «быть оставленным» могло быть передано через третье значение слова «*διαλλάσσω*», которое тоже имеет значение «менять» в смысле «покидать», либо лексема «*διαλλάσσω*» стала переводческим соответствием для буквального значения «*סִיג*» (*sîg*) – «повернуть в сторону». Полисемия слова «*διαλλάσσω*» приводит к появлению двух латинских вариантов: *inmutat* («изменяет») и *reconciliat* («примиряет»). Слово «*διαλλάσσω*» в значении «примиряющий» – это образное, метафорическое значение, возникшее из основного смысла «меняться», то есть «сменить вражду на мир». С течением времени возрастает роль образного значения. И даже если античные авторы, читавшие Септуагинту, выбирали прямое значение слова (например, Блаженный Иероним), то они не могли полностью отбросить метафорический смысл этого слова.

Существуют две патрологические традиции чтения греческого текста Септуагинты. Первая традиция чтения восходит к экзегету IV столетия Кириллу Иерусалимскому, понимавшему «*διαλλάσσω*» как «примиряющий». Текст Кирилла Иерусалимского является самым древним (и единственным греческим) толкованием на этот стих Септуагинты и служит образцом для более поздних латинских комментариев. Вторая традиция чтения этого текста принадлежит Иерониму Стридонскому, переводчику латинской Библии, прекрасно знавшему еврейский язык. Он переводил книгу Иова с Септуагинты и выбрал прямое значение слова «*διαλλάσσω*» («изменяющий»), очевидно, из-за близости к еврейскому тексту и возможности трактовать «изменение сердца» как «лишение разума».

Замечательный полиглот св. Иероним не видит в этих стихах филологических трудностей. И это объясняется тем, что переводчик создал две версии книги Иова, и во втором варианте в стихе 12:24 вместо «*inmutat*» перевел «*reconcilians*» (примиряющий), то есть признавал авторитетность обоих словоупотреблений и не видел в этом противоречия. Кроме св. Иеронима «*διαλλάσσω*»

как «изменяющий» читали Проспер Аквитанский и Григорий Великий, которые использовали текст Вульгаты Иеронима. Значение «примиряющий» оказывается важным для христианских авторов, комментаторов, для которых ценна идея примирения, и полисемия слова «*διαλλάσσειν*» дает им возможность для экзегетического маневра.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes (A. Rahlfs, Ed.). Stuttgart, Biblia-Druck, 1979. P. 291–292.
- ² Елизаветинская Библия. М., 1900 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek_rus/iov.html#g12 (дата обращения 07.02.2020).
- ³ Юнгеров П. А. Книга Иова в русском переводе с греческого текста LXX с введением и примечаниями. Казань, 1914 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Yungerov/kniga-iova/ (дата обращения 05.07.2019).
- ⁴ Кирилл Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные. М., 1900. С. 185–186. В современном издании (М., 2010) редактором допущена ошибка, и цитата из Книги Иова (12:24) приведена по еврейскому тексту, а не по греческому, как в первоисточнике, так как современный редактор игнорировал разницу между масоретским текстом и Септуагинтой. Для справки предпочтительно обращаться либо к дореволюционному изданию (М., 1900), либо к греческому первоисточнику.
- ⁵ Patrologiae cursus completes... 1857, t. 33. (Patrologia Latina). Co. 791–792.
- ⁶ Patrologiae cursus completes... 1849, t. 29. (Patrologia Latina). Co. 79.
- ⁷ Patrologiae cursus completes... 1849, t. 21. (Patrologia Latina). Co. 360.
- ⁸ Sabatier Pierre. Bibliorum sacrorum latinae versiones antiquae, seu Vetus Italica, et caeterae quaecunque in Codicibus Mff. & antiquorum libris reperiri potuerunt: Quae cum Vulgata Latina, & cum Textu Graeco comparantur. Remis, 1743. Vol. 1. Co. 854.
- ⁹ Patrologiae cursus completes... 1845, t. 34. (Patrologia Latina). Co. 839.
- ¹⁰ Кирилл Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные. М., 1900. С. 185–186.
- ¹¹ Patrologiae cursus completes... 1845, t. 34. (Patrologia Latina). Co. 839.
- ¹² Patrologiae cursus completes... 1849, t. 29. (Patrologia Latina). Co. 79.
- ¹³ Patrologiae cursus completes... 1846, t. 28. (Patrologia Latina). Co. 1094.
- ¹⁴ Patrologiae cursus completes... 1845, t. 23. (Patrologia Latina). Co. 1424.
- ¹⁵ Patrologiae cursus completes... 1845, t. 26. (Patrologia Latina). Co. 648.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Patrologiae cursus completes... 1846, t. 28. (Patrologia Latina). Co. 1094.
- ¹⁸ Patrologiae cursus completes... 1861, t. 51. (Patrologia Latina). Co. 668.
- ¹⁹ Григорий Великий. Моралии на Иова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ekzeget.ru/interpretation/kniga-iova/glava-12/stih-24/grigorij-dvoeslov-svatitel/> (дата обращения 07.02.2020).
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Дословно: «Он забирает сердце вождей народов земли, которые ведут их, чтобы ввести в заблуждение в пустыне, где не существует проложенной для них дороги».
- ²² A commentary on the Book of Job from a Hebrew manuscript in the University Library. London: Cambridge Williams and Norgate Publ., 1905. P. 88.
- ²³ Симфония номеров Стронга [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bible.by/verse/18/12/24/> (дата обращения 07.08.2019).
- ²⁴ G. H. von Ewald. Commentary on the Book of Job with translation by the late Dr. George Heinrich August von Ewald. London: Williams and Norgate Publ., 1882. P. 158–159.
- ²⁵ Там же. P. 158.
- ²⁶ Дословно: «Он забирает сердце (или разум) правителей людей». T. Robinson Homiletical commentary on the Book of Job by Thomas Robinson. London: Richard D. Dickinson Publ., 1876. P. 79.
- ²⁷ Дословно: «Который забирает разум».
- ²⁸ «Он забирает сердце вождей народа земли и заставляет их бродить в пустыне, где нет пути. Они идут на ощупь в темноте без света, и он заставляет их бесцельно бродить подобно пьяному».
- ²⁹ G. A. Barton. The Bible for home and school. Commentary of the Book of Job by G. A. Barton. New York: The Macmillan Company Publ., 1911. P. 131–132.
- ³⁰ S. Cox. A Commentary on the Book of Job with a translation by S. Cox. London: Kegan Paul Trench & Co Publ., 1885. P. 157.
- ³¹ Лопухин А. П. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Книги: Иова, Псалтирь и Книга Притчей Соломоновых. Пг., 1907. Т. 4. С. 46–47.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 47.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 1. 1043 с.

2. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
3. Ньюман Б. М. Греческо-русский словарь Нового Завета. М.: РБО, 2012. 240 с.
4. [Раши]. Книга Псалмов (Тегилим) с комментарием Раши. М.: Книжники: Лехаим, 2011. 880 с.
5. Рижский М. И. Книга Иова. Из истории библейского текста. Новосибирск: Наука, 1991. 248 с.
6. Sacks R. D. The Book of Job. Translation and commentary // Interpretation. 1997. Vol. 24. No 2. P. 135–329.
7. The complete Jewish Bible with Rashi commentary [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.chabad.org/library/bible_cdo/aid/16414#showrashi=true&v=24 (дата обращения 07.02.2020).

Поступила в редакцию 18.02.2020

Alexey M. Nadezhkin, PhD in Philology, Independent Researcher
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)
aleksej1001@gmail.com

**“THE LORD RECONCILES THE HEARTS OF PRINCES”.
TWO PATROLOGICAL TRADITIONS IN THE COMMENTARY AND TRANSLATION
OF THE VERSE FROM JOB 12:24**

This study focuses on the translation of Job 12:24, which has several versions in various religious traditions. In the Masoretic Text it reads as follows: “He takes away the mind from the heads of the people of the earth and leaves them to wander in a desert where there is no way”, while in the text of the Septuagint it takes the following form: “He who changes the hearts of the rulers of the earth leaves them to wander on the way that they did not know.” The author of the article sees the reason for the discrepancy in the studied verse in that the Masoretic and Greek versions relied on different meanings of the Hebrew word “רוּס” (sūr), as well as in that there are several literal translations of the verse from Greek into Slavic. The differences in the Greek version are explained by the polysemy of the word “διαλλάσσω”, which led to discrepancies in the Latin texts. The emergence of variability in this verse entailed the development of several exegetical traditions, within which the interpreters tried to find a solution to this language problem. Two exegetical traditions are given in the article, one of which originates in the writings of Cyril of Jerusalem, who understands the Greek word “διαλλάσσω” as “reconciling” and is supported by Rufin of Aquileia, Blessed Augustine, and partly St. Jerome. This article shows that St. Jerome held a special position and used both versions of the translation of the verse when working with the Book of Job. The second tradition of reading this text also belongs to St. Jerome. He translated the Book of Job from the Septuagint, and chose the direct meaning of the word “διαλλάσσω” (“changing”) because of its proximity to the Hebrew text and the ability to interpret “changing the heart” as “depriving of reason”. The author of the article finds out that Gregory the Great and Prosper of Aquitaine also used the word “inmutat” (“changes”) to translate the Greek word “διαλλάσσω”.

Keywords: The Book of Job, patrology, exegetics, polysemy, biblical studies, translation problem

Cite this article: Nadezhkin A. M. “The Lord reconciles the hearts of princes”. Two patrological traditions in the commentary and translation of the verse from Job 12:24. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 34–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.462

REFERENCES

1. Dvoretzkiy I. H. Ancient Greek-Russian dictionary. Moscow, 1958. Vol. 1. 1043 p. (In Russ.)
2. Dvoretzkiy I. H. Latin-Russian dictionary. Moscow, 1976. 1096 p. (In Russ.)
3. Newman B. M. Ancient Greek-Russian dictionary of the New Testament. Moscow, 2012. 240 p. (In Russ.)
4. [Rashi]. The Book of Psalms (Tihillim) with the commentary by Rashi. Moscow, 2011. 880 p. (In Russ.)
5. Rizhskiy M. I. The Book of Job. History of the biblical text. Novosibirsk, 1991. 248 p. (In Russ.)
6. Sacks R. D. The Book of Job. Translation and commentary. Interpretation. 1997. Vol. 24. No 2. P. 135–329.
7. The complete Jewish Bible with Rashi commentary. Available at: https://www.chabad.org/library/bible_cdo/aid/16414#showrashi=true&v=24 (accessed 07.02.2020).

Received: 18 February, 2020

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА НАУМЧИК

кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (Нижегород, Российская Федерация)

hylda@list.ru

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ СМИРНОВ

магистрант кафедры зарубежной литературы

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (Нижегород, Российская Федерация)

Howksmv-88@mail.ru

**КОНЦЕПЦИЯ МУЛЬТИВСЕЛЕННОЙ В ЛИТЕРАТУРЕ ФЭНТЕЗИ:
ОТ М. МУРКОКА ДО А. САПКОВСКОГО**

Анализируются принципы создания Мультивселенной в произведениях авторов второй половины XX века в контексте культурных и научных предпосылок. Используются сравнительно-исторический и описательный методы, которые позволяют обобщить научные теории от Античности до XX века и определить, каким образом идеи о существовании многих миров повлияли на литературу фэнтези в XX веке. Делается вывод о том, что концепция Мультивселенной оказалась весьма востребованной в жанре фэнтези, так как позволила расширить границы мира и усложнить структуру повествования, при этом данные идеи развивались одновременно со становлением эстетики постмодернизма, который отрицает единственную истину и, следовательно, существование одного-единственного мира. Писатели, произведения которых были проанализированы, представляют многомирие различно – у К. С. Льюиса, М. Муркока и Р. Желязны мы наблюдаем тяготение к некоему космологическому центру, но он представлен по-разному. У Д. У. Джонса система параллельных миров структурирована и их возникновение объясняется наиболее логично; при этом в концепциях Д. У. Джонса и Р. Желязны появляется система двойников, живущих в разных мирах. Ф. Пулман не стремится создать продуманную структуру Мультивселенной, так как акцентирует внимание на этических и гуманистических проблемах, но у него важное значение имеет образ предмета, который позволяет создавать порталы между измерениями. В произведениях А. Сапковского структура Мультивселенной также не раскрывается полностью, однако эта концепция оказывается мирообразующей.

Ключевые слова: Мультивселенная, параллельные миры, хронотоп, фэнтези, К. С. Льюис, М. Муркок, Р. Желязны, Д. У. Джонс, Ф. Пулман, А. Сапковский

Для цитирования: Наумчик О. С., Смирнов В. Н. Концепция Мультивселенной в литературе фэнтези: от М. Муркока до А. Сапковского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 43–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.463

ВВЕДЕНИЕ

Исследование принципов организации пространства и времени в художественном произведении интересовало многих литературоведов, обращающихся как к реалистической, так и нереалистической литературной традиции, однако в фантастике заявленная проблема оказывается наиболее актуальной, так как, с одной стороны, литература фэнтези строится на системе мифологических оппозиций, что проявляется и в особенностях хронотопа, а с другой – быстрое развитие науки и техники в XX веке породило большое количество теорий множествен-

ности миров, что не могло не оказать влияние сначала на научную фантастику, а затем и на фэнтези.

Проблемы хронотопа литературы фэнтези занимают многих исследователей [2], [3], [6], [8], [9], [10], [20], однако работ, посвященных концепции многомирия в фэнтези в контексте культурных и научных предпосылок, не так много [7]. Феномен гипотетического существования параллельных реальностей нередко затрагивается в научной среде [1], [4], [5], [11], [16], что обуславливает важность обращения к заявленной теме и необходимость обобщения художественных

принципов создания Вселенной, состоящей из множества параллельных реальностей.

ИСТОКИ КОНЦЕПЦИИ МУЛЬТИВСЕЛЕННОЙ

Уже в мифах разных народов мы встречаем космологические представления о том, что мир людей далеко не единственный во Вселенной – в «Старшей Эдде» упоминаются девять миров (Мидгард, Асгард, Ванахейм, Йотунхейм и др.), в индуистских Пуранах мир именуется Яйцом Брахмы и является одним из неисчислимого множества подобных ему, да и сама система мифологических оппозиций предполагает выделение локаций, противопоставленных друг другу (мир людей, как правило, противопоставляется небесной обители богов и подземному загробному царству). Закономерно, что художественная природа фэнтези, во многом опирающегося на фольклорно-сказочную и мифологическую традиции, сохраняет мощный игровой потенциал и рождает некую множественность художественных конструкций, оцениваемых как некие альтернативы нашей реальности. Однако любопытен тот факт, что наиболее востребованными эти идеи становятся с середины XX века, когда проблема многомирия актуализируется в науке, поэтому так важно обозначить основные научные подходы к пониманию сущности Мультивселенной.

Первые попытки научно обосновать существование множества миров были предприняты еще в эпоху античности: Демокрит считал, что существует бесконечное количество атомов, создающих бесконечное число миров, в которое входит и наш актуальный мир. В эпоху Возрождения Дж. Бруно, опиравшийся на воззрения Н. Кузанского и Н. Коперника, предположил, что не существует центра вселенной, она бесконечна и состоит из множества населенных планет. Позднее представления о космосе были расширены в трудах Г. Галилея и И. Ньютона, а вопрос о возможном существовании других миров еще более актуализировался. В XVII веке эти идеи были подхвачены Г. В. Лейбницем, который считал, что любой воображаемый мир, если принципы его устройства не противоречат законам логики, может воплотиться в реальности.

Особенно активно заговорили о потенциальном существовании других реальностей в середине XX века – Хью Эверетт, Макс Тегмарк, Дэвид Льюис и многие другие исследователи стремились обосновать возможное существование иных измерений и создать логичную непротиворечивую концепцию, несмотря на то, что фактически она считается не вполне научной, так как не мо-

жет быть ни опровергнута, ни подтверждена экспериментально.

Исходной точкой для возникновения концепции многомирия можно считать «принцип изобилия» А. Лавджоя, предложенный в работе «Великая цепь бытия» (1936) и сводящийся к тому, что воплотиться в реальность может все, что мыслится как возможное. Как следствие данное предположение влечет за собой возможность существования бесконечного множества параллельных реальностей. Все современные теории Мультивселенной можно разделить на три группы: в рамках первой предполагается реальное существование параллельных миров, которые обладают одинаковым онтологическим статусом; теории второй группы представляют Мультивселенную как реализацию всех возможных логических структур с субъективной точки зрения; третья группа концепций вводит понятие мыслимых универсов.

Приверженцы существования физически реальных мультиверсов обычно говорят о существовании квантового, ландшафтного, «лоскутного», инфляционного и мультиверса на бранах (А. Гут, А. Линде, П. Стейнхарт и др.). Основы теории существования логически возможных мультиверсов были заложены еще Г. В. Лейбницем, а в середине XX века эти идеи были подхвачены С. Крипке и Я. Хинтикка, для которых реальный мир – лишь один из множества возможных или «вероятностное развитие событий» [13: 45]. Позднее эти идеи были развиты и дополнены другими учеными – Э. Андерсоном, Н. Гудменом, Д. Армстронгом, Р. Сталнейкером и др.

Приверженцами существования мыслимых мультиверсов являются Х. Эверетт, М. Тегмарк и Д. Льюис. По теории физика Х. Эверетта квантово-механическое измерение «расслаивает» универсум на копии, которые при этом так же реальны, как и оригинал [14]. В самом конце XX столетия Макс Тегмарк предложил гипотезу математической вселенной, согласно которой все математически непротиворечивые структуры существуют в реальности [12]. Идеи М. Тегмарка перекликаются с концепцией модального реализма, отголоски которой обнаруживаются еще у Демокрита, а в современной науке основным ее представителем является Дэвид Льюис, согласно воззрениям которого есть бесконечное множество способов существования вещей и для каждого из них имеется отдельная реальность [17].

Итак, как мы видим, существует большое количество концепций многомирия, подразумевающих различное видение структуры вселенной и имеющих разные теоретические обоснования,

но все они являются лишь гипотезами, относящимися к логике, философии и космологии, а потому не могут быть подтверждены или опровергнуты эмпирически. Однако искусство оказывается гораздо более свободным в репрезентации Мультивселенной, и, конечно, в первую очередь подобные идеи получили развитие в научно-фантастической литературе, причем первое литературное воплощение идеи параллельных миров обычно возводят к рассказу Г. Уэллса «Дверь в стене» (1895), написанному задолго до оформления данной концепции в науке. Однако фантаст лишь намечает эту проблему, а чудесный сад, находящийся за зеленой дверью, которую иногда видит главный герой рассказа, не позиционируется как самодостаточная, тщательно проработанная вселенная, а скорее противопоставляется обыденной реальности как идеальный мир, в котором можно обрести счастье, что отсылает нас к романтическому двоемирию. В традициях «Утопии» Т. Мора написано другое произведение Г. Уэллса – роман «Люди как боги» (1923), где несколько англичан попадают на планету под названием «Утопия», которая осмысливается как параллельный, противопоставленный Англии начала XX века мир и становится иллюстрацией идей социализма и ноократии. В повести Фредерика Брауна «Что за безумная вселенная» (1948) была воплощена идея о том, что число параллельных вселенных бесконечно, причем некоторые практически неотличимы от нашего мира, а другие, наоборот, абсолютно на него не похожи. В 1950–1960-е годы идеи множественности миров были затронуты многими писателями-фантастами: «Улица одностороннего движения» Д. Биксби (1954), «Глаза в небе» Ф. К. Дика (1957), «Человек, который убил Магомета» А. Бестера (1958), «Лавка миров» Р. Шекли (1959), «Вся плоть – трава» К. Саймака (1965), «Доклад о вероятности А» Б. Олдиса (1968) и многие другие, а в ряде случаев концепция существования параллельных миров затрагивалась и в жанре альтернативной истории – например, «Человек в высоком замке» Ф. К. Дика (1962) и «Времена без числа» Д. Браннера (1962).

КОНЦЕПЦИЯ МУЛЬТИВСЕЛЕННОЙ В ЛИТЕРАТУРЕ ФЭНТЕЗИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Считается, что термин *Мультивселенная* (*Multiverse*) был введен философом У. Джеймсом в работе «The Will to Believe» (1895), однако в литературном контексте его впервые использовал английский писатель Джон Купер Пауис (John Cowper Powys, 1872–1963) [15], а в широ-

кий обиход ввел Майкл Муркок, уже в романе «Вечный воитель» (1970) представивший свою концепцию многомирия. Однако мы не можем не отметить, что концепции существования иных измерений были зафиксированы в литературе и прежде – в 1955-м вышел роман К. С. Льюиса «Племянник чародея», где писатель расширил свою концепцию многомирия, заявленную в произведении «Лев, Колдунья и платяной шкаф» (1950). Правда, в первом романе «Хроник Нарнии» читатель видел лишь два мира – Землю и Нарнию, а взаимодействие между ними осуществлялось посредством шкафа, чудесные свойства которого еще не были прояснены. В «Племяннике чародея» К. С. Льюис вводит образ Леса-между-мирами (*Wood between the Worlds*), представляющегося космологическим центром, через который и возможны переходы из одного мира в другой, и, хотя герои цикла попадают лишь в три из них – Чарн, Нарния и Земля, сама концепция К. С. Льюиса предполагает бесконечное число миров, путешествие между которыми возможно только для обладателей особых желтых и зеленых колец. Важно отметить, что уже в первом романе «Хроник Нарнии» вводится представление о том, что в разных мирах время течет с разной скоростью, и, хотя Люси провела в Нарнии несколько часов, на Земле за это время не прошло и минуты. Концепция различной скорости течения времени встречается практически во всех фантастических произведениях, посвященных путешествиям между мирами, и опирается прежде всего на мифологические представления, ведь, например, в кельтских мифах мы часто встречаем сюжет, в основе которого лежит путешествие человека на Зачарованные острова, на которых он проводит несколько месяцев, а в реальном мире за это время проходят столетия (самым известным является сюжет об Ойсине и его возлюбленной Ниамах).

В творчестве М. Муркока концепция Мультивселенной проработана гораздо более детально, чем у К. С. Льюиса, хотя нередко он и не комментирует способность героев путешествовать между мирами – в уже упомянутом романе «Вечный Воитель» центральный персонаж Джон Дэйкер, живший в середине XX века на Земле, обнаруживает в себе способность перемещаться между вселенными, однако он не контролирует ее и кочует из мира в мир, следуя зову тех, кто нуждается в защитнике и воителе. При этом сам Джон Дэйкер/Эрикозе вовсе не стремится быть героем и не понимает устройства вселенной: «Я не понимаю строения вселенной, через просторы которой меня швыряет! И швыряет, кажется, совершенно наобум!»¹,

а его возлюбленная отвечает ему: «Такая уж это вселенная. У нее нет постоянного строения»². При этом в романе «Феникс в обсидиане», написанном в том же 1970-м году, устройство Мультивселенной обозначается достаточно конкретно, потому что оформляется концепция центра мира, обозначенного как мифический город Танелорн, достигнуть которого стремятся герои и который описывается следующим образом:

«...<он находится> в самом центре того, что мы имеем Мультивселенной, в центре бесчисленного множества миров, неисчислимых вселенных, отделенных друг от друга. Считается, что существует некий центр, вокруг которого все эти вселенные вращаются, его еще называют Ступицей Вселенной. Некоторые полагают, что этот центр Вселенной – на самом деле некая планета, и отражения этой планеты существуют во многих других мирах. Наша Земля – лишь одно из таких отражений. Земля, с которой прибыл ты, – другое такое отражение. Танелорн имеет отражения везде, но между ними и его отражениями есть одна разница: сам он никогда не меняется. Он не стареет и не умирает, как стареют и умирают другие миры»³.

К слову, именно в 1970–1980-е годы написана большая часть произведений М. Муркока, в которых оформлена концепция многомирия («Хроники Эрикозе», «Хроники Хокмуна», «Хроники Корума», «Сага об Элрике из Мелнибонэ» и др.), однако герои, являющиеся инкарнациями Вечного Воителя, не всегда достоверно представляют себе устройство мира, например, Корум первоначально считает, что в Мультивселенной всего пять плоскостей: «Земля в своем астральном цикле непременно проходит через все пять плоскостей»⁴, позднее говорится уже о пятнадцати, причем предполагается, что могут быть и другие измерения: «Некоторые считают, что есть и другие пятнадцать плоскостей мироздания, непохожие на наши и напоминающие их отражение в кривом зеркале»⁵. При этом в качестве самостоятельного измерения может позиционироваться и мир сновидений: в романе «Жемчужная крепость» (1986), входящем в «Сагу об Элрике из Мелнибонэ», героям предстоит отправиться в сознание спящей девушки, чтобы вернуть ее, а сама граница между сном и реальностью оказывается размытой, ведь, как говорит похитительница снов, «то, что является сном в одном мире, в другом может быть самой что ни на есть реальной реальностью»⁶, а единственный способ не заплутать в мире сновидений – попытаться упорядочить его:

«Мы определили, что каждый мир Снов должен иметь семь сторон, которым мы дали названия. Давая названия и описывая то, что не имеет формы и почти

не поддается контролю, мы надеемся придать ему форму и научиться его контролировать»⁷.

Безусловно, мотив сновидения появляется в литературе очень рано: сон как часть сюжета присутствует и в «Эпосе о Гильгамеше», и в Ветхом Завете, и в гомеровском эпосе, однако долгое время он оставался вспомогательным элементом, позволяющим, например, прозреть будущее, и не осмыслялся как самостоятельная реальность. Однако уже у Кальдерона в пьесе «Жизнь есть сон» граница между сном и явью размывается, а в литературе романтизма сон получает практически самостоятельное существование и противопоставляется обыденной действительности через принцип двоемирия. В XX веке онтологический статус сновидений становится одной из ключевых проблем в философии, но особый статус сны приобретают в литературе постмодернизма, потому что сон уже не осмысляется как аналог потустороннего мира или противопоставленная обычному миру иная реальность, он становится одним из многих возможных миров, которые являются равнозначными.

Важно подчеркнуть, что Мультивселенная М. Муркока существует не изолированно от земного мира, писатель включает Землю в систему множества измерений и вводит в повествование реальных исторических лиц. Например, в романе «Орден тьмы» (1981), входящем в «Хроники Эрикозе», появляется Эрих фон Бек, представитель семьи фон Бек, действительно существовавшей в Германии и известной с эпохи Средневековья, и в этом же произведении героям предстоит отправиться в нацистскую Германию, чтобы похитить Святой Грааль у Геббельса. Семье фон Бек М. Муркок посвятил отдельный цикл романов – «Хроники семьи фон Бек», написанный в период с 1965 по 2001 год, тем самым еще более очевидно намечая связи между миром Земли и иными вселенными. На ту же задачу работают и романы трилогии «Серебряная рука», главный герой которой, Корум, попадает в Ирландию мифологических времен. Интересным образом намечена связь с реальным миром в «Хрониках Хокмуна», в которых в основном месте событий легко угадывается альтернативная Земля, так как названия стран – Грэнбретания, Амарека и даже загадочная восточная Коммуназия – являются отсылками к существующим в реальности государствам.

В целом для творчества М. Муркока характерно постепенное усложнение структуры Мультивселенной, а в произведениях 1980–1990-х годов начинает ощущаться явное влияние постмодернизма – границы между мирами становятся

все более размытыми, сон становится реальностью, а реальность – иллюзией, причем они осмысливаются как абсолютно равноценные измерения, а само пространство деформируется и искажается.

Концепция Мультивселенной, отдельные миры которой существуют вокруг некоего сакрального центра, которого стремятся достигнуть герои, пересекается со структурой мироздания в «Хрониках Амбера» Р. Желязны, бóльшая часть романов которых была написана в те же 1970–1980-е годы. Описываемый в «Картах судьбы» образ Амбера, позиционирующегося изначально как центр вселенной, очень похож на Танелорн:

«Амбер был самым величественным городом, который когда-либо существовал или будет существовать. Амбер был всегда и пребудет вовеки; любой другой город в любой точке времени и пространства – лишь отражение, бледная тень одного из мгновений жизни Амбера»⁸.

Правда, как выясняется в других романах, Амбер – лишь один из полюсов в биполярной системе мира, ведь ему противостоят Владения Хаоса, которые были до возникновения Амбера, и сюжет цикла романов разворачивается вокруг противостояния Хаоса и Порядка, которые стремятся подчинить себе как можно больше измерений, названных Тенями или Отражениями. Концепция противостояния сил порядка и хаоса, а также необходимости соблюдения равновесия между ними, безусловно, сближает «Хроники Амбера» и произведения М. Муркока, особенно его «Хроники Корума», где прослеживается сходная мысль о том, что «ни Порядок, ни Хаос не должны доминировать, воздействуя на миры смертных. Должно сохраняться полное равновесие»⁹.

Концепция параллельных измерений проработана Р. Желязны достаточно логично и целостно, уже в романе «Девять принцев Амбера» мы читаем:

«О царстве Теней я могу сказать только одно: есть реальность и есть ее Тень; в этом – суть всего. В реальном Мире существует лишь Амбер, реальный город на реальной Земле, в котором собрано все. А царство Теней – лишь бесконечность ирреальности»¹⁰.

И чем дальше находятся Тени от Амбера, тем менее они материальны, а во Владениях Хаоса границы между мирами, как пишется в «Руке Оберона»,

«будто истертые занавески – часто можно просто смотреть сквозь них в другую реальность даже без особого напряжения. А иногда оказывается, что нечто из другой реальности разглядывает вас»¹¹.

Заслуживает отдельного внимания представление о том, что Тени населены двойниками главных героев, которые принадлежат к королевской семье Амбера, а сами принцы с легкостью могут путешествовать по Отражениям, однако вопрос о том, перемещаются они по уже имеющимся мирам или же создают их с помощью своей фантазии, остается нерешенным.

Система двойников, которые населяют параллельные миры, появляется и в цикле Д. У. Джонс «Крестоманси», особенно в романах «Заколдованная жизнь» (1977) и «Девять жизней Кристофера Чанта» (1988). В первом из них мы видим, что перемещение героини из одного мира в другой влечет за собой межпространственные переходы и ее двойников, что приводит к большой путанице среди персонажей. Во втором указанном романе акцентируется внимание на том, что у волшебника Крестоманси подобных двойников нет и он может спокойно путешествовать по другим измерениям, но все события, которые происходят с ним в иных вселенных, в трансформированном виде повторяются в его родном мире.

Принцип перемещения между мирами на первый взгляд подобен тому, что предлагает К. С. Льюис в «Племяннике чародея» – существует некий мир между мирами, который Кристофер называет *The Place Between* (в рус. переводе А. Погодиной – Междумирье) и в котором «все казалось недоделанным, словно осталось с тех времен, когда создатель еще не взялся толком за обустройство мира»¹², и в этом Междумирье обнаруживается множество тропинок, что ведут в другие миры, обозначенные Кристофером словом *Anywhere* (в рус. переводе А. Погодиной – Везделки).

Существование многих миров Д. У. Джонс объясняет в соответствии с теорией Х. Эверетта о расслаивании универсума на самостоятельные копии, причем в романе «Девять жизней Кристофера Чанта» говорится о том, что всего существует двенадцать групп миров, в каждой из которых обычно по девять измерений:

«Причины разделения были одни, но пути различны. Ход истории стал причиной этих различий. Самый простой пример – наши Двенадцатые Миры. Тот мир, в котором мы живем, называется Мир А и опирается на магию, что, впрочем, характерно и для остальных миров. Но следующий мир – Мир Б – откололся в четырнадцатом веке и занялся наукой и машиностроением. Мир В отделился во времена римлян и поделился на огромные империи. И все в таком духе до девятого. Обычно в группе девять миров»¹³.

М. Николаева предлагает называть такой принцип организации пространства гетеротопией и считает, что в основе подобной концепции

лежит постмодернистское отрицание единственной реальности [19], да и сам «жанр фэнтези отражает раскол в сознании человека эпохи постмодернизма и представляет неоднозначную картину вселенной» [20: 140]. Мы не можем не согласиться с этим утверждением, потому что актуализация представлений о множественности миров в литературе фэнтези приходится на те же годы, когда формируется постмодернизм, и, хотя жанр фэнтези складывается раньше, к 1970–1980-м годам он существенно трансформируется и начинает активно использовать приемы постмодернистской литературы.

ИДЕИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ МИРОВ В ФЭНТЕЗИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

В середине 1990-х годов концепция Мультивселенной не теряет своей актуальности, однако далеко не всегда сохраняет внутреннюю логику и структурированность, как это было парой десятилетий ранее. Если мы обратимся к трилогии Ф. Пулмана «Темные начала» (1995–2000), то увидим, что множество измерений не связано в систему ни космологическими центрами, ни цепочками двойников или повторяющимися в разных мирах событиями – они существуют самостоятельно и независимо друг от друга, а единственное, что их объединяет, это наличие загадочной Пыли, от которой зависит существование Мультивселенной, попытки же сохранить или уничтожить ее и определяют движение сюжета. Большая часть событий трилогии разворачивается в четырех мирах: исходной точкой является мир Лиры Белаквы, изображенный в традициях стимпанка, однако в финале первого романа («Северное сияние» или «Золотой компас») становится очевидно, что он не является единственным, а потому повествование следующих романов переносится в мир Уилла Парри, похожий на нашу реальность, мир Читтагадце, где могут жить только дети, мир животных под названием «мулефа» и даже в Страну Смерти, населенную душами умерших. Эти и другие миры связаны порталами, которые позволяют перемещаться между измерениями, а в название второго романа («Чудесный нож») выведен предмет, который позволяет эти порталы создавать. Джакомо Парадизи перед смертью учит Уилла обращаться с ним и прорезать ткань мироздания:

«Вытяни нож перед собой – вот так. Резать надо не только ножом, но и твоим собственным сознанием. Ты должен думать об этом. Теперь сделай вот что: сконцентрируй свои мысли на самом кончике ножа. Сосредоточься, мальчик. Соберись. <...> Думай о кончике ножа. Представь себе, что ты весь – там. Теперь поводи

им, очень мягко. Ты ищешь такую маленькую щелочку, что глазами ее никогда не увидишь, но кончик ножа найдет ее, если ты переместишь туда свое сознание. Води им по воздуху, пока не почувствуешь, что наткнулся на самую крохотную дырочку в мире»¹⁴.

В цикле А. Сапковского «Ведьмак» (1986–2013) концепция Мультивселенной также не имеет четкой структуры. Согласно мифологии мира, в котором происходят основные события, он лишь один из многих и в далеком прошлом народ эльфов обладал возможностью путешествовать между измерениями:

«...Ибо в те времена, – тебя удивит то, что я скажу, – можно было достаточно свободно перемещаться между мирами. При толике дара и ловкости, разумеется... Пузырек при пузырьке, при пузырьке пузырек...»¹⁵.

Так первые эльфы попали в описываемую реальность, а позднее часть народа отделилась, заняв «иной, более любопытный универсум»¹⁶.

Однако примерно за полторы тысячи лет до времени основных событий произошел некий катаклизм, названный Сопряжением сфер (польск. Koniunkcja Sfer), в результате которого измерения опасно сблизились, а границы, разделявшие их, истончились – как следствие, в мир, изображаемый в цикле «Ведьмак», проникло множество существ из других вселенных, в числе которых были и люди. Стоит отметить, что сам катаклизм – «Сопряжение Сфер», вероятно, является аллюзией на «Пересечение миллиона сфер» (Conjunction of the Million Spheres) во вселенной М. Муркока, хотя, в отличие от последнего, являлся единичным случаем, а не циклическим событием. Помимо прочего, Сопряжение привело к закрытию границ между мирами, и эльфы, разделенные на два народа, оказались заперты, утратив возможность межпространственных путешествий.

Согласно пророчеству эльфской ведуньи Итлины, в будущем мир ожидает климатическая катастрофа, в результате которой большая часть живых существ погибнет, и лишь потомок древнего эльфийского рода – Дитя Старшей Крови – сможет вывести народ эльфов из гибнущего мира. Таким образом перемещение между мирами для целых народов связывается с созданием неких межпространственных порталов, «врат», а силой, что сможет их создать, будет обладать потомок Цириллы, одной из главных героинь цикла. Сама же она обладает лишь зачатками подобных способностей, которые, однако, позволяют ей перемещаться не только в пространстве, но и во времени. Иными словами, способность к перемещению между мирами у героини А. Сапковского связана с наличием у нее особого гена,

Королевской Крови. Схожую картину мы наблюдаем в «Хрониках Амбера» Р. Желязны, где «избранность» персонажа также во многом определялась его наследием.

Стоит отметить, что одним из миров, в который попадает Цирилла, спасаясь от погони, является и наш реальный мир, ведь свидетелем ее появления и исчезновения становится некий Генрих фон Швельборн – рыцарь Ордена Немецких Госпитальеров. Включение реального мира в Мультивселенную позволяет Сапковскому объяснить и органично вплести в нить повествования схожие культурные элементы двух миров: использование в качестве языка науки латыни, заимствование фольклорных и мифологических элементов. Этот же прием дает возможность предположить, что именно из реального мира люди прибыли в Ведмилэнд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, можно сделать вывод, что концепция Мультивселенной оказалась очень востребованной в жанре фэнтези, так как позволила расширить границы мира и усложнить структуру повествования, при этом важно подчеркнуть, что данные идеи развиваются параллельно со

становлением эстетики постмодернизма, который отрицает единственную истину и, следовательно, существование одного-единственного мира. Писатели, произведения которых были проанализированы, представляют многомирие различно: у К. С. Льюиса, М. Муркока и Р. Желязны мы наблюдаем тяготение к некоему космологическому центру, но он представлен по-разному. У Д. У. Джонс система параллельных миров структурирована и их возникновение объясняется наиболее логично; при этом в концепциях Д. У. Джонс и Р. Желязны появляется система двойников, живущих в разных мирах. Ф. Пулман не стремится создать продуманную структуру Мультивселенной, так как акцентирует внимание на этических и гуманистических проблемах, но у него важное значение имеет образ предмета, который позволяет создавать порталы между измерениями. В произведениях А. Сапковского концепция Мультивселенной выполняет мирообразующую функцию, так как с путешествиями между мирами связаны космогонические мифы Ведмилэнда, об исходе из мира говорят и эсхатологические пророчества, а сам мир населяют существа из различных универсумов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Муркок М. Вечный воитель. М.: Фантастика Книжный Клуб, 2015. С. 133.
- ² Там же.
- ³ Муркок М. Феникс в обсидиане. М.: Змей Горыныч, 1992. С. 184.
- ⁴ Муркок М. Повелители Мечей // Муркок М. Хроники Корума. М.: Эксмо, 2002. С. 7.
- ⁵ Там же. С. 81.
- ⁶ Муркок М. Жемчужная крепость. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. С. 51.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Желязны Р. Карты судьбы. М.: Эксмо-Пресс, 1998. С. 287.
- ⁹ Муркок М. Повелители Мечей // Муркок М. Хроники Корума. М.: Эксмо, 2002. С. 121.
- ¹⁰ Желязны Р. Девять принцев Амбера. М.: Эксмо, 2013. С. 149.
- ¹¹ Желязны Р. Рука Оберона. М.: Эксмо-Пресс, 2017. С. 306–307.
- ¹² Джонс. Д. У. Девять жизней Кристофера Чанта. М.: Азбука, 2013. С. 2.
- ¹³ Там же. С. 187.
- ¹⁴ Пулман Ф. Чудесный нож. М.: АСТ, 2017. С. 211.
- ¹⁵ Сапковский А. Владычица озера. М.: АСТ, 2017. С. 143.
- ¹⁶ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артёмов О. Л. Мультиверсум – миры постнеклассической космологии // *Философия и социальные науки*. 2008. № 2. С. 51–54.
2. Артамонова К. Г. Образ дома волшебника как «другого места», аккумулирующего пространство и время, и его значение в творчестве Дианы Уинн Джонс // *Вестник Московского государственного областного университета*. Сер.: Русская филология. 2012. № 3. С. 117–121.
3. Белоусова Е. Г. Пространственный компонент хронотопа жанра фэнтези (на материале произведений Т. Пратчетта и Дж. К. Роулинг) // *European Social Science Journal*. 2011. № 9 (12). С. 174–183.
4. Визгин В. В. Идея множественности миров: очерки истории. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 336 с.
5. Горбатов В. В., Горбатова Ю. В. К вопросу о философских основаниях семантики возможных миров // *Социально-гуманитарное знание в современном мире*. М.: МЭСИ, 2009. С. 146–163.
6. Карбанова Н. В., Николаева Э. Е. Проблема межпространственных переходов в литературе жанра фэнтези // *Успехи современной науки и образования*. 2017. № 7. С. 70–73.

7. Наумчик О. С. Пространственно-временные модели фэнтези // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX–XXI вв.: Коллективная монография. Н. Новгород, 2019. С. 356–363.
8. Полянская Е. С. Фантастическое многомирие (на материале произведений А. М. Волкова) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 7. С. 290–299.
9. Попова С. А., Тюркан Е. А. Средства репрезентации категории темпоральности в цикле романов К. С. Льюиса «Хроники Нарнии» // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Материалы межрегион. научно-практ. конф. с междунар. участием / Отв. редактор Е. А. Тюркан. Мурманск, 2019. С. 83–91.
10. Скрыпник О. В. Специфика хронотопа в современном английском фэнтези на материале произведений Терри Пратчетта // Лучшая студенческая статья 2019: Сб. ст. XXIII Междунар. научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2019. С. 167–171.
11. Солдатов А. В. Развитие идеи множественности миров в европейской философии и богословии XVII–XIX веков // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2012. № 146. С. 33–41.
12. Тегмарк М. Параллельные вселенные // Космос: Альманах. М.: В мире науки, 2006. С. 21–32.
13. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. 448 с.
14. Everett H. “Relative state” formulation of quantum mechanics // Reviews of Modern Physics. 1957. Vol. 29. P. 454–462. DOI: 10.1103/RevModPhys.29.454
15. Fawcner Harald William. The ecstatic world of John Cowper Powys. Associated University Presses, 1986. 256 p.
16. Ellis G. F. R., Kirchner E. U., Stoeger W. R. Multiverses and physical cosmology. Monthly Notices of the Royal Astronomical Society. Oxford University Press, 2004. Vol. 347. No 3. P. 921–936. DOI:10.1111/j.1365-2966.2004.07261.x
17. Lewis D. On the plurality of worlds. Oxford: Blackwell, 2001. 288 p.
18. Nikolajeva M. Fairy tale and fantasy: from archaic to postmodern // Marvels & Tales. Vol. 17. No 1. Wayne State University Press, 2003. P. 138–156.
19. Nikolajeva M. Heterotopia as a reflection of postmodern consciousness in the works of Diana Wynne Jones. Diana Wynne Jones: An exciting and exacting wisdom (studies in children’s literature). (T. Rosenberg et al, Eds.) New York, 2002. P. 25–39.
20. Popular fiction and spatiality: Reading genre settings. (L. Fletcher, Ed.). 2016. 220 p. DOI: 10.1057/978-1-137-56902-8

Поступила в редакцию 22.10.2019

Olga S. Naumchik, PhD in Philology, Lobachevsky State University
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)
hylda@list.ru

Vasily N. Smirnov, Master’s Degree Student, Lobachevsky State University
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)
Howksmv-88@mail.ru

CONCEPT OF THE MULTIVERSE IN FANTASY LITERATURE: FROM MOORCOCK TO SAPKOWSKI

This article analyzes the principles of creating a multiverse in the works of various authors of the second half of the XX century in the context of cultural and scientific prerequisites. It uses comparative historical and descriptive methods. These methods allow us to generalize scientific theories from antiquity to the XX century and to determine how ideas about the existence of many worlds influenced the fantasy literature in the XX century. It is concluded that the concept of the multiverse was highly demanded by the genre of fantasy, as it allowed to expand the boundaries of the world and complicate the structure of the narrative. It is important to emphasize that these ideas developed in parallel with the emergence of the esthetics of postmodernism, which denies the only truth and, therefore, the existence of one single world. The authors whose works were analyzed represent the multiworld differently. In the works of Clive Staples Lewis, Michael Moorcock and Roger Zelazny, we see a tendency toward a cosmological center, but it is presented in different ways. In the works of Martin D. W. Jones, the system of parallel worlds is structured and their appearance is explained most logically; at the same time, Jones and Zelazny establish and conceptualize the system of twins living in different worlds. Philip Pullman does not seek to create a thoughtful structure of the multiverse, since he emphasizes ethical and humanistic problems. But in his books, the image of an object that allows creating portals between dimensions is important. In the works of Andrzej Sapkowski, the structure of the multiverse is also not fully revealed, but this concept performs a world-forming function.

Keywords: multiverse, chronotope, C. S. Lewes, M. Moorcock, R. Zelazny, D. W. Jones, P. Pullman, A. Sapkowski

Cite this article as: Naumchik O. S., Smirnov V. N. Concept of the multiverse in fantasy literature: from Moorcock to Sapkowski. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 43–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.463

REFERENCES

1. Artemenko O. L. Multiversum – the worlds of post-non-classical cosmology. *Philosophy and Social Sciences*. 2008. No 2. P. 51–54. (In Russ.)
2. Artamonova K. G. The image of the wizard's house as «the other space» that accumulates space and time and its significance in the works of Diana Wynne Jones's. *Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology*. 2012. No 3. P. 117–121. (In Russ.)
3. Belousova E. G. The spatial component of the fantasy genre chronotope (in the works by T. Pratchett and J. K. Rowling). *European Social Science Journal*. 2011. No 9 (12). P. 174–183. (In Russ.)
4. Vizgin V. V. The idea of the multiplicity of worlds: Essays on history. Moscow, 2007. 336 p. (In Russ.)
5. Gorbatov V. V., Gorbatova Yu. V. The issue of the philosophical grounds of semantics of possible worlds. *Social and humanitarian knowledge in today's world*. Moscow, 2009. P. 146–163. (In Russ.)
6. Karabanova N. V., Nikolaeva E. E. The problem of inter-dimensional transitions in the fantasy genre literature. *Achievements of Modern Science and Education*. 2017. No 7. P. 70–73. (In Russ.)
7. Naumchik O. S. Space-time models of fantasy. *Paradigms of transition and images of a fantastic world in the artistic space of the XIX–XXI centuries: Collective monograph*. Nizhny Novgorod, 2019. P. 356–363. (In Russ.)
8. Pol'anskaya E. S. Fantastic multiverse (by Alexander Volkov's works). *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2012. No 7. P. 290–299. (In Russ.)
9. Popova S. A., Tyurkan E. A. Means of representation of the category of temporality in a series of novels by K. S. Lewis *The Chronicles Of Narnia. Actual problems of linguistics and methods of teaching foreign languages: Proceedings of the Interregional Research and Application Conference with International Participation*. Murmansk, 2019. P. 83–91. (In Russ.)
10. Skrypnik O. V. Special features of the chronotope in modern English fantasy on the example of Terry Pratchett's works. *Best student article 2019: Collection of articles of the XXIII International Research Competition*. Penza, 2019. P. 167–171. (In Russ.)
11. Soldatov A. V. The development of the idea of the plurality of the worlds in European philosophy and theology of XVII–XIX centuries. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2012. No 146. P. 33–41. (In Russ.)
12. Tegmark M. Parallel universes. *Space: Almanac*. Moscow, 2006. P. 21–32. (In Russ.)
13. Hintikka J. Studies in epistemic logic. Moscow, 1980. 448 p. (In Russ.)
14. Everett H. "Relative state" formulation of quantum mechanics. *Reviews of Modern Physics*. 1957. Vol. 29. P. 454–462. DOI: 10.1103/RevModPhys.29.454
15. Fawcner H. W. The ecstatic world of John Cowper Powys. Associated University Presses, 1986. 256 p.
16. Ellis G. F. R., Kirchner E. U., Stoeger W. R. Multiverses and physical cosmology. *Monthly Notices of the Royal Astronomical Society*. Oxford University Press, 2004. Vol. 347. No 3. P. 921–936. DOI: 10.1111/j.1365-2966.2004.07261.x
17. Lewis D. On the plurality of worlds. Oxford, 2001. 288 p.
18. Nikolajeva M. Fairy tale and fantasy: from archaic to postmodern. *Marvels & Tales*. Vol. 17. No 1. Wayne State University Press, 2003. P. 138–156.
19. Nikolajeva M. Heterotopia as a reflection of postmodern consciousness in the works of Diana Wynne Jones. *Diana Wynne Jones: An exciting and exacting wisdom (studies in children's literature)*. (T. Rosenberg et al, Eds.) New York, 2002. P. 25–39.
20. Popular fiction and spatiality: Reading genre settings. (L. Fletcher, Ed.). 2016. 220 p. DOI: 10.1057/978-1-137-56902-8

Received: 22 October, 2019

ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА АБРОСИМОВА

научный сотрудник
Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы»
аспирант сектора фольклористики и литературоведения с фонограммархивом Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
folklor@mail.ru

КРАЕВЕД – СОБИРАТЕЛЬ ФОЛЬКЛОРА А. А. МОИСЕЕВ

В последнее время в фольклористике все больше внимания уделяется изучению биографий собирателей фольклора, причем в поле зрения исследователей попадают не только известные, но и рядовые собиратели – жители сел, работавшие «на местах». На основе опубликованных и архивных источников в статье исследуется биография одного из них – крестьянина Каргопольского края А. А. Моисеева. Рассматриваются фольклорные тексты, опубликованные им в газете «Олонецкие губернские ведомости». Автор статьи указывает на выявленные в губернской газете неатрибутированные фольклорно-этнографические материалы, происходящие из той местности, где жил А. А. Моисеев, и собранные в период его активной корреспондентской деятельности. На основе представленных биографических сведений дана характеристика личности собирателя и сделан вывод о его вкладе в сохранение устной традиции Каргополья.

Ключевые слова: А. А. Моисеев, Каргополье, Архангельская волость, Сорокинская, фольклорно-этнографические материалы, собирательская работа, губернская периодика, Олонецкие губернские ведомости, биография
Для цитирования: Абросимова Д. Д. Краевед – собиратель фольклора А. А. Моисеев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 52–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.464

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие предметом изучения фольклористики является не только собственно фольклор, но и деятельность фольклористов-собирателей. Исследователи изучают их биографические сведения, причем в поле зрения биографов попадают не только личности, чья роль для развития науки об устном народном творчестве является общепризнанной, но и малоизвестные труженики, деятельность которых «на местах» была, казалось бы, незаметной. Воссозданные биографии помогают в конечном счете увидеть более полную и точную картину бытования, передачи и записи фольклорных текстов. Наиболее целостное выражение этот подход нашел в масштабном, пятитомном, энциклопедическом издании «Русские фольклористы», четыре тома которого уже вышли в свет¹. Оно посвящено многочисленным собирателям – фольклористам и краеведам XVIII и XIX веков. Нашим стремлением при написании статьи было подготовить материал в русле этого направления. Статья посвящена собирателю-любителю из Каргопольского края крестьянину А. А. Моисееву, автору нескольких фольклорно-

этнографических публикаций на страницах газеты «Олонецкие губернские ведомости».

БИОГРАФИЯ А. А. МОИСЕЕВА

А. А. Моисеев был крестьянином и волостным писарем², что среди собирателей фольклорно-этнографических материалов (ФЭМ), чьи работы публиковались в периодике, встречается не столь часто³. Его биография в словаре «Русские фольклористы», изложенная Т. Г. Ивановой [1: 619], может быть дополнена сведениями из статей самого корреспондента, напечатанных в ОГВ, документов НАРК и справочных изданий. Согласно указанному словарю, Алексей Абрамович Моисеев⁴ проживал в селе Архангело Каргопольского уезда [1: 619]. В одном из архивных документов и в издании «Поморский мемориал...», посвященном жертвам политических репрессий⁵, упоминается крестьянин Каргопольского уезда с таким именем, но местом его жительства в обоих этих источниках названа деревня Сорокино (Сорокинская) Сорокинского сельского общества Архангельской волости⁶. В «Списках населенных мест Олонецкой губернии» за 1873

и 1905 годы⁷ упоминаются оба названия: Архангел и Сорокинская (Сорокино). В монографии Н. И. Тормосовой, посвященной истории волостей Каргопольского края, отмечено, что Архангело (Архангелы) – название куста деревень, расположенного в 56 км от Каргополя, вблизи реки Онеги, с центром в деревне Шелоховской. В этот куст входила и деревня Сорокинская, расположенная ближе всех к Шелоховской и Архангельскому погосту и игравшая здесь до середины XX века значительную административную роль [6: 201–202, 205]. Таким образом, в словаре «Русские фольклористы», документе НАРК и «Поморском мемориале» речь идет об одном и том же селе и, следовательно, одном и том же человеке – обладателе сравнительно редкого сочетания фамилии-имени-отчества.

«Поморский мемориал», кроме того, в большой степени устраняет существующую неопределенность относительно срока жизни собирателя⁸, одновременно проливая свет на развязку его судьбы. В нем сказано, что А. А. Моисеев родился в 1863 году, а в марте 1938 года был арестован Архангельским областным судом, который через десять месяцев приговорил его к лишению свободы на шесть лет⁹.

На протяжении жизни А. А. Моисеев занимал несколько общественных должностей. Автор посвященной ему персоналии Т. Г. Иванова приводит данные на 1899 год, согласно которым он был гласным уездного земского собрания в Каргополе, членом уездного по воинской повинности присутствия и членом Олонецкого губернского статистического комитета, а по данным 1900 года – попечителем Бабкинского училища [1: 619]. Можно добавить, что во всех этих социальных ролях корреспондент выступал и в ближайшие, предшествующие и последующие годы. Согласно «Спискам должностных лиц гражданского, военного и других ведомств Олонецкой губернии...»¹⁰, А. А. Моисеев был гласным уездного земского собрания в Каргополе в 1898, 1902 и 1903 годах; членом каргопольского по воинской повинности присутствия – в 1895, 1896, 1898, 1900, 1902 и 1903 годах. Действительным членом Олонецкого губернского статистического комитета в Каргопольском уезде он стал в 1898 году¹¹ и оставался им по данным на 1900, 1902 и 1904 годы. Попечителем же земской школы в деревне Бабкино (Шугинской) он оставался до 1905 года включительно¹². На 1899 год А. А. Моисеев был, кроме того, избранным пожизненно почетным членом Архангельской вольной пожарной дружины¹³.

ПУБЛИКАЦИИ А. А. МОИСЕЕВА В ОГВ

Что касается его деятельности как автора, к списку статей А. А. Моисеева, перечисленных в словаре «Русские фольклористы», помимо публикаций с ФЭМ, можно добавить заголовки по меньшей мере еще пяти материалов¹⁴. Нужно, по-видимому, также указать, что в ОГВ за 1896–1898 годы есть несколько небольших статей, опубликованных под псевдонимами или без подписи, в которых речь идет о селе Архангело¹⁵. Именно в это время, во второй половине 1890-х годов, А. А. Моисеев активно печатался в губернской газете, подписываясь под публикациями то полностью, то разными сокращениями. Однако Архангело представляло собой крупный комплекс деревень, и у нашего деятеля были единомышленники и соратники, не менее заинтересованные в дальнейшей жизни этого села, на что он сам указывает.

Большая часть публикаций, атрибутированных А. А. Моисееву (включая и его анонимные статьи), посвящена преобразованиям и текущим событиям в родном крае. К числу наиболее значительных событий в Архангеле, о которых сообщает корреспондент, относятся организация и работа вольной пожарной дружины, устройство общественной библиотеки, празднование коронации Николая II. Он пишет также об образовании общества трезвости жителями соседней с Архангельской Волосовской волости¹⁶. Благодаря репортажам корреспондента на страницах губернской газеты была запечатлена минилетопись села Архангело и его окрестностей за несколько лет. В другой части публикаций автора подробно изложены опыты посадки культур, проводившиеся им с целью увеличения урожайности¹⁷. Опираясь на поддержку земских властей и на рекомендации специалистов в петербургских журналах, он опробовал новые способы сеяния зерна, трав и посадки картофеля, занимался пчеловодством¹⁸. Опытам А. А. Моисеева, по-видимому, способствовало как то, что Архангельская волость была одной из наиболее плодородных местностей в Каргополье [6: 210]¹⁹, так и то, что им предшествовали неурожайные годы²⁰, вслед за которыми произошел общий всплеск интереса к теме поднятия сельского хозяйства. Делу его усовершенствования, как и своему вкладу в него, корреспондент придавал особое значение, о чем свидетельствуют высказывания в его статьях²¹. Произведенные А. А. Моисеевым опытные посадки были высоко оценены Каргопольским местным комитетом улучшения народного труда. Благодаря его начинанию экспериментальные поля появились в родном селе корреспондента

и других волостях Каргопольского уезда²². Таким образом, автор публикаций был одним из тех, кто внедрял новые сельскохозяйственные технологии в Каргопольском крае в конце XIX века.

Помимо указанных статей А. А. Моисеева еще две его заметки описывают случаи с животными, в том числе охоту на медведя²³.

ФОЛЬКЛОР, ЗАПИСАННЫЙ А. А. МОИСЕЕВЫМ

Записанный корреспондентом фольклор опубликован в пяти статьях, напечатанных в ОГВ в течение 1899 года, наиболее продуктивного у этого автора²⁴. Он представлен тремя жанрами: преданиями, легендой и так называемыми малыми формами. Большая часть этих текстов принадлежит к жанру преданий. Среди них можно выделить предания о заселении и освоении края и предания о кладах²⁵. В числе первых – сюжеты, объясняющие причины и выбор мест строительства нескольких часовен в Архангельской волости²⁶. Согласно им, ряд часовен был поставлен на местах чудесного явления икон, найденных в лесу либо припльвших по воде на камне. Корреспондент приводит сведения о связанной с ними ритуальной лечебной практике: больные приходят туда на праздники грызть камни, на которых приплыли иконы, для облегчения недугов. В преданиях второй группы рассказывается о кладах разбойников, чуди-винокуров и кладе скрытника²⁷. В двух из них содержится традиционное для таких текстов описание местонахождения клада и рецепт его добывания, в третьем же говорится о кладе уже найденном, на месте которого остался только «пустой котел».

Особняком среди собранных А. А. Моисеевым ФЭМ стоит текст эсхатологической легенды, бытовавшей в связи с двумя большими камнями, напоминающими по форме лошадь, один из которых находится в Пудожском, другой – в Каргопольском уезде. Приведем текст этой легенды:

«Относительно этих камней в народе ведется слух, что под конец века (при светопреставлении) в означенной местности будет кровопролитная битва и война такая сильная, что река Ектыша, впадающая в реку Онегу, от крови будет яко огненная, и убитые тела поплывут в крови, как головеньки. Тогда неприятельские силы и пушки будут стоять за этими камнями»²⁸.

Как следует из публикации современного исследователя В. В. Шевелева, мифологические представления в связи с каргопольским камнем сохранялись среди населения края еще в конце XX века [7: 49]. Этот автор дает описание более точного местоположения камня и его вида, говорит о современной практике паломничества к нему, цитирует текст А. А. Моисеева и при-

водит вариант легенды о конце света в связи с этим камнем, записанный в 1979 году. Интересно, что именно в этой поздней записи фольклорный текст сюжетно более богат и рельефен. В отличие от публикации А. А. Моисеева, конец света в нем мыслится не как неопределенное будущее, а как событие, уже наступающее, в связи с чем приводится развернутый перечень его характерных признаков²⁹. Если в легенде А. А. Моисеева камню отведена второстепенная и пассивная роль, в нарративе, опубликованном В. В. Шевелевым, он становится действующим участником событий – оживает и превращается в коня, на котором скачет пророк Илья / архангел Михаил / Иисус Христос. Таким образом, во втором тексте название камня – Конь – получает мотивировку, чего нет в записи А. А. Моисеева, а сама концовка становится более выразительной. Можно согласиться с мнением, высказанным В. В. Шевелевым, о происхождении этой легенды из среды старообрядцев Каргополя.

Среди фольклорных произведений, опубликованных А. А. Моисеевым, помимо сложных сюжетных текстов есть и «малые фольклорные формы», поговорки. Их всего две, и они характеризуют такой аспект жизни северных крестьян, как отношение к скоту³⁰. Корреспондент не останавливается на этих текстах специально, а пользуется ими, чтобы подкрепить изложение своих воззрений на развитие крестьянского хозяйства, хотя из его слов следует, что ему известны и другие подобные образцы фольклора.

В связи со сказанным важно отметить еще две небольшие статьи в ОГВ без подписи, касающиеся территории Каргополя, в которых описаны обычаи каргопольских старообрядцев-скрытников. В одной из этих статей повествуется о подземной пещере вблизи деревни Кладово Вологовской волости, которая, согласно преданию, была некогда местом их жительства³¹. В другой сообщается об обычае скрытников хитростью добывать себе подаяние³² и приводятся пять текстов исполнявшихся ими духовных стихов³³. Несмотря на ценность сведений в этих статьях, установить их автора пока не представляется возможным. Того факта, что речь в них идет о местности, где жил А. А. Моисеев, как и фокуса публикаций (местные достопримечательности и окружающая их народная молва) недостаточно, чтобы выдвигать его в качестве претендента на авторство.

И в завершение приведем еще один факт, касающийся корреспондентско-краеведческой работы А. А. Моисеева. В 1910 году он выразил согласие

стать корреспондентом оценочно-статистического бюро Олонецкой губернской земской управы (отдела текущей статистики). В заведенной на него в бюро корреспондентской карточке, в графе «Сведения, доставленные корреспондентом», за 1913–1916 годы проставлены отметки, которые, по-видимому, должны означать, что в эти годы он присылал туда какие-то материалы³⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего сказанного проступает портрет личности активной и достаточно широко мыслящей,

человека, всесторонне радевшего о нуждах малой родины. Одним из проявлений заботы о ней явилась, несомненно, его регулярная корреспондентская деятельность, в которой заняли свое место материалы «народной истории». Несмотря на небольшой объем собранной А. А. Моисеевым коллекции таких материалов, в нее вошли фольклорные тексты, отражающие облик локальной традиции Каргополя. И хотя этот автор остается в числе рядовых собирателей, он, несомненно, внес свою лепту в сохранение устного наследия края.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИОИОГ – «Известия Общества изучения Олонецкой губернии»
 НАРК – Национальный архив Республики Карелия
 ОГВ – «Олонецкие губернские ведомости»
 СНМ-1905 – «Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год». Петрозаводск, 1907. 326 с.
 ФЭМ – фольклорно-этнографические материалы

Сокращения подписей А. А. Моисеева под статьями

А. А. М.
 Крестьянин А. Моисеев
 Кр-н А. А. Моисеев
 Кр-н А. М-в
 Моисеев А.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Русские фольклористы: Библиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб., 2016–2019. Т. 1–4.
- ² Об этом он упоминает сам: Моисеев А. А. Село Архангелы Каргопольского уезда // ОГВ. 1899. № 85. С. 3.
- ³ Как известно, основную массу собирателей среди местных жителей составляли сельские учителя и священники.
- ⁴ Его отчество также писалось как «Аврамович» (НАРК. Ф. 27. Оп. 3. № 3/34. Корреспондентские карточки корреспондентов Каргопольского уезда. 1910–1916. Л. 124; Ф. 27. Оп. 11. № 3/30. Списки корреспондентов по Олонецкой губернии. 1917. Л. 78).
- ⁵ Поморский мемориал. Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 2001. Т. 2. 720 с.
- ⁶ НАРК. Ф. 27. Оп. 3. № 3/34. Л. 124; Поморский мемориал... С. 162.
- ⁷ Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года. СПб., 1879. 235 с.; Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год. Петрозаводск, 1907. 326 с.
- ⁸ Согласно словарю «Русские фольклористы», год рождения А. А. Моисеева не известен, а умер он не ранее 1916 года [1: 619].
- ⁹ Поморский мемориал... С. 162–163. При этом следует отметить допущенную в этом издании неточность. Местом рождения А. А. Моисеева в нем названа «деревня Сорокинская Приозерного района» (С. 162). Однако в 1863 году Приозерный район как административное образование еще не существовал: он был образован только в 1929 году, а в 1963-м упразднен, и входивший в него Архангельский сельсовет был передан в состав вновь образованного Каргопольского района (Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: Справочник. Архангельск, 1997. С. 182, 184).
- ¹⁰ Ниже в примечаниях название этих «Списков...» приводится нами сокращенно, с указанием года (например: Список... 1895). Полные выходные данные «Списков...» см.: [5: 60–61].
- ¹¹ Журналы собрания Олонецкого губернского статистического комитета 25-го августа 1898 года // ОГВ. 1898. № 67. С. 3.
- ¹² Сведения изложены на основании просмотра «Списков...» за 1895–1896, 1898 и 1900 годы и «Памятных книжек Олонецкой губернии» на 1902–1905 годы.
- ¹³ Моисеев А. А. С. Архангелы Каргопольского уезда // ОГВ. 1900. № 14. С. 2.
- ¹⁴ Кр-н А. М-в. Сел. Архангелы Каргоп<ольского> уезда // ОГВ. 1896. № 19. С. 4; Кр-н М-в. С. Архангелы Каргоп<ольского> уезда // ОГВ. 1896. № 30. С. 3; Моисеев А. С. Архангелы Каргоп<ольского> уезда // ОГВ. 1896. № 32. С. 3; Крестьянин А. Моисеев. Попытки по улучшению земледелия в селе Архангелах (Каргопольского уезда) // ОГВ. 1897. № 3. С. 2; Моисеев А. А. С. Архангелы Каргопольского уезда // ОГВ. 1900. № 14. С. 2. В одной из статей корреспондент также упоминает, что в № 93 ОГВ за 1894 год будто бы помещена заметка «по одному из его сообщений» (Моисеев А. А. Из области нововведений по сельскому хозяйству в Архангельской волости Каргопольского уезда // ОГВ. 1899. № 51. С. 3). Однако ни в этом номере, ни в соседних такой заметки мы не обнаружили.

- ¹⁵ Общественная запашка // ОГВ. 1896. № 36. С. 4; Местный житель. Архангелы Каргопольского уезда // ОГВ. 1896. № 71. С. 3; Их земляк. Сел. Архангелы Каргоп<ольского> уезда // ОГВ. 1897. № 2. С. 5; Местный житель. Сел. Архангелы (Каргоп<ольского> уезда) // ОГВ. 1897. № 4. С. 2; М-в. Сел. Архангелы Каргоп<ольского> уезда // ОГВ. 1898. № 36. С. 2. В последней заметке говорится о праздновании 25-летия «службы в общественных должностях» волостного старшины Алексея Ильича Моисеева – возможно, родственника нашего корреспондента.
- ¹⁶ Моисеев А. А. Село Архангелы Каргопольского уезда // ОГВ. 1899. № 85. С. 3; Моисеев А. А. С. Архангелы Каргопольского уезда // ОГВ. 1900. № 14. С. 2; Кр-н А. М. Сел. Архангелы Каргоп<ольского> уезда // ОГВ. 1895. № 96. С. 6; Кр-н А. М-в. Сел. Архангелы Каргоп<ольского> уезда // ОГВ. 1896. № 19. С. 4; Моисеев А. А. С. Архангелы Каргопольского уезда // ОГВ. 1896. № 39. С. 3–4; Моисеев А. С. Архангелы Каргоп<ольского> уезда // ОГВ. 1896. № 31. С. 3.
- ¹⁷ Итоги этой работы А. А. Моисеев обнаружил не только в ОГВ, но и в столичном издании – «Сельском вестнике». См. его ссылку на собственную статью в этом журнале за 1894 год: Кр-н А. А. Моисеев. Опытное поле в с. Климове Архангельской волости Каргопольского уезда // ОГВ. 1895. № 93. С. 4. В документе НАРК содержится также указание, что он изъявлял желание получать «Сельский вестник» в 1913–1915 годах (НАРК. Ф. 27. Оп. 3. № 3/34. Л. 124).
- ¹⁸ См.: Кр-н А. А. Моисеев. Опытное поле... С. 4–6; Крестьянин А. Моисеев. Попытки по улучшению земледелия... С. 2; Моисеев А. А. Из области нововведений... // ОГВ. 1899. № 50. С. 3–4; № 51. С. 3.
- ¹⁹ Каргополье само считалось «житницей Олонецкой губернии» (Отчет Каргопольского местного комитета Общества улучшения народного труда в память царя-освободителя Александра II за комитетский год с 1 мая 1895 г. по 1 мая 1896 года // ОГВ. 1896. № 55. С. 2).
- ²⁰ См.: Кр-н А. А. Моисеев. Опытное поле... С. 4.
- ²¹ В одной из них он пишет: «Я постараюсь по силе и возможности потрудиться над своими опытами и на следующее время – не для себя именно, а для ближних...» (Моисеев А. А. Из области нововведений... № 51. С. 3). В другой статье автор высказывает убежденность, что его опыт по обработке поля с применением искусственных удобрений – первый подобный в Олонецкой губернии (Кр-н А. А. Моисеев. Опытное поле... С. 6), а позже повторяет это предположение, называя свое начинание «чуть ли не первым в Олонии» (Крестьянин А. Моисеев. Попытки по улучшению земледелия... С. 2). Более ранние публикации в губернской газете, однако, говорят о том, что он был прав лишь отчасти: пробное выращивание отборных зерновых и овощей, а также плодовых деревьев и ягодных кустов к этому времени уже велось в Олонецком крае (см., например: П. В. Местная хроника // ОГВ. 1894. № 26. С. 6; Краткие сведения об образцовом саде-огороде учителя А. Анкудинова // ОГВ. 1895. № 37. С. 3–4).
- ²² Кр-н А. А. Моисеев. Опытное поле... С. 6. Об этом решении Комитета см. в его годовом отчете: Отчет Каргопольского местного комитета... (окончание) // ОГВ. 1896. № 56. С. 2; Общественная запашка... С. 4; Крестьянин А. Моисеев. Попытки по улучшению земледелия... С. 2; Местная хроника // ОГВ. 1898. № 1. С. 2.
- ²³ А. А. М. Село Архангело (Кар<гопольского> уезда) // ОГВ. 1899. № 77. С. 2; Моисеев А. Д. Ольховец Каргоп<ольского> уезда // ОГВ. 1900. № 114. С. 2.
- ²⁴ В этом году было опубликовано восемь статей, причем три – в одном номере.
- ²⁵ Об этих сюжетно-тематических группах преданий см.: [2].
- ²⁶ Моисеев А. Народные предания о часовнях Архангельской волости Каргопольского уезда // ОГВ. 1899. № 60. С. 2.
- ²⁷ Моисеев А. Из Каргопольского уезда. Мнимый клад // ОГВ. 1899. № 48. С. 2; А. А. М. Шелтомская вол<ость> Пуд<ожского> уезда. Из преданий о кладах // ОГВ. 1899. № 77. С. 3. Текст предания из второй статьи опубликован Н. А. Криничной [2: 60–61].
- ²⁸ Моисеев А. А. «Конь-камень» // ОГВ. 1899. № 77. С. 3. По описанию автора, пудожский конь-камень находился недалеко от деревни Бережная Дуброва (Бережнодубровского общества Шелтомской волости), каргопольский – на упоминаемой здесь реке Ектыше (вариант ее названия – Эктыш). Во время публикации заметки А. А. Моисеева на этой реке было две деревни, Эктыши и Проймачевская, обе Коневского общества Александровской волости (СНМ-1905. Петрозаводск, 1907. С. 182).
- ²⁹ У А. А. Моисеева таких признаков всего два: «кровопролитная битва» / «сильная война» и вода в реке «от крови яко огненная».
- ³⁰ Моисеев А. А. Из области нововведений... № 51. С. 3. Поговорки: «Скот – наш живот» и «будет корм, будет и скот».
- ³¹ Кладовская пещера // ОГВ. 1896. № 41. С. 3. В олонечкой периодике имеются публикации по меньшей мере еще трех авторов, описывающих этот выдающийся природный объект, представлявший собой серию гротов, которые простирались под землей на значительное расстояние: епархиального миссионера, исследователя старообрядчества Д. В. Островского (Островский Д. Каргопольские «бегуны»: Краткий исторический очерк. Петрозаводск, 1900. С. 10–12), учителя В. И. Роева (Роев В. И. Копосова пещера // ИОИОГ. 1913. № 7–8. С. 174–176) и известного каргопольского краеведа К. А. Докучаева-Баскова (Докучаев-Басков К. А. Из путешествия по Олонии: Пещеры (скрытники) и минеральные источники // ИОИОГ. 1914. Т. 4. № 8. С. 131–139). Статьи В. И. Роева и К. А. Докучаева, как и анонимная заметка в ОГВ, представляют собой описания пещеры по результатам ее «натурных обследований», выполненных независимо друг от друга: словесных совпадений между этими публикациями нет. Д. В. Островский приводит факты из истории пещеры на основе документов, а в качестве одного из источников цитирует указанную заметку из ОГВ за 1896 год. Докучаевская статья была опубликована позже всех, хотя ее автор побывал в пещере, как следует из его слов, еще в 1871 году. Мы просмотрели две другие работы этого исследователя, посвященные каргопольским старообрядцам (Докучаев-Басков К. А. Раскол в Каргопольском крае // Живая старина. 1892. Вып. 2. С. 154–162;

Докучаев-Басков К. А. Из жизни каргопольских странников-бегунов. М., 1913. 16 с.), с целью установить, не фигурирует ли в них в каком-либо виде текст заметки «Кладовская пещера», однако дословных совпадений не обнаружили. Учитывая это, а также то, что Карп Андреевич был очень чувствителен к вопросу указания своего авторства (см.: [3], [4]), его можно исключить из числа возможных авторов этой заметки.

³² Скрытники // ОГВ. 1896. № 41. С. 3; № 42. С. 2.

³³ Их сопоставление с более ранней публикацией духовных стихов в ОГВ, принадлежащей К. А. Докучаеву-Баскову (Духовные стихи // ОГВ. 1873. № 53. С. 624–625; № 54. С. 635–636; № 55. С. 646–647), совпадения также не выявило.

³⁴ НАРК. Ф. 27. Оп. 3. № 3/34. Л. 124.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова Т. Г. Моисеев Алексей Абрамович // Русские фольклористы: Библиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. СПб., 2018. Т. 3: Краинский – О.
2. Криничная Н. А. Северные предания (Беломорско-Онежский регион). Л., 1978. 254 с.
3. Онучина И. В. К. А. Докучаев-Басков – исследователь православных святынь Русского Севера // Православие в Карелии: Материалы III регион. науч. конф., посвящ. 780-летию крещения карелов (16–17 октября 2007 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2008. С. 358–364.
4. Онучина И. В. Каргопольский краевед К. А. Докучаев-Басков и его наследие (К 150-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 160–165.
5. Раздорский А. И. Общие печатные списки должностных лиц губерний и областей Российской империи (1841–1908): Библиографический указатель. СПб., 1999. 93 с.
6. Тормосова Н. И. Каргополье: история исчезнувших волостей. Каргополь, 2011. 711 с.
7. Шевелев В. В. Конь-камень // Живая старина. 1999. № 2. С. 49.

Поступила в редакцию 15.10.2019

Daria D. Abrosimova, Researcher, Kizhi State Open-Air Museum of History, Architecture and Ethnography, Postgraduate Student, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
folklor@mail.ru

FOLKLORE COLLECTOR ALEXEY MOISEYEV

Over the past few years, increasingly more attention has been paid to the biographies of folklore collectors in folklore studies. Researchers turn not only to the well-known figures but also to those “ordinary” folklorists, who lived and worked in numerous villages throughout the country. Using both published and archival sources, the article deals with the biography of one of such people, a farmer from the Kargopol area, Alexey A. Moiseyev. The article investigates folklore texts published by him in the newspaper *Olonetskiye Gubernskiyе Vedomosti* (*The Olonets Province Gazette*). The author of the article also pinpoints folklore and ethnographic pieces published in this newspaper anonymously, but recorded at the place where Moiseyev lived and at the time of his high activity as the newspaper’s contributor. Finally, a sketch of Moiseyev’s personality and work is given, and the conclusion is made about his input into the preservation of the oral tradition of the Kargopol area.

Keywords: Alexey A. Moiseyev, Kargopol area, Arkhangelsk district, Sorokinskaya, folklore and ethnographic materials, collecting materials, provincial periodicals, *Olonetskiye Gubernskiyе Vedomosti*, biography

Cite this article as: Abrosimova D. D. Folklore collector Alexey Moiseyev. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 52–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.464

REFERENCES

1. Ivanova T. G. Moiseyev Alexey Abramovich. *Russian folklorists. Biobibliographical dictionary. The eighteenth and the nineteenth centuries: In 5 vols.* Vol. 3. Krainsky – O. St. Petersburg, 2018. (In Russ.)
2. Krinichnaya N. A. North Russia’s historical legends (the region of the White Sea and Lake Onega). Leningrad, 1978. 254 p. (In Russ.)
3. Onuchina I. V. Karp A. Dokuchayev-Baskov, a researcher of the Orthodox holy places of North Russia. *Orthodoxy in Karelia. Proceedings of the 3rd Regional Scientific Conference Devoted to the 780th Anniversary of the Christening of the Karelians*. Petrozavodsk, 2008. P. 358–364. (In Russ.)
4. Onuchina I. V. Local historian of the Kargopol area Karp A. Dokuchayev-Baskov and his heritage (celebrating his 150th birth anniversary). *Archeographic Almanac of 1999*. Moscow, 2000. P. 160–165. (In Russ.)
5. Razdorsky A. I. General printed lists of officials in the provinces of the Russian Empire (1841–1908): Bibliographical index. St. Petersburg, 1999. 93 p. (In Russ.)
6. Tormosova N. I. Kargopol land: the history of extinct districts. Kargopol, 2011. 711 p. (In Russ.)
7. Shevelov V. V. The Horse Stone. *Zhivaya starina*. 1999. No 2. P. 49. (In Russ.)

Received: 15 October, 2019

ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА КУНИЛЬСКАЯ

магистр филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
dkunilskaya@yandex.ru

ВИЗАНТИЗМ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА В КОНТЕКСТЕ РУССКИХ СПОРОВ*

Анализируется связь споров о Византии в русской культуре 40–70-х годов XIX века и концепции К. Н. Леонтьева, изложенной в программном сочинении «Византизм и славянство» (1875). Актуальность работы подтверждается постоянным вниманием научного сообщества к понятию «византизм», сочинениям К. Н. Леонтьева. Цель работы – обозначить проблему осмысления византийского наследия в русской культуре, а также изучить степень влияния отдельных авторов на формирование взглядов К. Н. Леонтьева, историко-культурного контекста византизма мыслителя. Направление исследования обуславливает выбор историко-литературного метода. В статье отмечается актуализация Леонтьевым данного концепта в 1870-е годы. Рассматриваются сходство и различие позиций А. С. Хомякова и К. Н. Леонтьева в вопросе византийского воздействия, приводятся мнения Т. Н. Грановского, А. И. Герцена, И. С. Аксакова. На основании анализа контекста устанавливается, что позиция Леонтьева оказывается ближе лагерю западников. В исследовании обоснована и уточнена связь концепции К. Н. Леонтьева с отечественной философско-культурной традицией осмысления византийского наследия.

Ключевые слова: византизм, К. Н. Леонтьев, Византия, концепт, публицистика, западники, полемика 1840–1870-х годов

Для цитирования: Кунильская Д. С. Византизм К. Н. Леонтьева в контексте русских споров // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 58–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.465

ВВЕДЕНИЕ

В 1875 году в третьей книге журнала «Чтения в Императорском обществе древностей Российских при Московском университете» О. М. Бодянского была напечатана статья К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство». Изначально статья не вызвала большого резонанса, серьезных откликов, которых так ждал автор, на нее так и не последовало (за исключением отзыва Н. Н. Стрехова). Хотя сам автор особенно выделял данную работу: «Повести мои чуть не игрушки; – а “Византизм”... не смею сказать что...»¹. Леонтьев в своем исследовании развивает оригинальную концепцию осмысления феномена Византийской цивилизации в России. До этой работы К. Н. Леонтьева (а во многом и после) византизм понимался как нечто ретроградное, ультраконсервативное, во многом негативное. Речь о философско-культурном контексте непосредственных источников к сочинению «Византизм и славянство» уже шла², в данной статье внимание фокусируется прежде всего на русских спорах о византизме 40–70-х годов XIX века, а также степени влияния этой полемики на творчество К. Н. Леонтьева.

Согласно Леонтьеву, византизм – это особый тип культуры, унаследованный русским государством, а сам термин, таким образом, мы можем назвать одним из главных концептов русской культуры. По мнению Ю. С. Степанова, «концепт – это <...> сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [9: 43]. Кроме того, концепты, как замечает В. Г. Зусман, имеют «выход» на «геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне произведения» [5: 14]. Таким образом, названные особенности определяют византизм Леонтьева как один из ключевых факторов диалога о самоопределении русской государственности.

Выделим несколько тезисов из сочинения «Византизм и славянство». Византизм, как полагают консервативный мыслитель,

«в государстве значит – самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей, от расколов» (7(1), 300–301).

Византизм определил историко-философские взгляды Леонтьева, из него писатель исходит в своем учении о мессианской роли России:

«Сила наша, дисциплина, история просвещения, поэзия, одним словом все живое у нас сопряжено органически с родовой монархией нашей, освященной православием, которого мы естественные наследники и представители во вселенной» (7(1), 331).

Часто исследователи говорят о том, что именно К. Н. Леонтьев впервые обосновал и ввел концепт «византизм» в полемическое пространство русской культуры³. Почему же мыслитель остановился на термине «византизм», который в русском общественном сознании вовсе не отождествлялся с положительными идеалами? Обратим внимание на внешнюю ситуацию: конец 1860–1870 годы – это время, когда тема Византии вновь актуализируется. О себе начинает заявлять русская византистика (впоследствии эта ветвь российской исторической науки обретет всемирную известность). Изданы сочинения В. С. Иконникова «Опыт исследования культурного значения Византии в русской истории» (1869), Ф. А. Тернавского «Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси» (1875). В 1870 году в Санкт-Петербурге открывается кафедра Византийской истории (Санкт-Петербургская духовная академия), проходят чтения по истории Византии (лектор – В. Г. Василевский)⁴. Если мы обратимся к публицистике, то и здесь заметим существенный интерес к теме Византийской империи. Во-первых, это постоянные упоминания Константинополя Ф. М. Достоевским в «Дневнике писателя» 1876–77 года («Рано ли, поздно ли, но Константинополь должен быть наш»⁵). Во-вторых, в 1869 году вышло сочинение «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского, ставшее очень значимым для Леонтьева. В своем труде Данилевский по-разному оценивает влияние Византии на славянский тип, но все же высказывает мысль о создании «федеративной формы славянского мира», в котором Россия стала бы играть главную роль, а Константинополь был бы столицей такого «Всеславянского союза» [4: 384, 429]. Отношение Леонтьева к концепции Данилевского, конечно, не сводится к простому заимствованию идей, скорее нужно говорить о развитии мысли Данилевского в работах Леонтьева. Р. А. Гоголев замечает, что Леонтьев не просто «наследует идеи и взгляды Данилевского, но дает им свое собственное развитие» [2: 64]. Почему же в 1888 году Леонтьев пишет о том, что само слово «византизм» «сслужило <...> плохую службу <...> на него нападали все, даже и весьма благоприятно обо мне писавшие» (8(2), 144). Неслучайно в конце XIX века в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Чуди-

нова византизм определяется как «отличительная особенность византийского быта: деспотизм, бюрократизм, подчинение церкви государству <...> лезть, пышность, разврат»⁶, то есть фиксируется закрепленная норма с ярко выраженной отрицательной коннотацией. Леонтьев же вкладывал в данное определение противоположный смысл. В «Византизме и славянстве» писатель, поясняя преемственность византийской и русской традиций через оригинальную трактовку византизма пытался предотвратить деградацию культурной идентичности.

В 1887 году Леонтьев писал А. Александрову, одному из своих учеников:

«Знаете ли Вы, что две свои самые лучшие вещи роман и не-роман («Византизм и славянство». – Д. К.) – я написал после полуторагодового общения с Афонскими монахами, чтения аскетических писателей, жесточайшей как плотской [так] и духовной борьбы с самим собою» [7: 318].

В «Письмах с Афона» в 1872 году во время духовного кризиса и одновременно начала работы над «Византизмом и славянством» Леонтьев очерчивает свой круг чтения: «На столе моем рядом лежат Прудон и Пророк Давид, Байрон и Златоуст – Иоанн Дамаскин и Гете; и – Хомяков и Герцен» (7(1), 132). Разнополярные сочинения, названные писателем, как нельзя лучше характеризуют противоречивость самого Леонтьева, оригинальность его работы. Для понимания смысла, который вкладывал публицист в концепт «византизм», необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать особое отношение к Византии в русском обществе в первой половине XIX века. В приведенной выше цитате писатель упомянул труды А. С. Хомякова. Мы знаем, что Леонтьев очень ценил самобытность этого мыслителя, хотя в молодости (1850-е годы) А. С. Хомяков и все «старшие» славянофилы ему «казались такими моральными людьми, а я морали тогда не любил» (6(1), 34). Но в более позднем периоде (в 1872 году), когда писатель уже переживает несколько идейных кризисов, мы сталкиваемся с другой, крайне важной в контексте мировоззрения Леонтьева оценкой: «Иоанн, Филарет, Хомяков – сознательные, философски развитые продукты Византийской, аскетической культуры...» (7(1), 171)⁷. В целом, Хомякова и Леонтьева сближает, как пишет О. Л. Фетисенко, «глубокое проникновение в область национальной религиозной психологии» [11: 69]. Интересно, что и Хомяков, и Леонтьев выразили свой взгляд на глубинные причины сложных вопросов русской культуры, анализируя мировой исторический процесс. Историческая концепция Хомякова изложена в «Записках

о мировой истории» (1838–1860) («Семирамида»), там же есть обширный раздел, посвященный Византии. По мысли Хомякова, внутреннюю культуру Византии наполняли собой две традиции, которые обуславливали ее неорганичность:

«История Византии представляет две стороны, совершенно противоположные стихии: одну Эллинско-христианскую, другую – Римско-государственную. С одной стороны – мысль, человечность, любовь, с другой – форма, себялюбие, нужда»⁸.

«Христианин, забывая человечество, просил только личного спасения, – говорит мыслитель, – государство, потеряв святость свою, переставало представлять собой нравственную мысль, церковь, лишившись всякого действия и сохраняя только мертвую чистоту догмата, утратила сознание своих живых сил...» [12: 50].

Несмотря на это, Хомяков называет Византийскую империю «одним из самых замечательных, самых великих явлений в области исторической»⁹. Интересно, что Леонтьев вполне разделяет мысли Хомякова, называя Византию продолжением Рима, империей «восточно-жреческой по социальной форме, христианской по идеям» (8(1), 323). Эту же мысль писатель интерпретирует иначе. Религиозное начало у Леонтьева соединено с государственной идеей – византийским кесаризмом, опирающимся на «древнее государственное право». По мнению мыслителя, это «дало возможность первому христианскому государству устоять так долго на почве расшатанной, полусгнившей, среди самых неблагоприятных обстоятельств» (7(1), 308). Следует также обратить особенное внимание на критически осмысленный тезис Хомякова о «личном спасении». У Леонтьева мы вновь столкнемся с противоположным толкованием. И речь здесь идет об известной шокирующей формулировке Леонтьева, о его знаменитом «трансцендентном эгоизме», что по сути означает заботу о спасении собственной души:

«В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено германским феодализмом...» (7(1), 300–301),

– писал Леонтьев в своем сочинении. В 1891 году в переписке с В. В. Розановым мыслитель подробно раскрывает понятие «личное христианство»:

«Христианство личное есть, прежде всего, трансцендентный (не земной, загробный) эгоизм. Альтруизм же сам собою “приложится”. “Страх Божий” (за себя, за свою вечность) есть начало премудрости религиозной» [8: 235].

Несмотря на различия, Леонтьев ценил наследие А. С. Хомякова, советовал его книги своим

ученикам (о. Иосифу Фуделю, А. Александрову). Знаменитое суждение Хомякова о Византии («говорить о Византии с пренебрежением – значит расписываться в собственном невежестве») прозвучало на страницах «Русской беседы» в 1859 году. Леонтьев читал и знал этот журнал, он внес его в список рекомендуемой литературы в «Записке о необходимости литературного влияния во Фракии» (1865). Вполне вероятно, что статья Дестиниуса и отзыв Хомякова могли попасть в поле зрения Леонтьева. Хомяков считал, что столкновение римской и христианской традиций привело к тому, что «зловоние общественной неправды, разврата и крови зарождало государство и сквернило всю землю византийскую»¹⁰. Автор «Византизма и славянства», как мы выяснили, по-другому оценивал такое взаимодействие двух традиций, по его мнению, именно это придавало своеобразие и культурную оригинальность Византийской империи. В общем и целом об этой особенности Византийской империи высказывались практически все ведущие специалисты-византологи. Так, З. В. Удальцова отмечала, что

«вся духовная жизнь [византийского] общества отличается драматической напряженностью; во всех сферах знания, в литературе, искусстве наблюдается удивительное смешение языческих и христианских идей, образов, представлений, колоритное соединение языческой мифологии с христианской мистикой» [10: 46].

Разные типы сотрудничества христианства и язычества породили в результате оригинальный византийский синтез культурных традиций. Смешение, которое в конце концов дает уникальное сочетание, есть, по Леонтьеву, «период цветущей сложности». Леонтьев, высказывая мысль о культурной самобытности Византии, сочетающей христианское и языческое начала, в чем-то предвосхищал выводы отечественной византистики.

Работа Хомякова «О старом и новом» (1839), его сочинение «Записки о всемирной истории» стали ответом на вызов П. Я. Чаадаева, его знаменитое первое «Философическое письмо» (1836). Согласно последнему, Византия – «жалкое, глубоко презираемое... <западноевропейскими> народами»¹¹ государство. Работы Чаадаева и Хомякова – своеобразная отправная точка: именно они вызвали в русском обществе дискуссию о роли Византии в формировании русской культурной целостности. Леонтьев, опираясь на опыт истории, продолжает традицию осмысления русской идентичности, определения ее места в мире через свою оригинальную концепцию византизма.

Согласно данным «Национального корпуса русского языка», самое раннее использование лексемы «византизм» связано с именем А. И. Герцена и его статьями «Дилетантизм в науке» (1843) и «Русские немцы и немецкие русские» (1859). Этот факт заслуживает особого внимания, поскольку параллели в творчестве Герцена и Леонтьева несомненно существуют. Автор исследования «Философия культуры А. И. Герцена и К. Н. Леонтьева (Сравнительный анализ)» Е. С. Гревцова отмечает, что два эти мыслителя «могут и должны считаться связанными узми весьма близкого идейного родства» [3: 5].

По воспоминаниям М. В. Леонтьевой, племянницы К. Н. Леонтьева, в 1869 году, когда ее дядю перевели в город Янина консулом, они читали «Герцена – наслаждались остроумием, блеском и теплотой в его “Былом и думам”» (6(2), 89). В «Англии», шестой части этого произведения, мы находим употребление термина «византизм»:

«Грубый католицизм и позолоченный византизм не так суживают ум, как тощий протестантизм...» [1: 224].

Интересно, что Герцен понимает Византию как символ нежизнеспособного государства или косного строя. Об этом он пишет, например, Н. П. Огареву:

«...цивилизация», переживающая себя, – это Византия в средних веках... Теперь возьми ты любую точку старой Европы и любую сторону новых учений, – ты увидишь их антагонизм и отсюда или необходимость Византии, или нашествия варваров – варварам нет нужды приходить из дремучих лесов и неизвестных стран – они готовы дома»¹².

Размышлял Герцен и о сильном влиянии Византии: в потоке заимствованной русской культурой «верхним слоем теснившего ее берега» «самым глубоким» было «влияние византийское». Конечно, подобное воздействие казалось писателю пагубным. Для Леонтьева форма и внутреннее содержание – неразрывно связанные понятия: то, что проявляется в реальности в определенных формах, всегда есть отражение внутренних процессов.

Византия с ее культурным своеобразием, ее формализмом и орнаментальностью как раз отражала внутреннее кредо Леонтьева о «внешних формах», которые являются «пластическими символами идеалов, внутри нас созревших или готовых созреть» [8: 431]. Эстетический компонент, важный и для Леонтьева, и для Герцена, выступает на первый план. Конечно, Герцен и Леонтьев по-разному видели будущее России, но отталкивались во многом от эстетических критериев.

Большинство западников, безусловно, относилось негативно к византийскому влиянию на Русь. В то же время достаточно часто византизм подвергался критике и, казалось бы, ближайшими идейными союзниками Леонтьева. Так, И. Аксаков критиковал взгляды Леонтьева на греко-болгарскую распрю и характеризовал византизм как явление, обособляющее Россию, но вместе с тем и тормозящее ее развитие:

«...у нас сама народность носит на себе напечатление Церкви. Мы приняли ее строй из Византии, даже блюдем ее со всем внешним характером византизма, – даже в ущерб нашему национальному развитию!»¹³.

В его толковании византизм предстает как некий отвлеченный принцип, наследованный Россией. Леонтьев, последовательно выступающий с позиции эстета, выдвигает византизм как форму отличия от европейской цивилизации.

Отдельно следует выделить такую фигуру, как Т. Грановский. Уже в своем первом университетском курсе (1839–1840) он уделил особое внимание истории Византии до IX века. Леонтьев, еще будучи студентом, почти полностью переписал в свою специальную тетрадь статью Грановского «Историческая литература Франции и Германии в 1847 году» (к этой статье Леонтьев будет постоянно возвращаться в своих сочинениях). В статье «Византизм и славянство» Леонтьев сетует на то, что объективных трудов, посвященных истории ромейского государства, нет. Автор желает, чтобы нашлись «люди с таким же художественным дарованием, как братья Тьерри, Маколей или Грановский, люди, которые посвятили бы свой талант Византизму...» (7(1), 312). В чем же уникальность взглядов Грановского на византийское наследие? Во-первых, он подчеркивает, что благодаря Византии в Европе совершилось возрождение науки и искусства: «Великие творения Греции, попав на свежую почву, вызвали всестороннее обновление умственной жизни»¹⁴, а Россия приняла от Византии «лучшую часть народного достояния нашего, т. е. религиозные верования и начатки образования»¹⁵. Напомним, что, согласно Леонтьеву, византизм – это «особого рода образованность или культура» (7(1), 300). Леонтьев сходится с Грановским и в вопросе о византийской национальности. По Грановскому, «сила, собравшая разнородные элементы, заключалась в религии, утвержденной Отцами церкви в образованности, наследованной от классического мира вместе с языком». Леонтьев, отвечая на критику Аксакова, в 1874 году писал:

«Можно было бы многое возразить на это; хотя бы что племенного-то начала в Византии не заметно; все

племена без различия сливались в одной идее, в Православии» (6(1), 98).

Для Леонтьева мнение и взгляды Грановского на протяжении всей жизни оставались авторитетными, в творчестве писателя не раз можно найти отсылки к мыслям ученого-историка¹⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, концепт «византизм» – сложное явление в русской истории и культуре. Его амбивалентность во многом обусловлена тем наполнением, которое приносило в этот концепт, важный для самоопределения государства, каждое новое поколение мыслителей. Конечно, называя имена Хомякова и Чаадаева, Герцена, Аксакова и Грановского, мы лишь обозначаем сюжет будущих

исследований. Для более полного понимания контекста концепта «византизм» необходимо обратиться к трудам И. В. Киреевского, К. С. Аксакова, Н. Я. Данилевского, В. С. Соловьева. Можно с уверенностью сказать, что эти люди сыграли достаточно важную роль в творческой биографии К. Н. Леонтьева. В целом необходимо заметить, что концепт «византизм» формируется не в связи с развитием исторической науки, но именно в процессе историософского осмысления феномена Византийской цивилизации. В таком случае заслуга К. Н. Леонтьева заключается в том, что он, отталкиваясь от существующей философско-культурной традиции, включился в процесс осмысления византийского наследия для России и представил его как неотъемлемую часть культурного своеобразия России.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00175.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2004. Т. 6. Кн. 2. С. 11. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома, книги, страницы в круглых скобках.

² См.: [6].

³ См.: Кузнецов В. Г. Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 80–81; Северикова Н. М. Леонтьев и Византизм // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 85–94; Шамшурин В. И. Византизм. Новая философская энциклопедия: В 4 т. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0186d76cc06fa939e54e2d8> (дата обращения 12.12.2019).

⁴ Скотникова Г. В. Византийская культурная традиция в русском самосознании: Дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2003. С. 212–222.

⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876. Т. 23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dostoevskij.karelia.ru/showarticle.phtml?id=52> (дата обращения 10.10.2019).

⁶ Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords.html (дата обращения 13.12.2019).

⁷ Хотя уже в цикле «Кто правее?» (1890 год) Леонтьев рассуждал о различиях между христианством Хомякова и Филарета.

⁸ Хомяков А. С. От редакции по поводу статьи Ю. Дестиниуса «Голос грека в защиту Византии» // Русская беседа. 1859. Кн. XIV. С. 164.

⁹ Там же. С. 158.

¹⁰ Там же. С. 163.

¹¹ Чаадаев П. Я. Философические письма. Казань: Тип. Д. М. Гран, 1906. С. 12.

¹² Герцен А. И. Письмо Огареву Н. П. 17 (5) октября 1848 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/letters/1847-1852/letter-56.htm> (дата обращения 01.01.2020).

¹³ Аксаков И. С. <Против национального самоотречения и пантеистических тенденций, высказывающихся в статьях В. С. Соловьева> // Русь. 1884. № 7. С. 10.

¹⁴ Цит. по: Скотникова Г. В. Византийская культурная традиция в русском самосознании. С. 205.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: 6(1), 15; 6(2), 285, 290; 7(1), 72, 312; 8(1), 376.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Т. 11. 815 с.
- Гоголев Р. А. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К. Н. Леонтьева: Опыт реконструкции. М.: АИРО-XXI, 2007. 158 с.
- Гревцова Е. С. Философия культуры А. И. Герцена и К. Н. Леонтьева: Сравнительный анализ. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2002. 120 с.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.
- Зусман В. Г. Концепт в системе научного знания // Вопросы литературы. 2003. № 2. С. 3–17.
- Кунильская Д. С. Концепт и идеологема «византизм» в публицистике К. Н. Леонтьева // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. Вып. 14: Анализ, интерпретация, понимание. С. 262–275.
- Леонтьев К. Н. Избранные письма. 1854–1891. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 640 с.

8. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М.: Республика, 1996. 798 с.
9. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 590 с.
10. Удальцова З. В. Византийская культура. М.: Наука, 1988. 289 с.
11. Фетисенко О. Л. Гептастилисты. Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX века – первой четверти XX века). СПб.: Пушкинский дом, 2012. 784 с.
12. Хомяков А. С. О старом и новом: Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. 465 с.

Поступила в редакцию 26.01.2020

Darya S. Kunilskaya, Master's Degree in Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
dkunilskaya@yandex.ru

KONSTANTIN LEONTIEV'S "BYZANTISM" IN THE CONTEXT OF RUSSIAN DISPUTES*

The article analyzes the connection of the disputes about Byzantium in Russian culture between the 1840s and the 1870s and the conceptual vision of Konstantin Leontiev, set forth in his programmatic work *Byzantism and Slavdom* (1875). The purpose of the work is to identify the problem of understanding the Byzantine heritage in Russian culture, as well as to study the degree of influence of individual authors on the formation of Konstantin Leontiev's views. The research direction determines the choice of the historical and literary method. Relevance of the work is confirmed by scholars' attention to Leontiev's works and his concept of "byzantism". The study focuses on the analysis of cultural context of byzantism. The article notes the actualization of the byzantism concept by Konstantin Leontiev in the 1870s. The similarities and differences between Aleksey Khomyakov's and Konstantin Leontiev's positions in the issue of Byzantine influence are considered, and the opinions of Granovsky, Herzen, and Aksakov are given. The conclusion is made that Leontiev's position is closer to that expressed by the camp of the Westernizers, and not to that of his allies – the Slavophiles. Leontiev, by proceeding from the current philosophical and cultural tradition, delves into the process of understanding the Byzantine heritage and forms a new original content for the "byzantism" concept.

Keywords: byzantism, Konstantin Leontiev, Byzantium, concept, journalism, Westernizers, disputes of the 1840s–1870s

* The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 18-312-00175.

Cite this article as: Kunilskaya D. S. Konstantin Leontiev's "byzantism" in the context of Russian disputes. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 58–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.465

REFERENCES

1. Herzen A. I. Complete works in 30 volumes. Moscow, 1957. Vol. 11. 815 p. (In Russ.)
2. Gogolev R. A. "Angel doctor" of Russian literature. The philosophy of history of K. N. Leontiev. Moscow, 2007. 158 p. (In Russ.)
3. Grevtsova E. S. The philosophy of culture of A. I. Gertsen and K. N. Leontiev. Moscow, 2002. 120 p. (In Russ.)
4. Danilevskiy N. Ya. Russia and Europe. Moscow, 1991. 576 p. (In Russ.)
5. Zusman V. G. Concept in the system of scientific knowledge. *Voprosy literatury*. 2003. No 2. P. 3–17. (In Russ.)
6. Kunilskaya D. S. The concept and ideologeme of "byzantism" in publicistic writings of K. N. Leontiev. *The Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, 2016. Issue 14: Analysis, interpretation, understanding. P. 262–275. (In Russ.)
7. Leontiev K. N. Selected letters. 1854–1891. St. Petersburg, 1993. 640 p. (In Russ.)
8. Leontiev K. N. The East, Russia and Slavdom. Moscow, 1996. 798 p. (In Russ.)
9. Stepanov Yu. S. Constants: Dictionary of Russian culture. Moscow, 2001. 590 p. (In Russ.)
10. Udaltsova Z. V. Byzantium culture. Moscow, 1988. 289 p. (In Russ.)
11. Fetisenko O. L. Heptastylists. Konstantin Leontiev, his intellectual friends and disciples: (Ideas of Russian conservatism in literary, artistic and publicistic practices of the second half of the XIX century and the first quarter of the XX century). St. Petersburg, 2012. 784 p. (In Russ.)
12. Khomyakov A. S. About the old and the new. Moscow, 1988. 465 p. (In Russ.)

Received: 26 January, 2020

ВИКТОР САМУИЛОВИЧ ХРАКОВСКИЙ

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

khakovv@gmail.com

О СООТНОШЕНИИ ПРИЧИННЫХ И КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ*

На материале различных языков исследуются причинная и каузативная конструкции. У этих конструкций различное синтаксическое строение. Причинная конструкция – это двухклаузальная конструкция, стандартно представляющая собой сложноподчиненное предложение, а каузативная конструкция – это одноклаузальная конструкция, стандартно представляющая собой простое предложение. Соответственно они описываются в разных разделах грамматики. Вместе с тем и та и другая конструкция выражают комплексную каузативную ситуацию, состоящую из ситуации причины и детерминируемой ею ситуации следствия, что служит актуальным основанием для проведения их функционально-семантического сопоставительного исследования. В сложноподчиненном предложении придаточное предложение выражает причину, а главное предложение – следствие, вызываемое этой причиной. Кроме того, в состав придаточного предложения входит показатель каузативного отношения, который оформляется различным образом. Чаще всего это союз, но может быть и морфема в составе глагола, и клитика, присоединяемая к глаголу. В каузативной конструкции в роли показателя каузативного отношения выступает либо морфема в составе производного каузативного глагола, либо служебный каузативный глагол, занимающий позицию сказуемого. Участников ситуации следствия в этой конструкции обозначают все актанта глагола, кроме первого, а позицию первого актанта занимает Агнс ситуации причины (либо сама ситуация причины, если у нее нет участников). Принципиальное различие обеих конструкций состоит в том, что в причинной конструкции в центре внимания находится ситуация причины, тогда как в каузативной конструкции в центре внимания находится ситуация следствия.

Ключевые слова: конструкция, причина, следствие, каузативное отношение, глагол, ситуация

Для цитирования: Храковский В. С. О соотношении причинных и каузативных конструкций // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 64–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.466

Целью предлагаемой вниманию читателей публикации является предварительный сопоставительный анализ причинных и каузативных конструкций. Причинные конструкции достаточно хорошо изучены как в описательном плане, так и с типологической точки зрения. Итоговую информацию о причинных конструкциях с подробной библиографией можно найти в работе [2]. Также подробно исследованы и каузативные конструкции. Пионерской работой, положившей начало типологическому изучению каузативных конструкций, очевидно, следует считать коллективную монографию [5]. К числу важных работ по этой проблематике можно отнести [6], [7], [9], [10]. Что касается сопоставительного анализа причинных и каузативных конструкций, то он, насколько мы можем судить, не проводился, очевидно, в силу их принципиально различного синтаксического устройства. Вместе с тем у отдельных авторов можно

встретить упоминания об их семантическом сходстве [8].

Как известно, клаузальными причинными конструкциями принято считать сложноподчиненные обстоятельственные предложения, в которых зависимая клауза обозначает причину следствия, выражаемого главной клаузой. Глагольное сказуемое в зависимой клаузе может быть выражено финитной формой глагола, как и в главной клаузе, но также может быть выражено и нефинитной формой глагола. Для характеристики причинных конструкций важно учитывать, что первые участники ситуаций, выражаемых в главной и зависимой клаузах, могут быть либо разными, либо первый участник обеих ситуаций один и тот же. В первом случае конструкцию принято называть разносубъектной или разнореферентной, во втором – односубъектной или однореферентной.

В состав причинной конструкции входит и показатель каузального отношения, связывающего обе клаузы, который обычно является компонентом зависимой клаузы и имеет различный формальный статус. Чаще всего это автономное слово или комплекс слов, который именуется союзом и обычно вводит зависимую клаузу.

(1) *Судоходство прекратилось, потому что река замерзла.*

(2) *Поскольку все собрались, собрание можно начинать.*

Далее этот показатель может присоединяться к сказуемому зависимой клаузы. Так обстоит дело, например, в баскском языке, где такой показатель (грамматикализованный союз со значением 'и') присоединяется к служебному глаголу.

(3) *Ez naiz zinemara joango ez daukat-eta gogorik*
Not AUX cinema.ALL go.FUT not have-CAUSA desire.
PRTT

I won't go to the movies, because I don't feel like it

Кроме того, показатель каузального отношения может быть компонентом глагольной словоформы в зависимой клаузе. С такой ситуацией мы, например, сталкиваемся в парагвайском гуарани:

(4) *Oré-ve nda'-ore-juká-i ro-kañy-gui-nte.*
1PL.EXCL-LOC NEG-1PL.EXCL-убивать-NEG 1PL.EXCL.A-прятаться-
ABL-RESTR

'Нас они не убили только потому, что мы спрятались.'

Показатель каузального отношения в глагольной словоформе в принципе может быть полифункциональным, то есть наряду с причинным значением иметь и какое-либо другое значение. Таково, например, односубъектное деепричастие с суффиксом *-pi / -pAri* в нанайском языке, которое наряду с причинным значением, см. (5), имеет и условное значение.

(5) *Əladələ sea-pi, tapa oŋgasa-xa-ni.*
досьгта есть-CVB.COND.SG старик заснуть-PST-3SG
'Старик заснул потому, что досьгта наелся.'

Не претендуя на полный учет всех возможных способов реализации каузального отношения, мы полагаем, что стандартно все они относятся к зависимой клаузе.

Синтаксическая структура причинной конструкции каких-либо разногласий у исследователей не вызывает. Чисто формально зависимая клауза является сирконстантом сказуемого главной клаузы, а фактически она является сирконстантом всей главной клаузы, то есть факультативным элементом конструкции, который свободно можно извлечь из конструкции, и при этом главная клауза сохраняет статус самостоятельной синтаксической единицы.

(6) *Петров опоздал на занятия, потому что трамваи не ходили* →

(6) а *Петров опоздал на занятия.*

В этой связи стоит отметить, что, если я не ошибаюсь, в литературе не ставился вопрос о деривационном статусе причинной конструкции, то есть о том, является она исходной или производной. Тем не менее естественно считать, что причинная конструкция синтаксически производна, а исходной является главная клауза, выражающая следствие, при этом, что важно подчеркнуть, формально производность маркируется не в главной, а в зависимой клаузе, которая выражает причину.

Понимание того, что причинная конструкция с синтаксической точки зрения производна и что исходной для нее является конструкция, представленная в главной клаузе, не отменяет следующего важного правила. О том, что зависимая клауза выражает причину следствия, обозначаемого в главной клаузе, можно говорить лишь при совместном употреблении обеих клауз в рамках причинной конструкции. Это правило действует и в рамках вопросно-ответной процедуры, когда вопросительное предложение мыслится как следствие некоторой причины, относительно которой задается вопрос. Ср.

(7) *Почему Петров опоздал на занятия?* – (*Петров опоздал на занятия*) *Потому что трамваи не ходили.*

Что касается порядка следования клауз в причинной конструкции, то каких-либо общеязыковых ограничений очевидным образом не существует. В принципе зависимая клауза может и предшествовать, и следовать, и даже включаться в главную клаузу, однако конкретные правила формулируются для отдельных языков и даже для отдельных конкретных показателей. Скажем, в русском языке только в постпозиции к главной клаузе без всяких исключений может употребляться зависимая клауза, вводимая союзом *потому что*. Зависимые клаузы, вводимые другими союзами, в принципе могут употребляться в любых позициях, хотя употребление в препозиции относительно главной клаузы, очевидно, является предпочтительным, см. [2], [4].

Следует заметить, что порядок следования клауз в причинной конструкции очевидным образом коррелирует с ее информационной структурой. Для языков со свободным порядком клауз в сирконстантных сложноподчиненных предложениях постпозиция зависимой клаузы в причинной конструкции является предпочтительной или даже единственно возможной, и в этом случае зависимая клауза выражает асерцию,

а главная клауза – пресуппозицию. Именно так обстоит дело в русских причинных конструкциях с уже упомянутым союзом *потому что*. В то же время зависимые клаузы с другими причинными союзами, такими, например, как *поскольку*, *так как*, *раз*, предпочтительно употребляются в препозиции относительно главной клаузы, хотя могут употребляться и в постпозиции. Для нас наиболее существенно то, что обе клаузы в причинной конструкции различаются по характеру выражаемой информации.

Переходя к характеристике причинных конструкций, отметим, что ситуация причины, выражаемая в зависимой клаузе, может быть охарактеризована по ряду различных бинарных признаков. Мы рассмотрим только те из них, которые существенны для сопоставительного анализа причинных и каузативных конструкций¹. Прежде всего это бинарный признак, принимающий значения: **непосредственная причина** и **опосредованная причина**. Каждое из этих значений реализуется в двух вариантах.

Первый вариант значения **непосредственная причина** представлен в примере (8): *Петров взял такси, потому что (он) опаздывал на работу*. В данном примере причинная конструкция является однореферентной (иначе односубъектной). Это значит, что главный участник ситуации причины, выступающий в роли Реципиента, и главный участник ситуации следствия, выступающий в роли Агенса, на денотативном уровне представляют собой одно и то же лицо. Наличие ситуации причины, нежелательной для ее Реципиента, приводит к тому, что он уже как Агенса создает ситуацию следствия, которая должна ликвидировать ситуацию причины. Иными словами, в этом варианте, в котором у обеих ситуаций один и тот же главный участник, ситуация причины непосредственно стимулирует создание ситуации следствия.

Второй вариант значения **непосредственная причина** представлен в примере (9) *Наш дом сгорел, потому что в него попала молния*. В данном случае причинная конструкция является разнореферентной. Но в обеих ситуациях один участник является общим. В ситуации следствия это единственный неагентивный участник, а в ситуации причины это второй участник, а первый участник в этой ситуации (фактически представляющий ситуацию), хотя не является агентивным, но является активным. При этом ситуация причины случайным образом непосредственно создает ситуацию следствия, после чего сама перестает существовать.

Первый вариант значения **опосредованная причина** представлен в примере (10) *Петров взял зонтик, потому что по прогнозу мог пойти дождь*.

В этом примере конструкция является разнореферентной. Ситуация причины (возможность того, что пойдет дождь) является неагентивной и служит стимулом (иначе мотивом) для осуществления агентивной ситуации следствия (Петров берет зонтик).

Второй вариант значения **опосредованная причина** представлен в примере (11) *Мост разрушился, потому что река вышла из берегов*. В данном примере причинная конструкция является разнореферентной. Ситуация причины является неагентивной, но активной и создает неагентивную ситуацию следствия, однако ситуация причины не возникла специально для того, чтобы осуществилась именно эта ситуация следствия. У данной ситуации причины может быть и много других, заранее не запрограммированных следствий.

Еще один бинарный признак принимает значения **реальная причина** и **фиктивная причина**. Первое значение этого признака представлено в примере (12) *Советский Союз объявил войну Финляндии, потому что она могла предоставить свою территорию для агрессии против него*. В данном случае причинная конструкция является разнореферентной. Агентивная ситуация следствия реализуется, потому что ситуация-причина характеризуется как реально существующая. Второе значение этого признака, которое, можно полагать, реализуется не во всех языках, представлено в примере (13) *Советский Союз объявил войну Финляндии под тем предлогом, что она могла предоставить свою территорию для агрессии против него*. В данном случае причинная конструкция является разнореферентной. Главный участник ситуации следствия реализует свою ситуацию, хотя называемая ситуация причины реально не существует, но, очевидно, существует какая-либо другая причина, послужившая основанием для ситуации следствия.

Рассмотрев в самых общих чертах существенные для наших целей параметры причинной конструкции, перейдем к рассмотрению аналогичных параметров каузативной конструкции, которая, в соответствии с развиваемым в этой работе подходом, как и причинная конструкция, выражает в языке комплексную каузативную ситуацию, состоящую из ситуации-причины, ситуации-следствия и каузального отношения, связывающего эти две ситуации. Сразу же отметим, что каузативная конструкция так же, как и причинная, является синтаксически производной конструкцией, которая восходит к исходной, фактически выражающей ситуацию следствия каузативной

конструкции. Иными словами, по параметру синтаксической производности каузативная и причинная конструкции не отличаются друг от друга.

Вместе с тем каузативная конструкция принципиально отличается от причинной в том отношении, что состоит не из двух клауз, а является одноклаузальной, то есть представляет собой не сложноподчиненное, а простое предложение. Соответственно исходная конструкция, выражающая ситуацию следствия и являющаяся самостоятельной синтаксической единицей, меняет свой статус в производной одноклаузальной каузативной конструкции, где ее представляют все непервые актанты глагола. В то же время ситуацию причины в каузативной конструкции в обязательном порядке представляет только первый актант (иногда представляющий саму ситуацию). При этом, на что следует обратить внимание, каузативная конструкция преимущественно бывает разносубъектной, а не односубъектной, тогда как для причинной конструкции такое утверждение было бы неверным.

Единственное глагольное сказуемое в каузативной конструкции оформляется двояким образом. Во-первых, оно может представлять собой морфологически производный глагол с тем или иным каузативным показателем, представляющим собой морфему, которая обычно, хотя и не всегда примыкает к корневой морфеме. Этот глагол восходит к морфологически непрямому глаголу, который употребляется в исходной некаузативной конструкции. Приводимые ниже примеры проиллюстрируют высказанные теоретические положения. Сначала рассмотрим пример (14) из литературного арабского языка.

Пример (14а) представляет собой исходную некаузативную конструкцию с морфологически непрямым переходным неагентивным глаголом внутреннего состояния, а пример (14б) – соотносительную каузативную конструкцию с морфологически производным переходным каузативным глаголом.

(14) а *sami'-naa* 'ugniyyu-at-a-n dğadiid-at-a-n.
слышать-1PL песня-S.F.-ACC-INDEF новый-S.F.-ACC-INDEF

‘Мы услышали новую песню’

(14) б *'u-sma'-a=naa* l-mugannii

слушать.CAUS. PST.PFV-3S.M=1PL DEF-певец.S.M.NOM

'ugniyyata-n

песня.S.F. ACC –INDEF

dğadiid-at-a-n.

новый-S.F.-ACC-INDEF

‘Певец дал нам услышать (= спел) новую песню’.

В исходной конструкции выражается реципиентная ситуация. Первые участники этой

ситуации воспринимают активно воздействующую на них звучащую песню. Фактически эта ситуация является ситуацией следствия производной конструкции (а тем самым и ситуацией следствия исходной денотативной ситуации), в которой ее участники не сами принимают решение о ее создании, а оказываются в ней под воздействием каузирующей ситуации. Иными словами, в данном случае ситуация причины сама создает ситуацию следствия. Фактически обе ситуации непосредственно контактируют и составляют единый неразрывный комплекс. В состав производной каузативной конструкции входит производный переходный глагол, который от глагола в исходной конструкции отличается тем, что в его состав входит каузативный префикс *'a-*, обозначающий каузальное отношение, и тем, что этот глагол не двухактантный, а трехактантный. Первый актант этой конструкции – Агенса каузирующей ситуации, сама же она в конструкции отсутствует, но подразумевается (ситуация пения). Второй актант производной конструкции – это по существу второй актант исходной конструкции, в роли которого выступает участник, активно воздействующий на Реципиента. Позицию третьего актанта занимает Реципиент исходной конструкции, который дополнительно приобретает роль Пациенса каузирующей ситуации.

Далее рассмотрим пример (15) из финского языка.

(15) а *Koko seurue nauro-i*
целый компания смеяться-PST

‘Вся компания смеялась’.

б *Hän naura-tt-i koko seurue-tta*

PRON3 смеяться-CAUS-PST целый компания-PRTV

‘Он/Она смешил/а всю компанию’.

В примере (15а) представлена конструкция, которая является исходной для производной каузативной конструкции, представленной в (15б), и выражает ситуацию следствия этой производной конструкции, а тем самым и ситуацию следствия исходной денотативной ситуации. В состав исходной конструкции входит непереходный морфологически непрямой глагол и его единственный актант, в роли которого выступает Реципиент ситуации. В состав производной каузативной конструкции входит морфологически производный переходный глагол, который отличается от глагола в исходной конструкции тем, что в его состав дополнительно входит каузативный суффикс *-tt-*. Тем самым этот глагол обозначает каузирующее отношение и каузируемую ситуацию следствия. Если

исходный глагол является одноактантным, то производный каузативный глагол является уже двухактантным. В роли первого актанта выступает Агенса каузирующей ситуации, которая (обратим внимание!) сама в конструкции не представлена, а в роли второго актанта выступает Реципиент ситуации следствия, который одновременно является Пациентом каузирующей ситуации. Таким образом, каузирующая и каузируемая ситуации фактически представляют собой единое неразрывное целое.

В исходную конструкцию, кроме непереходного глагола и переходного неагентивного глагола внутреннего состояния, может входить и любой другой агентивный переходный глагол. Подобная конструкция в принципе тоже может иметь соотносительную производную каузативную конструкцию. Данное явление наблюдается в финском языке.

(16) a Muurari-t raken-si-vat talo-n
каменщик-PL строить-PST-3PL дом-GEN

‘Каменщики построили дом’.

(16) б Minä rakenn-ut-i-n talo-n
я строить-CAUS-PST-1SG дом-GEN

muugar-ei-lä

каменщик-PL-ADE

‘Я заказал каменщикам строительство дома (и так построил себе дом)’.

В примере (16а) представлена исходная конструкция с переходным морфологически непродвинутым двухактантным глаголом. В роли первого актанта выступает Агенса ситуации, в роли второго – ее Пациент. В примере (16б) представлена производная каузативная конструкция с переходным морфологически производным глаголом, в состав которого дополнительно входит каузативный суффикс². Этот глагол в отличие от исходного является трехактантным. В роли первого актанта выступает Агенса каузирующей ситуации, в роли второго актанта, как и в исходной конструкции, – Пациент ситуации следствия, а в роли третьего необязательного актанта выступает Пациент неназванной каузирующей ситуации, который по совместительству является Агенса каузируемой ситуации следствия. В данном случае каузирующая и каузируемая ситуации существуют отдельно друг от друга, и исполнение каузируемой ситуации очевидным образом будет происходить спустя какой-то временной интервал после осуществления каузирующей ситуации.

Важно обратить внимание на то, что необязательный актанта может отсутствовать в предложении, и тогда предложение (16б) будет иметь примерно то же значение, что и русское

предложение *Я построил себе дом* в том случае, когда дом строился не своими руками.

Глагольное сказуемое в производной каузативной конструкции может быть также представлено каузативным глаголом, выражающим каузальное отношение и характеризующимся как служебный. Рассмотрим соответствующий арабский пример.

(17) a *rakad-a*

бежать.прыгая- PST.PFV-3S.M

‘Он бежал вприпрыжку’.

(17) б *laakinna l-matar-a dġa'al-a=hu*

Однако DEF-дождь-ACC сделать- PST.PFV-3S.

M= PRON.ACC-3SG.M

'-arkud-u

бежать.прыгая PRS.IPFV-3S.M

‘Однако дождь заставил его бежать вприпрыжку’.

В исходной одноактантной конструкции с непереходным глаголом выражается агентивная ситуация, которая по существу представляет собой ситуацию следствия производной каузативной конструкции. Производная конструкция формально отличается от исходной тем, что в ней позицию сказуемого занимает служебный каузативный глагол, который выражает обобщающее каузальное значение ‘сделать так что’, примерно равное значению ‘заставить’. Кроме того, финитный глагол из исходной конструкции в каузативной конструкции, всегда выступая в форме презенса, занимает позицию приглагольного актанта. Агенса исходной ситуации сохраняет эту роль в производной конструкции, приобретая при этом роль Пациента каузирующей ситуации. Позицию первого актанта в производной конструкции занимает участник, выступающий в роли причины. Иными словами, под воздействием дождя человек сам принимает решение о необходимости бежать вприпрыжку. В результате каузируемая ситуация начинает существовать спустя какой-либо интервал после начала каузирующей ситуации и во время ее осуществления. Заметим между прочим, что в арабском языке служебный каузативный глагол может употребляться только в том случае, если позицию первого актанта занимает участник, обозначающий причину.

Высказанные соображения о содержательных и формальных особенностях причинных и каузативных конструкций можно суммировать следующим образом. И причинная, и каузативная ситуации отображают денотативную каузативную ситуацию, состоящую из ситуации-причины, ситуации-следствия и каузального отношения, связывающего эти две ситуации, но делают это принципиально различным образом. Причинная конструкция – это всегда

двухклаузальная конструкция, представляющая собой обычно сложноподчиненное предложение, в котором ситуация-причина вместе с показателем каузального отношения является сирконстантом, а ситуация-следствие – это основное предложение без сирконстанта. В центре внимания причинной конструкции находится именно причина.

В свою очередь каузативная конструкция – это одноклаузальная конструкция, представляющая собой простое предложение. В этом предложении первый участник ситуации причины (или сама причина) выражен первым актантом глагольного сказуемого, участники ситуации-следствия выражены остальными актантами, а непервые участники ситуации причины (факультативно) выражаются сирконстантами или определениями. В причинной конструкции ситуация-причина и ситуация-следствие всегда представляют собой самостоятельные сущности, которые не сливаются в единое целое. В каузативной конструкции, напротив, возможны варианты, когда и ситуация-причина, и ситуация-следствие фактически сливаются друг с другом в единое целое, образуя неразрывный комплекс.

При этом в центре внимания каузативной конструкции находится не причина, а следствие, ср. [1].

Вместе с тем у столь различно устроенных конструкций есть одно общее свойство: и те и другие конструкции являются производными и представляют собой дериваты исходных конструкций, которые обозначают ситуации следствия производных конструкций. Если в причинных конструкциях, что вполне естественно, реализуются все теоретически допустимые варианты причинного значения, то в каузативных реализуется только непосредственная причина. Агнс каузирующей причины либо сам создает ситуацию следствия, либо делает так, что Агнс ситуации следствия создает эту ситуацию.

Что касается относительной синонимии причинных и каузативных конструкций, то она возможна в том случае, когда позицию первого актанта в каузативной конструкции со служебным глаголом занимает участник, обозначающий причину. Ср.: (18) *Петя замолчал, потому что ему стало стыдно* = *Стыд заставил Петю замолчать*.

* Исследование поддержано грантом РФ («Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология», грант № 18-18-00472).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все признаки перечисляются в работе [2].

² В некоторых языках при наличии каузативной конструкции от исходных конструкций с непереходным и неагентивным переходным глаголом отсутствуют каузативные конструкции с морфологически производным глаголом от исходных конструкций с агентивным переходным глаголом. Примером может служить литературный арабский язык, где агентивные переходные глаголы не имеют соотносительных каузативных глаголов. Данное обстоятельство позволяет сформулировать следующую универсалию. Если в языке есть каузативные конструкции, образованные от исходных конструкций с переходным агентивным глаголом, то в нем есть и каузативные конструкции, образованные от исходных конструкций с непереходным и переходным неагентивным глаголом. Обратное неверно. Ср.: [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аркадьев П. М., Летучий А. Б. Типологически нетривиальные свойства морфологического каузатива в адыгейском языке // Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 10–15.
2. Заика Н. М. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 7–32. DOI: 10.31857/S0373658X0005702-1
3. Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Холодович А. А. (ред.) Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. С. 20–50.
4. Пекелис О. Е. Причинные придаточные // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Синтаксические конструкции и грамматические категории. Вып. II. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 55–131.
5. Холодович А. А. (ред.) Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. 311 с.
6. Comrie B., Polinsky M. (Eds.) Causatives and transitivity. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
7. Dixon R. M. A typology of causatives: form, syntax and meaning. (R. M. Dixon, A. Y. Aikhenvald, Eds.) // Changing valency: Case studies in transitivity. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 30–83.
8. Kachru Y. On the semantics of the causative construction in Hindi-Urdu // The grammar of causative constructions [syntax and semantics 6]. (M. Shibatani, Ed.) N. Y.; San Francisco; London: Academic Press, 1976. P. 353–369.

9. Shibatani M. (Ed.) *The grammar of causative constructions [syntax and semantics 6]*. N. Y.; San Francisco; London: Academic Press, 1976.
10. Shibatani M. (Ed.) *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002.

Поступила в редакцию 04.02.2020

Victor S. Khrakovsky, Doctor of Philology, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
khrakovv@gmail.com

CAUSAL VS CAUSATIVE CONSTRUCTIONS*

The paper is a study into causal and causative constructions on cross-linguistic evidence. These constructions differ in their syntactic structure, where a causal construction is a two-clause construction typically built as a complex sentence, while a causative construction is a single-clause structure typically built as a simple sentence. Correspondingly, they are described in different grammar sections. At the same time, since both construction types characterize complex causative situations consisting of a situation of Cause and a situation of Cause-Determined Consequence, this provides a ground for their contrastive study. In complex sentences, a subordinate clause describes the cause, and a main clause – its consequence. Additionally, subordinate clauses include variously built causative relation markers. These are mostly conjunctions, though a verb morpheme or a verb clitic can fulfill this role as well. In causative constructions, causative relations can be marked by a morpheme inside a derivative causative verb form, or by a functional causative verb used in the predicate position. All verb arguments (except the first argument) in such constructions pose as situation participants, with the first argument position filled by the cause-situation agent (or the cause situation itself, where it has no participants). The fundamental difference between the two constructions is that the focus of a causal situation is the situation of Cause, while the focus of a causative situation is the situation of Consequence.

Keywords: construction, cause, consequence, causative relation, verb, situation

* The research is supported by the Russian Science Foundation grant No 18-18-00472 (“Causal constructions in world languages: semantics and typology”).

Cite this article as: Khrakovsky V. S. Causal vs causative constructions. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 64–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.466

REFERENCES

1. Arkad'ev P. M., Letuchiy A. B. Typologically non-trivial properties of the morphological causative in Adyghe. *4th Conference on Typology and Grammar for Young Researchers*. St. Petersburg, 2007. P. 10–15. (In Russ.)
2. Zaika N. M. Polypredicative causal constructions in world languages: a space for typological options. *Topics in the Study of Language*. 2019. No 4. P. 7–32. (In Russ.)
3. Nedyalkov V. P., Sil'nitskiy G. G. A typology of morphological and lexical causatives. *A typology of causative constructions. Morphological causative*. (A. A. Kholodovich, Ed.). Leningrad, 1969. P. 20–50. (In Russ.)
4. Pekelis O. E. Causal subordinate clauses. *Materials for the grammar corpus of the Russian language. Syntactic constructions and grammatical categories*. Issue II. St. Petersburg, 2017. P. 55–131. (In Russ.)
5. Kholodovich A. A. (Ed.) *A typology of causative constructions. Morphological causative*. Leningrad, 1969. 311 p. (In Russ.)
6. Comrie B., Polinsky M. (Eds.) *Causatives and transitivity*. Amsterdam, 1993.
7. Dixon R. M. A typology of causatives: form, syntax and meaning. (R. M. Dixon, A. Y. Aikhenvald, Eds.). *Changing valency: Case studies in transitivity*. Cambridge, 2000. P. 30–83.
8. Kachru Y. On the semantics of the causative construction in Hindi-Urdu. *The grammar of causative constructions [syntax and semantics 6]*. (M. Shibatani M., Ed.). N. Y.; San Francisco; London, 1976. P. 353–369.
9. Shibatani M. (Ed.) *The grammar of causative constructions [syntax and semantics 6]*. N. Y.; San Francisco; London, 1976.
10. Shibatani M. (Ed.) *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Amsterdam, 2002.

Received: 4 February, 2020

ЛЕННАРТ ЛЁННГРЕН

профессор эмеритус
Университет Тромсё (Тромсё, Норвегия)
lennart.lonngren@gmail.com

РУССКИЙ ПРЕДЛОГ *о* С ВИНИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ: ВАЛЕНТНОСТНЫЙ АНАЛИЗ

Главной целью настоящего исследования, которое проводится на материале из относительно небольшого корпуса, является применение специального и малоизвестного метода валентностного анализа. Основная единица в нем – языковой знак, и семантические связи между знаками показаны посредством графов, узлы которых заняты предикатами и актантами. Исследуемые в настоящей статье структуры всегда содержат глагол (или номинализацию глагола). Материал делится на четыре части на основе позиции предложной фразы в графе и характера первого актанта глагола. Некоторые дополнительные замечания касаются факультативных распространений (дополнений или сирконстантов). В заключении статьи критически обсуждаются два традиционных понятия: определение морфемы и разделение частей речи на знаменательные и служебные.

Ключевые слова: предлог *о*, валентность, семантический граф, актантная рамка глагола, флексийный сирконстант

Для цитирования: Лённгрен Л. Русский предлог *о* с винительным падежом: валентностный анализ // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.467

ВВЕДЕНИЕ

Исследование проводится на материале из Упсальского корпуса русских текстов, составленного под руководством автора настоящей статьи. Подробное описание корпуса можно найти в построенном на нем частотном словаре [1]. Использование этого ограниченного по объему корпуса (один миллион словоупотреблений) оправдывается его обзорностью и тем, что в настоящей статье делается упор не на полное описание, включая надежные статистические данные, а на семантический (точнее, валентностный) анализ структур, в которых встречается данная языковая единица.

Предлог *о* / *об* / *обо* с винительным падежом представлен в корпусе 117 примерами. Преобладает художественная проза: в ней содержится 103 примера (корпус равномерно разделен между деловой и художественной прозой). Алломорф *об* представлен 10 примерами. Он встречается даже чаще перед согласными, чем перед гласными: *об землю, об пол, об лед, об руку, об елку, об нее, об меня*. Но перед согласными все-таки более нормально употребление алломорфа *о*. Например, в материале *об землю* встречается один раз, *о землю* – шесть. Алломорф *обо* встретился только в одном примере: *Она больно ударилась обо что-то головой*. Как все предлоги, *о* вместе с управляемым существительным или местоимением образует предложную фразу.

Дадим сначала общую характеристику исследуемых здесь конструкций, а затем приступим к валентностному анализу.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В предложной фразе существительное или местоимение в винительном падеже, как правило, обозначает конечную точку перемещения или соприкосновения плюс обязательный физический контакт между этой точкой и передвигаемым объектом. Этот контакт довольно часто бывает внезапным и сильным. Вот типичный пример: *Он споткнулся о корень*. Возможно, конечно, и метафорическое употребление, где физические участники заменены отвлеченными: *О железные аргументы разбивается любая человеческая логика*. Но проводимый в этой работе валентностный анализ опирается по возможности только на первоначальное буквальное толкование всех конструкций, а семантические сдвиги и переносы не обсуждаются. Например, фразеологизм *пальцем о палец не ударить* трактуется так же, как *ударить сапогом о сапог*. Данная предложная фраза выступает как распространение при относительно ограниченном числе глаголов, среди которых преобладают непереходные, означающие события. Во многих случаях в роли движимого объекта выступает человек. Нередко событие отрицательно для этого участника,

даже причиняет вред, например: *Он шел, обжигаясь о крапиву*. Неодушевленный передвигаемый участник иногда деформируется, например: *Капли дождя разбивались о землю*. Зато предмет, обозначаемый существительным предложной фразы, остается без изменения, движение останавливается на его поверхности. Ср. предложения: *Приклад ударил его в плечо* и *Градины ударились о его плечи*. Иногда движение сопровождается каким-нибудь звуком, например: *Струйки зазвенели о ведро*.

Среди глаголов, обозначающих действие, представлены как непереходные, например: *Она оперлась о подоконник*, так и переходные, например: *Она грела руки о стакан*. Существуют и несознательные, непреднамеренные действия: *Бьют о берег морские волны*. Такое действие находим в следующем примере страдательного залога: *Пассажиры могли оказаться расплюснутыми о кабину водителя*. В виде парафразы здесь возможен безличный оборот действительного залога: *Пассажиров могло расплющить о кабину*. Кроме предложной фразы, глаголы могут иметь дополнительные распространения. Переходные глаголы обычно сопровождаются прямым дополнением в винительном падеже; ср. приведенный выше пример с глаголом *греть*. Довольно часто присутствует также распространение в творительном падеже, например: *Он оперся локтями о край стола*. Возможно эллиптическое употребление, с опущенным глаголом, например шутивное *фейсом об тейбл* (пример не из корпуса). Возможна также номинализация, но в корпусе встречаются только два примера, где распространения возвратных глаголов *удариться* и *тереться* превращены в определения: *удар о скалу*, *трение частиц друг о друга*. Третий, более сложный, пример содержит слово *жизнь*; эта структура будет разобрана ниже. Наконец, из материала останется без внимания изолированный пример *Об эту пору интеллигенция ложится*, где имеем дело с устаревшим выражением обстоятельства времени.

ВАЛЕНТНОСТНЫЙ АНАЛИЗ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Теперь приступаем к валентностному анализу, в котором средством представления служит семантический граф. Речь идет о малоизвестном методе описания, подробно изложенном нами в статье «Размышления о валентности» [3]. В этом подходе проводится последовательное разграничение предикатных и предметных языковых знаков. Только первые обладают валентностью. Важными понятиями являются также

узловой / неузловой статус знака, инкорпорация означающего одного знака в означающее другого и изоморфизм графов, представляющих синонимы и парафразы. Здесь подчеркнем один принцип, упоминаемый в указанной работе только вскользь: избегаем введения имплицитных узлов. Это значит, что в первую очередь нужные означаемые распределяются по сегментным означющим. Несегментный или полностью имплицитный носитель вводится в структуру только в том случае, если другого означающего нет. Один эффект данного принципа заключается в том, что неузловой знак в известном контексте становится узловым. Приведем для сравнения пару, где узловой становится флексия:

<чита>тель книги автор книги[GEN]

Во втором примере флексия [GEN] имеет значение «написать». Ср. также следующую отличающуюся графическим изоморфизмом тройку:

Ваза сделана (из) стекла. ваза из стекла

<стекл>янная ваза

Значение «сделать, изготовить» представлено сначала максимально эксплицитно, глаголом. Во втором примере данное значение выражено менее эксплицитно: приобретим узловой статус предлогом *из*. В третьем примере носителем того же значения стал еще более неопределенный языковой знак: относительное прилагательное. Узловой статус предикатов *из* и *стеклянный* не изменится, если они в результате дальнейшей деривации попадают в синтаксическую позицию распространения; ср.: *Ваза – из стекла*, *Ваза – стеклянная*. В словоформе *стеклянная* представлены четыре знака, два узловых: морфема *стекл-* и слово *стеклянная*, и два неузловых: морфемы *-янн-* и *-ая*.

В предложении *Он поедет в Москву в субботу* только первая предложная фраза входит в актантную рамку глагола, вторая – нет. Традиционно здесь различают сильное и слабое управление со стороны глагола (или другого сказуемого). Распространения типа *в Москве* иногда называют сирконстантами. Этот термин будем использовать и мы. В семантическом графе существенная разница между актантом и сирконстантом глагола отражается в том, что в первой фразе предлог имеет неузловой статус, а во второй – узловой:

Он поедет (в) Москву в субботу.

Оба предиката в приведенном предложении имеют два актанта. В роли первого актанта предиката *поедет* выступает движимый объект, *он*, в роли второго актанта – конечная точка движения, *Москва*. Первый актант предиката *в* – действие *поедет*, второй – точка во времени, *суббота*. Неузловой статус предлога во фразе *в Москву* не значит, что предлог здесь лишен значения, асемантический. Он определяет семантическую роль данного актанта; ср. *Он уедет из Москвы*, где *из* тоже неузловой, но определяет другую роль актанта. Можно сказать, что эти неузловые знаки соответствуют стрелкам, идущим от предиката к актантам. Но среди неузловых есть и нефункциональные, избыточные знаки, например окончание винительного падежа в словоформах *Москву* и *субботу*.

Предлог *о* с винительным падежом реализует только одно, причем вполне определенное, значение. Поэтому исключена структура, где благодаря разной семантике совместимы две формально идентичные фразы (как в случае *в Москву в субботу*). Тем не менее фраза с этим предлогом может находиться внутри или вне актантной рамки глагола, то есть по отношению к глаголу быть или актантом, или сирконстантом. Входить в актантную рамку глагола данная фраза может только при условии, что глагол обозначает перемещение или соприкосновение. В таком случае предлог имеет неузловой статус, как видно из следующего графа:

Она оперлась (о) подоконник.

В этом примере контакт осуществляет между конституэнтами *она* и *подоконник*. Если же глагол не обозначает перемещения или соприкосновения, он не выполняет условия включения фразы с данным предлогом в свою актантную рамку. Как правило, в такой позиции предлог является узловым. Вот пример:

Струйки зазвенели о ведро.

Чтобы присоединить сирконстант *о ведро* и создать связный граф, нужен дополнительный предикат, которым здесь служит предлог. Роль первого актанта предлога выполняет существительное *струйки*.

Приведенные выше примеры различаются еще в одном немаловажном отношении, а именно в том, обозначает первый актант человека или нет. Данный актант может быть оформлен как подлежащее или иметь другой облик. Иногда он вообще не выражен отдельным словом и даже невосстановим в форме слова. В матери-

але находим, например, следующую неопределенно-личную конструкцию: *...словно его самого били телом о землю*. Носителем значения агенса здесь служит узловая флексия глагола: [3.PL]. Подобный случай находим в упомянутом выше безличном обороте *Пассажиров могло расплющить о кабину*, где соответствующим носителем является узловая морфема [3.SG]. А встречающаяся в корпусе страдательная конструкция *...могли оказаться расплющенными...* вообще лишена эксплицитного носителя агенса.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ МАТЕРИАЛА

Ниже покажем весь найденный в корпусе материал. Примеры разделим на четыре группы, от А до Г, по двум описанным выше критериям. Первичным критерием служит позиция предложной фразы внутри (А, Б) vs вне (В, Г) актантной рамки глагола. Вторичный критерий заключается в том, обозначает первый актант человека (А, В) или нет (Б, Г). После каждого глагола в скобках курсивом дается короткая информация о контексте. Так же, как в корпусе, члены видовых пар приводятся отдельно. Внутри каждой из четырех групп выделяем случаи с добавленными конституэнтами. Речь идет о четырех актантах и трех сирконстантах. Первые обозначаются NOM, ACC, INS и PRP (PRepositional Phrase, предложная фраза с неузловым предлогом), вторые – [NOM], [DAT] и [INS]. Выявленные комбинации упорядочены по нарастающей сложности, от одночленных до трехчленных. После презентации следует раздел с замечаниями о добавленных конституэнтах.

А: опереться (*о подоконник*), опираться (*о шапки*), облокотиться (*о стол; о косяк двери*), грянуть (*о землю*), удар (*о скалу; о солнце*), стукаться (*о правый борт*), тереться (*о его шею*), споткнуться (*о корень; о плужок; об упавшего человека*), спотыкаться (*о ту же корзину; то о рельс, то о бетонную чушку; о «порожки» партнеров; об эту преграду; о погребенную свою любовь*), запнуться (*о пустоту*). **А + ACC:** ударить (*палец о палец*), тереть (*ладошки о платье*). **А + INS:** ударить (*пальцем о палец; сапогом о сапог; шапкой об землю*), стучать (*костылем о землю*), задевать (*коленом о колено*), шлепать (*ладонями о раскрытые ладошки сыновей*). **А + [INS]:** опереться (*спиной о ствол / о стойку / о полы гранитной шинели; локтями о край стола / о бруствер; обоими локтями о стол; руками о толпу; затылком о земляную стену*), опираться (*одной рукой о бревно*), удариться (*головой обо что-то / о борт машины; грудью о солнце*), тереться (*носом о драповую спину; щекой о Гришкину ладонь; и брюхом и спиной об илистый песок*), шмякнуться (*всей тушей о землю*). **А + ACC + [INS]:** бить (*его телом о землю*).

Б: бить (*волны о берег*), биться (*муха / имель о стекло; что-то о землю; как рыба об лед*), потереться (*тигр о ножку шезлонга*), удариться (*дохлые поросята об пол; тело о другое тело; осколок о передний щиток*), ударяться (*вода о загнутый берег; градины о башлык, о плечи*), стучать (*нож о стенки корзины*), стукнуться (*яблоко о траву; мяч о газон*), тукнуть (*камень о дно*), задевать (*кусочки грибов на нитке о пол; опускающийся воздух о гладь воды*). **Б + [NOM]:** стучать (*яблоки / голые ветки друг о друга*), трение (*частиц друг о друга*). **Б + [INS]:** тереться (*медведи спиной о земную ось*). **Б + ACC + [NOM]:** тереть (*птенцы крылышки одно о другое*).

В: обжигаться (*о крапиву*), уколоться (*об острые локти*), исколоться (*об елки*), изрезаться (*о траву*), царапаться (*о сучки*). **В + ACC:** греть (*руки о стакан*), мыть (*руки о высокую траву*), вытереть (*ноги о коврик / об меня; ладонь о штаны; ладони о брюки; яблоко о траву / о широкие галифе*), вытирать (*ноги о швабру; свои кисти и мастихин о штаны; щеку о плечо*), вымочить (*колени и ладони о росу*), разбить (*костяшки пальцев о стенку*), расшибить (*лоб о стену*), поцарапать (*лоб и щеку о борт грузовика*). **В + [NOM]:** жить / жизнь / прожить / идти / трудиться (*бок о бок*), спуститься (*рука об руку*). **В + [INS]:** звякать (*металлической пряжкой о ящик*), ожечься (*щекой о ее щеку*). **В + ACC + PRP:** счистить (*грязь с подошв о скребок*). **В + ACC + [DAT]:** разбить (*себе голову о стену*), разmozжить (*крякве голову о борт челнока*).

Г: жужжать (*какие-то струйки о железно*), зазвенеть (*струйки о ведро*), шелкнуть (*камень о камни берега*), чиркать (*как спички о коробку*), чиркнуть (*лодочка о дно*), почесаться / почесываться (*буйвол об орех*), разбиваться (*капли дождя о землю; волны о скалы; ветер об избы; все разговоры о простой факт; любая логика о железные аргументы*), ожечься (*осинник как бы о раскаленную полосу рябинника*). **Г + NOM:** расплющить (*люди о кабину*). **Г + ACC:** чесать / почесывать (*буйвол бока о грецкий орех / о кору ореха*), прочесывать (*буйвол шкуру об орех*), ломать (*ЭВМ зубы о задачи*).

ЗАМЕЧАНИЯ О ДОБАВЛЕННЫХ КОНСТИТУЭНТАХ

Второй актант глагола, оформленный как подлежащее в именительном падеже, то есть NOM, встречается в единственном имеющемся в материале страдательном обороте с глаголом *расплющить* (пример приведен выше). Соответствующий безличный оборот действительного залога попал бы в комбинацию Г + ACC.

Дополнение ACC наиболее богато представлено в группе В. Вот граф типичного примера:

Она грела руки о стакан.

В роли первого актанта предлога не обязательно выступает прямое дополнение, как показывает пример *Старик счистил о скребок грязь с подошв (своих неуместно желтых туфель)*. Вот семантический граф:

Старик счистил о скребок грязь (с) подошв.

Трехместный предикат *счистить* выражает перемещение (удаление), которое, однако, не затрагивает фразу *о скребок*. Впрочем, это единственный пример в материале, где представлен добавленный актант PRP.

Дополнение INS встречается только в группе А, а именно при глаголах *ударить, стучать, шлепать* и *задевать*. Глагол *ударить* допускает винительный падеж, но творительный преобладает (в пропорции 1:3). Глаголы *стучать* и *задевать* могут быть и непереходными: *Нож стучал о стенки корзины. Задевает воздух о гладь воды*.

Сирконстант [NOM] представлен, как показано выше, в группе В выражениями *друг о друга* и *одно о другое*. Присутствие морфемы [NOM] в словоформах *друг* и *одно* устанавливается по аналогии с выражениями типа *рука об руку*. Покажем граф одного из примеров:

Стучали друг[NOM] (о) друга ветки.

Предикат [NOM] прикреплен к предложной фразе. Другими словами, необходимая связь с глаголом осуществляется не прямо, а опосредованно. В группе В предикат [NOM] имеет другую валентность:

жить бок[NOM] (о) бок

Словосочетание *бок о бок* никак не входит в актантную рамку глагола, хотя не исключены глаголы движения: *Идем несколько секунд бок о бок*. Тем не менее предлог здесь трактуется как узловой, так как данная предложная фраза входит в актантную рамку флексивного предиката [NOM]. Связь между этим предикатом и глаголом *жить* не может осуществляться опосредованно, через предложную фразу, поэтому [NOM] здесь стал трехместным. Вместо глагола *жить* роль третьего актанта предиката [NOM] может выполнять отвлеченное существительное *жизнь*, как показывает следующий граф:

жизнь, (прошедшая) бок[NOM] (о) бок

В этом случае непосредственной синтаксической связи между предикатом [NOM] и его третьим актантом нет. Словосочетание *бок о бок* является распространением неузлового причастия *прошедшая*, которое, между прочим, в модели И. А. Мельчука соответствует лексической функции Func [4: 92]. Ср. эквивалентность предложений *Мы жили бок о бок* и *Наша жизнь проходила бок о бок*. Немного по-другому дело обстоит с примером *С ними я бок о бок прожил всю свою жизнь*; здесь существительное *жизнь* можно признать неузловым; ср. *спать крепким сном / спать крепко*.

С предикатом [NOM] встречаются и другие предлоги: *Они живут душа в душу*. *Жена стояла рядом со мной локоть к локтю*. Использование предиката [NOM] в группе В обусловлено повторением существительного. В противном случае в силу вступает [INS], как показывает следующий пример, где представлены оба предиката: *Полковник сидел нога на ногу боком к столу*. [INS], однако совместим и с повторением существительного: *лежать спиной к спине*.

Казалось бы, что фразы *бок о бок* и *рука об руку* имеют стативное значение и никакого направленного движения здесь нет. Однако сравнение с фразами типа *нога на ногу* наводит на мысль, что процессуальность предлога все-таки не полностью утрачена. Выражается состояние как результат предыдущего события. Охвачены два временных плана; ср. парафразу *Он сидел, положив одну ногу на другую*. Есть сходство с перфектным значением совершенного вида; возможна ведь эквивалентность между *Он умер* и *Он мертв*. В связи с этим интересно отметить еще одну эквивалентность: *Он стоял, опершись / опираясь о край стола*. Ср. двусмысленность предложения *Женщины наполнили комнату* (процесс / состояние).

Как указано выше, сирконстант [DAT] представлен только в двух примерах, оба из группы В. Покажем граф примера *Он разможжил крякве голову о борт челнока*:

Он разможжил к-е[DAT] г-у о борт ч-а[GEN].

Здесь значение принадлежности выражено двумя разными знаками, [DAT] и [GEN], в зависимости от их синтаксического контекста.

Сирконстант [INS], как правило, уточняет ориентацию передвигаемого объекта, а существительное в творительном падеже обычно обозначает часть тела. Но часть тела нередко обозначается и дополнениями ACC и INS. В примере

Он шел, легко задевая коленом о колено дополнительное INS обозначает часть тела, и это существительное повторяется в предложной фразе. Может показаться, что имеем дело не с дополнением, а с сирконстантом. Но это не так: в названной ситуации *колено* и *он* совершают разные движения. Сирконстант [INS] «требуется», чтобы передвигался владетель тела вместе с частью тела.

Сирконстант [INS] преимущественно встречается в группе А. Вот граф типичного примера:

Он опирался спиной[INS] (о) ствол.

В отличие от двухместного предиката [NOM], предикат [INS] прикреплен к глаголу, то есть это распространение трактуется как обстоятельство образа действия. Однако один из двух найденных в группе В примеров имеет иную структуру. Она выглядит так:

Он звякал пряжкой[INS] о ящик.

В этом примере [INS] представляет собой трехместный предикат со значением «использовать». Актантами являются агенс, орудие и цель. (Анализ предполагает, что речь идет о преднамеренном действии.) Вообще поражает редкость этого предиката в нашем материале, но можно отметить, что «инструментальный» [INS] довольно обильно встречается, например, при глаголе *вытереть*, только с другой актантной рамкой: *Он вытер лицо / пот подолом рубашки*. Этот пример можно сравнить с имеющимся в нашем материале примером *Он вытер ладони о брюки*. Предметы *подол* и *брюки* имеют близкую функцию, чем и объясняется распределение предиката [INS].

Конечно, здесь происходит еще кое-что: есть невыраженные, имплицитные связи. В только что приведенном примере *пряжка* не только используется, но и перемещается; ср. пример *Обломанный нож стучал о стенки корзины*. Но [INS] не может быть носителем обоих значений. Аналогичным образом в примере *Он опирался спиной о ствол* надо выбирать, рассматривать ли распространение *спиной* как обстоятельство, как мы сделали выше, или как определение. Во всех случаях, когда существительное в творительном падеже обозначает часть тела, есть имплицитная связь между частью тела и человеком (или животным). Владетелем тела, как правило, является первый актант глагола, но иногда и второй, как в следующем примере с неопределенно-личным сказуемым: *Он вздрагивал, словно его самого били телом о землю*.

По поводу предложения *Она оперлась локтями о край стола* интересно отметить возможность образовать синонимичный глагол с инкорпорированным знаком *локоть*: *облокотиться*. Тогда функция предиката [INS] переносится на тот суффикс, при помощи которого образован глагол:

Она об<локот><и>лась (о) стол.

Для сравнения приведем другой пример с узловым суффиксом:

Она <утюж><и>т рубашку.

Эти два предиката <и>, конечно, не идентичны: во втором примере имеем дело с упомянутым выше трехместным предикатом, который в самой эксплицитной форме выражен глаголом *использовать*. Отметим попутно, что суффикс *-и-* в образованиях *солить* и *сушить* неузловой (см. [2: 63]), а тот же сегмент в глаголе *курить*, конечно, вообще языковым знаком не является. Приставка *о-/об-* в глаголах *опереться* и *облокотиться* повторяет значение неузловой предлога *о*. По-другому дело обстоит с глаголами *ожечься* и *обжигаться*, при которых предлог *о* узловой. Здесь приставка более или менее сохраняет первичное значение: *обжечь* ≈ *сжечь со всех сторон*.

Надо отметить, наконец, что есть альтернативный анализ выражений типа *жить бок о бок*. Так как предлог *о* здесь находится вне сферы действия глагола, он в принципе должен быть узловым; его первым актантом тогда будет *бок*, а флексию NOM надо признать неузловой. Такое решение влечет за собой и изменение анализа примера *Он сладко ожегся щекой о ее щеку*: [INS] превращается в INS. Но в группах А и Б, где предлог неузловой, предикаты [NOM] и [INS] все равно надо сохранить. Поэтому довольно естественно признать их присутствие и в группе В.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использованный в этой работе метод представления семантических связей несовместим с некоторыми традиционными «истинами». Так, определение морфемы как минимальной значимой части слова [7: 242] как бы предполагает, что речь идет об элементарном языковом знаке. Это еще более очевидно из следующего немецкого определения:

«kleinste bedeutungstragende Elemente der Sprache, die als phonologisch-semantische Basiselemente nicht mehr in kleinere Elemente zerlegt werden können» [8: 448].

Проблема здесь в том, что план выражения и план содержания, то есть означающие и означаемые, при нашем подходе трактуются от-

дельно. Означающие распадаются на сегментные, несегментные и полностью имплицитные. Внутри сегментных различаем слова и морфемы, причем слово может состоять из одной или нескольких морфем. Вместо термина «состоять из» предпочитаем говорить об инкорпорации. Минимальность морфемы заключается в том, что в ее означающее не может быть инкорпорировано означающее другого сегментного знака. Но означаемые такой классификации не подвергаются. Все означаемые трактуются как атомарные, значит, между ними не может существовать отношения «состоять из». Например, означаемое морфемы *-локот-* не является компонентом означаемого слова *облокотиться*. Устанавливаемые при помощи графа означаемые распределяются по имеющимся в структуре означающим. Поэтому ту семантику, которой мы занимаемся, можно, пожалуй, назвать «распределительной». Далее: общепризнано разделение частей речи на знаменательные и служебные, причем к последним относятся именно предлоги; см., например, [5: 329] и [6: 21]. Правда, не совсем ясно, на какие критерии опирается данное противопоставление – синтаксические или семантические. Но семантический компонент несомненно присутствует; это очевидно из термина *знаменательный* (также: *полнозначный*) и из альтернативных терминов *автосемантический* и *синсемантический*. А. В. Исаченко характеризует «Synsemantika» как

«grammatische Hilfsmittel der Sprache, mit deren Hilfe verschiedene Relationen zwischen den eigentlichen Bedeutungsträger ausgedrückt werden» [9: 17].

Правда, намек на неуверенность находим в [8: 674], где «Synsemantikum» определяется как «Wort, das bei isoliertem Auftreten (angeblich) keine selbständige lexikalische Bedeutung trägt». Более современные анализы иногда трактуют предлоги как полноценные семантические единицы (см. [5]), в таком случае неудовлетворительны только все еще употребляющиеся термины.

Представляется, если есть семантическое ядро данной дихотомии, оно имеет сходство с нашим противопоставлением узловой / неузловой статус. Спасена ли ситуация, если учтем степень производности конструкций? Можно, конечно, считать, что предложения, относящиеся к группам В и Г, производные, что, например, за сказуемым *зазвенеть* скрывается имплицитное деепричастие: *Струйки зазвенели, ударившись о ведро*; в такой структуре предлог неузловой. Но вряд ли предлоги могут быть узловыми только в производных структурах. Из словосочетаний *погода в Москве* и *проживание в Москве* только второе, где предлог неузловой, надо признать производным. Разумеется, каждая часть речи, как

и каждый другой разряд языковых знаков, имеет свой синтаксический и семантический профиль, но картина гораздо более сложная, чем вытекает из традиционной дихотомии.

Не сомневаемся, что в нашей презентации некоторые примеры для читателя должны казаться неясными или странными; для полного понимания требовался бы более широкий, иногда очень широкий, контекст. Но вместо того, чтобы убирать такие примеры, мы решили показать все, без фильтров. Вполне признаем скудность материала. Было бы несложно и, конечно, желательно

увеличить число глаголов, при которых данная фраза служит распространением, а также обнаружить новые комбинации конститuentов и побольше случаев номинализации. Но вряд ли общая картина от этого изменилась бы. Для настоящего исследования также не имеет значения, что тексты, составляющие Уппсальский корпус, написаны от 30 до 60 лет назад. Заметим, наконец, что предлог *о* с предложным падежом тоже заслуживает анализа в рамках используемой здесь модели. Это описание обещает быть и более разнообразным, и более сложным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лённгрен Л. (ред.) Частотный словарь русского языка. Uppsala: Studia Slavica Upsaliensia 32, 1993. 188 с.
2. Лённгрен Л. Морфологическая производность // *Poljarnyj Vestnik. Norwegian Journal of Slavic Studies*. 2018. Vol. 21. С. 56–73.
3. Лённгрен Л. Размышления о валентности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 3 (180). С. 61–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.310
4. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей Смысл ⇔ Текст. М.: Наука, 1974. 314 с.
5. Сичинава Д. В. Предлоги // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. III : Части речи и лексико-грамматические классы. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 329–373.
6. Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. (ред.). Русская грамматика. М.: Русский язык, 1990. 639 с.
7. Энциклопедия «Русский язык». М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. 703 с.
8. Bußmann H. *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Kröner, 2002. 783 с.
9. Isačenko A. V. *Die russische Sprache der Gegenwart*. München: Max Hueber, 1968. 706 с.

Поступила в редакцию 16.12.2019

Lennart Lönngrén, Professor Emeritus, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
lennart.lonngrén@gmail.com

THE RUSSIAN PREPOSITION *о* WITH THE ACCUSATIVE CASE: A VALENCY ANALYSIS

The main purpose of this investigation, which is carried out on a relatively small amount of corpus material, is to apply a special and little-known method of valency analysis. The basic unit for such analysis is a linguistic sign, and the semantic relations between signs are shown by means of graphs with their nodes occupied by predicates and actants. Prepositional phrases investigated here always occur with a verb (or a verb nominalisation) and can be located within or outside the actant frame of this verb. The first actant of the verb may or may not signify a human being. Based on these two distinctions, the material is divided into four parts. Some additional remarks concern optional constituents, complements as well as adjuncts. The article concludes with critical remarks on two traditional linguistic concepts: the definition of morpheme and the division of word classes into autosemantic and synsemantic ones.

Keywords: preposition *о*, valency, semantic graph, verbal actant frame, flecnal adjunct

Cite this article as: Lönngrén L. The Russian preposition *о* with the accusative case: a valency analysis. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.467

REFERENCES

1. Lönngrén L. (Ed.) A frequency dictionary of modern Russian. Uppsala, 1993. 188 p. (In Russ.)
2. Lönngrén L. Morphological derivation. *Poljarnyj Vestnik. Norwegian Journal of Slavic Studies*. 2018. Vol. 21. P. 56–73. (In Russ.)
3. Lönngrén L. Thoughts on valency. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 3 (180). P. 61–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.310 (In Russ.)
4. Mel'chuk I. A. A study in the theory of the Meaning ⇔ Text linguistic models. Moscow, 1974. 314 p. (In Russ.)
5. Sichinava D. V. Prepositions. *Materials for a corpus-based description of Russian grammar*. St. Petersburg, 2018. P. 329–373. (In Russ.)
6. Shvedova N. Yu., Lopatin V. V. (Eds.) Russian grammar. Moscow, 1990. 639 p. (In Russ.)
7. Encyclopaedia of the Russian language. Moscow, 1997. 703 p. (In Russ.)
8. Bußmann H. *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart, 2002. 783 p.
9. Isačenko A. V. *Die russische Sprache der Gegenwart*. München, 1968. 706 p.

Received: 16 December, 2019

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
nypatr@list.ru

РИТОРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА М. В. ЛОМОНОСОВА В ЗЕРКАЛЕ СЛОВАРЕЙ

Вопрос о становлении традиций красноречия в России тесно связан с проблемой эволюции русского литературного языка, культурного сознания эпохи языковых реформ и роли в этом процессе индивидуального стиля Михаила Васильевича Ломоносова. Целью статьи является анализ риторических приемов главного реформатора русского литературного языка XVIII века в аспекте сопоставления теоретических размышлений, представленных в «Кратком руководстве к риторике...», и реальной поэтической практики Ломоносова. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного анализа тропо- и фигурирования М. В. Ломоносова и выявления возможных расхождений между теоретическими декларациями теоретика русского стиха эпохи классицизма и их воплощением в его поэтических произведениях малых и средних жанров. Новизна заключается в том, что в научный обиход впервые вводятся лексикографические данные, касающиеся системы ломоносовских риторических приемов, анализируемых в грамматическом и лингвостилистическом аспектах. Тропы и фигуры речи, интерпретируемые М. В. Ломоносовым в его научных трудах и используемые в стихотворных произведениях, представлены в двух новейших словарях – «Риторика М. В. Ломоносова. Тропы и фигуры» и «Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: Том 2: Ломоносов». К самым распространенным тропам, используемым Ломоносовым, относятся метафора (1275 репрезентаций), олицетворение (253), метонимия (244), синекдоха (143) и сравнение (117). Гипербола, перифраз, антономазия и аллегория встречаются в ломоносовских одах гораздо реже. Из фигур речи в поэзии Ломоносова наиболее активны инверсия, эллипсис, повтор (в том числе анафора), риторические обращения, восклицания и вопросы. Менее часто используются асиндетон и полисиндетон при построении периодической речи, а также анаколуп и антитеза. К маргиналиям среди ломоносовских риторических приемов относятся оксюморон, каламбур, симплока.

Ключевые слова: троп, фигура речи, риторическая традиция в России, тропы и фигуры речи в поэзии барокко и классицизма

Для цитирования: Патроева Н. В. Риторическая теория и практика М. В. Ломоносова в зеркале словарей // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 78–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.468

ВВЕДЕНИЕ

Использование риторических приемов поэтами эпохи языковых реформ требует специального анализа в рамках отдельной работы, который, несомненно, способствовал бы прояснению вопроса «о роли риторики в истории литературного языка» [3: 47], далеко еще не осознанной во всей своей сложности.

Современный этап развития словарного дела в России характеризуется особым интересом к русской словесности XVIII века, и прежде всего к фигуре главного реформатора русского литературного языка и поэзии М. В. Ломоносова: за последние несколько лет вышла целая

серия «ломоносовских» словарей, представляющих терминологию, грамматику, метрику, историю изучения творчества российского ученого-энциклопедиста¹.

Проблема формирования риторической (и – шире – филологической) терминологии интересна не только имманентно, сама по себе, но и с точки зрения формирования русского литературного языка, а также развития поэзии эпохи русского барокко и классицизма. В этом смысле интерпретация классической риторической теории в «Кратком руководстве к красноречию...» 1748 года с опорой не только на античные греко-латинские образцы или западноевропейские

церковнославянские либо латиноязычные трактаты [15], но и на собственные опыты Ломоносова в стихах и прозе представляет несомненный интерес как обширный материал для нынешних и будущих исследователей. Вопрос о становлении риторической традиции в России тесно смыкается с проблемой эволюции национального литературного языка, языкового сознания эпохи и роли в этом процессе индивидуального слога М. В. Ломоносова, еще далеко не изученного в системном и стилистическом планах². Исследователи русской языковой и стилистической системы XVIII века отмечали уже определяющее значение поэтической практики Ломоносова, а не его теоретических построений в деле формирования нового русского литературного языка:

«Реформаторская деятельность Ломоносова рассматривается и оценивается на материале его теоретических сочинений и заметок, и упускается из виду, что языковые преобразования осуществляются прежде всего путем художественной практики. <...> То, что мы называем “реформа Ломоносова”, заключено не в его “Предисловии о пользе книг церковных” 1758 года, но в его художественном творчестве, явлении исключительном и эпохальном» [1: 187].

Г. О. Винокур подчеркивал, что именно одический стиль Ломоносова положил «начало прочной и устойчивой традиции поэтического языка» [5: 96].

Между тем нельзя совершенно отрицать ценность данных, предоставляемых риторическими руководствами, для анализа реальной речевой ситуации соответствующей эпохи. По верному замечанию П. Е. Бухаркина, не столько теоретическая, сколько иллюстративная часть трактатов по искусству красноречия

«представляет, пожалуй, более богатый и проще интерпретируемый материал; с известной долей преувеличения можно сказать, что она в большей степени, нежели правила и предписания, связывает риторическую теорию с языковой практикой и вообще со стихией языка»,

поскольку риторические трактаты

«имеют статус неоспоримого культурного и языкового авторитета, статус образцов, посему закрепление в них каких-либо фактов свидетельствует о признании этих фактов языковым сознанием тоже в качестве образцовых» [4: 549].

Наконец, именно риторическое руководство Ломоносова, а не его «Российская грамматика» демонстрирует нам развитие русской синтаксической терминологии.

Выявленный историками языка «конфликт лингвистической теории и практики» [8: 216–264] может быть либо резко подчеркнут, либо,

напротив, в какой-то степени хотя бы сглажен, согласно нашей гипотезе, в ходе анализа материала ломоносовских словарей, демонстрирующих системное описание как теории красноречия, так и практики использования риторических приемов.

Словарь «Риторика Ломоносова. Тропы и фигуры» (далее – РЛ) как исторический и дифференцирующий по своему типу описывает используемую Ломоносовым риторическую терминологию на широком диахроническом фоне предшествующих, современных Ломоносову и более поздних трактатов по искусству красноречия, а также предлагает богатый иллюстративный материал из «Краткого руководства к красноречию» и – дополнительно – из более раннего «Краткого руководства к риторике» (1743). Интересно было бы, в развитие предложенной в РЛ характеристике тропов и фигур, выяснить, как часто сам Ломоносов в своей поэтической практике использовал тот или иной риторический прием. На наш взгляд, хорошей эмпирической базой в этом отношении может служить «Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века», второй том которого (далее – ССРП2) содержит материал не только по грамматике стихотворений М. В. Ломоносова, но и примеры используемых реформатором русского языка стиха тропов и фигур речи. Разноаспектная характеристика предложений (в том числе с точки зрения использованных в данном художественном контексте тропа или фигуры речи) в синтаксическом поэтическом словаре предлагается в виде таблицы, строки которой являются аналогом статьи традиционного («лексического») словаря, а наименования граф представляют модель словарной статьи во главе с предложением – леммой³.

Отметим, что перечень риторических приемов отличается в РЛ и ССРП2⁴, поскольку в РЛ изложена предложенная Ломоносовым система тропов и фигур, ССРП2 же фиксирует экспрессивно-стилистические средства, обнаруженные авторами словаря в ломоносовских стихотворениях, и интерпретирует их в рамках современной риторической и стилистической терминологии⁵, однако оба издания опираются на тексты произведений, опубликованные в одиннадцатитомном академическом «Полном собрании сочинений» Ломоносова (АПСС).

Включенные в восьмой том АПСС стихотворные произведения М. В. Ломоносова малых и средних жанров, составляющие материал

ССРП2, содержат следующие виды тропов, описанных М. В. Ломоносовым в «Кратком руководстве к красноречию»:

1. «Тропы речений», в терминах «Краткого руководства к красноречию»:

1) Метафора является, по определению М. В. Ломоносова, переносом «речений от собственного знаменования к другому ради некоторого обоих подобия» (РЛ: 45); автор дает рекомендацию «метафор не употреблять чрез меру часто, но токмо в пристойных местах, ибо излишно в речь втесненные переносные слова больше оную затмевают, нежели возвышают» (РЛ: 45); приведем только один пример из ССРП2:

«Младый Великий Князь, Ты **восходя сияешь**
И веку Своего **свет** полный обещаешь»
(АПСС 8: 610).

В 118 выбранных для анализа составителями ССРП2 стихотворениях Ломоносова отмечено 2194 предложения и 1275 метафорических контекстов, то есть в среднем 1 метафора на 2 предложения и 11 метафор на 1 стихотворение – показатель достаточно высокий и жанрово обусловленный (ода как регистр «высокий» и о важных материях рассуждающий предполагала широкое привлечение метафоры, несмотря на собственную рекомендацию поэта).

Олицетворение – один из активных тропов в стихотворениях Ломоносова, который для автора «Краткого руководства к красноречию», очевидно, был разновидностью метафоры («...когда речение, к одушевленной вещи надлежащее, переносится к бездушной» (РЛ: 45), – читаем в параграфе о метафоре:

«Приятной,
Любимой
быть, владеть **судьба** вас **одарила**,
Но перваго во мне чувствительнее сила»
(АПСС: 712).

Как особый троп или фигуру речи Ломоносов не рассматривает и родственное метафоре сравнение (в ССРП2 отмечено 117 подобных примеров):

«Российский род в сердцах Ей образ начертал,
Твердее тьмою крат, как Мрамор и Металл»
(АПСС: 710).

2) Описание синекдохи – тропа, «когда речение переносится от большего к меньшему или от меньшего к большему» (РЛ: 60), – Ломоносов помещает перед параграфом о метонимии, но в его произведениях синекдоха по активности

своей (143 примера) значительно уступает метонимии (241 пример):

«О Боже! призри к нам единого лишенным
И успокой **наш дух** довольством совершенным»
(АПСС: 517).

3) Метонимия «есть, когда вещей, некоторую принадлежность между собою имеющих, имена взаимно переносятся» (РЛ : 70):

«Россию предприив ущедрить, небеса
Являют Твоя породы чудеса» (АПРФ: 610).

Метонимические переносы (241 репрезентация) активны в гражданских и духовных одах Ломоносова (в среднем более 1 метонимии на 1 стихотворение).

4) Антономазия как «взаимная перемена имен собственных и нарицательных» (РЛ: 82) используется Ломоносовым в 14 стихотворениях:

«Я вижу умными очами:
Колумб российский между льдами
Спешит и презирает рок» (АПСС: 445).

Катахрезис и металепсис отдельно в ССРП2 как термины не используются, так как в современных риторических словарях и учебниках или не представлены, или рассматриваются как частный случай иного тропа (метафоры, перифразы или метонимии).

2. «Тропы предложений»:

1) Аллегория как «перенесение предложений от собственного знаменования к другому стечением многих метафор, между собою сродных и некоторую взаимную принадлежность имеющих» (РЛ: 103) занимает более скромное место в ломоносовских одах, посланиях и внежанровых стихотворениях, чем собственно метафора: очевидно, Ломоносов, избегая многочленных развернутых метафор, стремился соблюсти выказанное по поводу метафоры пожелание авторам не нагромождать переносные контексты один на другой, дабы не затемнить смысл сказанного:

«Но ближе тем парит Орлица,
Что правит свой полет ко Льву» (АПСС: 344).

В качестве тропа, основанного на иносказательном толковании конкретного образа, аллегория часто используется в баснях и эпиграммах, но эти жанры редки в поэтическом творчестве Ломоносова:

«Мышь некогда, любя святыню,
Оставила прелестной мир,
Ушла в глубокую пустыню,
Засевшись вся в галланской сыр» (АПСС: 277).

2) «Парафразис» (перифраз), в изложении Ломоносова, «есть представление многими

речениями того, что одним или немногими изображено быть может». Этот троп Ломоносов любил вводить в речевую ткань своих од (81 пример, согласно данным ССРП2):

«С восторгом радостным Нева внимает звук,
Что на противников **Петров** готовит **Внук**»
(АПСС: 610).

Антономасию (14 репрезентаций) можно рассматривать как разновидность перифраза.

3) Для иллюстрации «эмфазиса» Ломоносов приводит, наряду с примерами из Вергилия, собственные строки из похвальной «Оды на прибытие из Голстинии и на день рождения его императорского высочества государя великого князя Петра Феодоровича 1742 года февраля 10 дня»:

«Сердца жаленьем закипели,
Когда под дерзким кораблем
Балтийски волны побелели» (АПСС: 356).

В новейших риторических справочниках термин «эмфазис» не рассматривается в качестве наименования особого тропа, а имеет более широкое значение (эмоциональное выделение, подчеркивание элементов текста), так что под эту категорию попадают любые экспрессивные средства.

4) «Ипербола» (гипербола): гиперболизация изображаемого часто использовалась в похвальных одах:

«Видение мой дух возводит
Превыше Тессалийских гор!» (АПСС: 236)

Поскольку автор «Краткого руководства к красноречию» считал «послабление» (РЛ: 125) частным случаем «иперболы», то литоту можно также отнести к примерам гиперболизации, однако в стихотворениях Ломоносова этот троп составителями ССРП2 не отмечен.

5) Ирония встречается в эпиграммах, посланиях и внежанровых стихотворениях Ломоносова:

«Уж плохи для него лавровые венки,
Нельзя тем увенчать премудрые виски»
(АПСС: 439);

и редко – в одах:

«Но вот вам ваших бед почин:
Соседа в гнев ввели без вин,
Давайте в том другим примеры» (АПСС: 389).

Однако при толковании этого тропа в «Кратком руководстве к красноречию» Ломоносов примеров собственного сочинения не приводит.

3. Среди «фигуры речений» особенно часто встречаются различные типы повтора – в терминах Ломоносова «повторение»:

«**Дивятся** все, **дивишься** ты и сам:
Как не греметь во гневе небесам!» (АПСС: 711)

276 случаев лексического повтора, 17 морфемного повтора, 129 анафор и 1 эпифору отмечают составители ССРП2, два из которых приводит сам Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» (РЛ: 145–146).

«Многосоюзи» (полисиндетон) и «бессоюзие» (асиндетон) используются Ломоносовым при построении сложных периодов. Выделяемые в том же разделе Ломоносовым «усугубление» и «наклонение» аналогичны лексическому повтору или полиптотону; «единознаменованье» основано на синонимических связях; «согласование» выступает аналогом современного термина «параномасия» (обыгрывание сходно звучащих слов); «восхождение» – восходящая градация, или климакс, в современных терминах (эти «фигуры речений» в ССРП2 не описываются).

Из 26 отмечаемых в «Кратком руководстве к красноречию» «фигур предложений» к часто используемым Ломоносовым, согласно данным ССРП2, относятся:

– риторический вопрос (227 репрезентаций):

«Но как изобразить для вечности Геройство
И ревность Матерню, чем нам дала спокойство?»
(АПСС: 710)

– риторическое восклицание (267 примеров):

«Блаженная страна,
которой такова Монархия дана!» (АПСС: 510)

– риторическое обращение (304 примера):

«Мы радость от небес, Щедроты, благодать
Приемлем чрез Тебя, **Россиян верных мать**»
(АПСС: 510).

Стилевая доминанта Ломоносова-поэта – одновременное использование для усиления выразительности и торжественности речи сразу нескольких риторических приемов, например сочетание риторического обращения с восклицанием, метафорой, метонимией, повтором, инверсией (самым распространенным видом фигур речи, по данным ССРП2 – 2070 иллюстраций, извлеченных из 2194 предложений 118 стихотворений Ломоносова):

«Европа и весь свет, Монархия, свидетель,
Пред Вышнем коль Твоя любезна добродетель,
Он ревность храбрую в полки Твои вложил
И гордых сопостат коварну мочь сломил»
(АПСС: 585).

Это пристрастие Ломоносова к лексическому и грамматическому повтору, параллелизму, инверсии как приметам поэтического слога

в сравнении с прозаическим восходит к античным образцам: так, в работе Г. А. Гуковского «Об анакреонтической оде» были указаны некоторые из наиболее существенных особенностей стилистики и синтаксиса древнегреческой анакреонтики, например высокая частотность использования анафоры и параллелизма, словесных повторов, рефрена и повторов целых стихов, встречающихся либо автономно, либо в соединении друг с другом [7: 147–148].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление риторических идей и опытов М. В. Ломоносова, теоретического и эмпири-

ческого материала, представленного в словарях Ломоносовской речи, доказывает тесную связь учения о красноречии с собственной писательской деятельностью реформатора русского языка и стиха: все описанные Ломоносовым тропы и фигуры используются в его творчестве и служат прекрасными образцами для подражания. Кроме вошедших в риторический трактат 1748 года приемов усиления выразительности речи, Ломоносов применяет и другие (например, каламбур, антитезу, анаколүф, зевгму, эллипсис), что свидетельствует о бедности любых схем и классификаций в сравнении с реальной поэтической практикой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В работе использованы следующие аббревиатуры, указывающие на источник цитаты:

АПСС – Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л.: АН СССР, 1959.

РЛ – Словарь «Риторика М. В. Ломоносова. Тропы и фигуры» // Риторика М. В. Ломоносова / Науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 9–522;

СЯЛ – Словарь языка М. В. Ломоносова / Гл. ред. акад. Н. Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 1–5. СПб., 2010–2011.

ССРП2 – Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: В 4 т. / Под ред. Н. В. Патроевой. Т. 2: Ломоносов. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019.

СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

HWR – *Historisches Wörterbuch der Rhetorik* / Hrsg. Von Gert Üding. Mitbegr. von Walter Jens. In Verbindung mit Wilfried Barner. Bd. 1–11. Tübingen; Berlin, 1992–2014.

² Единственным научным трудом, представляющим ломоносовский идиостиль как систему, до сих пор остается ставшая уже классикой в этой области работа, написанная более полувека назад: [13].

³ О сводном поэтическом словаре «нелексического типа» см.: [10], [11].

⁴ В РЛ описываются «тропы речений» (метафора, синекдоха, метонимия, антономазия, катахресис, металепсис), «тропы предложений» (аллегория, парафразис, эмфазис, ипербола, ирония), «фигуры речений» (повторение, усугубление, единознаменованье, восхождение, наклонение, многосоюзие, бессоюзие, согласование) и «фигуры предложений» (определение, изречение, вопрошение, ответствование, обращение, указание, заимословие, умедление, соощение, поправление, расположение, присовокупление, уступление, вольность, прохождение, умолчание, сомнение, зятие, напряжение, пременение, желание, моление, изображение, возвышение, восклицание, восхищение).

В ССРП2 в рубрике «Риторические приемы» фиксируются следующие (приводим в алфавитном порядке): аллегория, алогизм, амплификация, анаколүф, анафора, антитеза, антономазия, асиндетон, гипаллага, гипербола, зевгма, инверсия, ирония, каламбур, литота, метафора, метонимия, олицетворение, оксюморон, период, перифраз, повтор (корневой, аффиксальный, лексический), полисиндетон, риторическое обращение, риторический вопрос, риторическое восклицание, симплока, синекдоха, синтаксический параллелизм, сравнение, умолчание, эллипсис, эпифора. Характеристика синтаксических значений предложений, представленная в словаре, содержит указание на некоторые из перечисленных Ломоносовым в разделе «Фигуры предложений» явления, например «уступление», «сомнение» и «желание». «Присовокупление» присутствует в однородных рядах, отмечаемых словарем. Амплификация оказывается аналогична «умедлению». Эпитет в рубрике «Риторические приемы» не указывается в силу максимальной своей частотности в художественном тексте в сравнении с другими тропами. В «Кратком руководстве к красноречию» и РЛ примеры эпитетов встречаются при изложении вопроса об «определении» как «фигуре предложения» и в качестве примеров метафоризации имен (РЛ: 45, 221–226).

До сих пор не существует единого и всеми принятого списка тропов и фигур речи (об истории изучения фигур речи и мысли см., напр.: [14], HWR – этим также объясняется отличие терминологических схем в РЛ и ССРП2. Терминология, на которую опирался сам М. В. Ломоносов, имеет опору в античных, западноевропейских средневековых, российских риториках, оригинальных и переводных риториках предшествующего периода – см. подробнее: [2], [6], [9], [15].

⁵ См., напр., СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. 475 с.
2. Аннушкин В. И. Русская риторика: исторический аспект. М.: Высш. шк., 2003. 397 с.
3. Бухаркин П. Е. Риторика и история литературного языка // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 47–53.
4. Бухаркин П. Е. Риторические трактаты как материал для истории русского литературного языка середины XVIII века // Риторика М. В. Ломоносова. СПб., 2017. С. 545–565.
5. Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. 455 с.
6. Вомперский В. П. Риторика в России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1988. 180 с.
7. Гукровский Г. А. Русская поэзия XVIII века. Л.: Academia, 1927. 211 с.
8. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
9. Маркасова Е. В. Представления о фигурах речи в русских риториках XVII – начала XVIII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 204 с.
10. Патроева Н. В. Синтаксис русской поэтической классики как лексикографическая проблема // Грамматические исследования поэтического текста: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Л. Л. Шестакова, Н. В. Патроева. М., 2017. С. 38–40.
11. Патроева Н. В. Синтаксический поэтический словарь: теоретико-методологические основания лексикографического проекта // Славянская историческая лексикология и лексикография. СПб., 2018. Вып. 1. С. 122–131.
12. Пекарская И. В. О существующих типологиях стилистических фигур (аналитический обзор) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2017. № 21. С. 83–95.
13. Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л.: Наука, 1966. 260 с.
14. Ушакова К. М. Терминология русской риторики как учения о речи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). М.: Моск. гос. ун-т печати, 2010. 230 с.
15. Маслюк В. П. Латинськi поетики i риторики XVII – першої половини XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні. Київ: Наукова думка, 1983. 236 с.

Поступила в редакцию 06.02.2020

Natalia V. Patroeva, Doctor of Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
nvpatr@list.ru

RHETORICAL THEORY AND PRACTICE OF M. V. LOMONOSOV IN THE MIRROR OF DICTIONARIES

The question of the establishment of a rhetorical tradition in Russia is closely connected with the problem of the evolution of the Russian literary language, cultural consciousness of the era of language reforms and the role of M. V. Lomonosov's individual style in this process. The purpose of the article is to analyze the rhetorical techniques of the main reformer of the Russian literary language of the XVIII century in the aspect of comparing the theoretical reflections presented in *A Quick Guide to Rhetoric...* and the real poetic practice of M. V. Lomonosov. The relevance of the study is a necessity for a systematic analysis of tropes and figure formation in M. V. Lomonosov's works and the identification of possible discrepancies between the theoretical declarations of the theorist of the Russian verse of the era of Classicism and their embodiment in his poetic works of small and medium genres. The research novelty is that the lexicographical data concerning the system of Lomonosov's rhetorical techniques, interpreted in terms of grammar and linguistics, are introduced into scientific use for the first time. Tropes and figures of speech interpreted by M. V. Lomonosov in his works and used in his poetic works are presented in two latest dictionaries – *Rhetoric of M. V. Lomonosov. Tropes and Figures of Speech* and *Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the XVIII Century: Volume 2: Lomonosov*. The most common figures of speech used by Lomonosov include metaphor (1275 representations), personification (253), metonymy (244), synecdoche (143), and comparison (117). Hyperbole, periphrasis, antonomasia, and allegory are much less common in Lomonosov's odes. Some of the most active figures of speech are inversion, ellipsis, repetition (including anaphora), rhetorical addresses, exclamations, and questions. Asyndeton and polysyndeton as well as anacoluthon and antithesis are less commonly used in the construction of periodic speech. Oxymoron, pun, and symploce are also among the Lomonosov's rhetorical methods.

Keywords: trope, figure of speech, rhetorical tradition in Russia, tropes and figures in the poetry of Baroque and Classicism

Cite this article as: Patroeva N. V. Rhetorical theory and practice of M. V. Lomonosov in the mirror of dictionaries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 78–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.468

REFERENCES

1. Alekseev A. A. Essays and studies on the history of the literary language in Russia. St. Petersburg, 2013. 475 p. (In Russ.)
2. Annushkin V. I. Russian rhetoric: historical aspect. Moscow, 2003. 397 p. (In Russ.)
3. Bukharkin P. E. Rhetoric and history of the literary language. *The World of Russian Word*. 2017. No 1. P. 47–53. (In Russ.)
4. Bukharkin P. E. Rhetorical treatises as a material for the history of the Russian literary language of the middle of the XVIII century. *Rhetoric of M. V. Lomonosov*. St. Petersburg, 2017. P. 545–565. (In Russ.)
5. Vinokur G. O. Philological research: Linguistics and poetics. Moscow, 1990. 455 p. (In Russ.)
6. Vomperskiy V. P. Rhetoric in Russia during the XVII and the XVIII centuries. Moscow, 1988. 180 p. (In Russ.)
7. Gukovskiy G. A. Russian poetry of the XVIII century. Leningrad, 1927. 211 p. (In Russ.)
8. Zhivov V. M. Language and culture in Russia of the XVIII century. Moscow, 1996. 591 p. (In Russ.)
9. Markasova E. V. Representations of the figures of speech in Russian rhetoric of the XVII and the early XVIII century. Petrozavodsk, 2002. 204 p. (In Russ.)
10. Patroeva N. V. Syntax of Russian poetic classics as a lexicographic problem. *Grammar research of poetic texts: Proceedings of the international conference*. (L. L. Shestakova, N. V. Patroeva, Eds.). Moscow, 2017. P. 38–40. (In Russ.)
11. Patroeva N. V. Syntactic poetic dictionary: theoretical and methodological foundations of the lexicographic project. *Slavic historical lexicology and lexicography*. Vol. 1. St. Petersburg, 2018. P. 122–131. (In Russ.)
12. Pekarskaya I. V. On the existing typologies of stylistic figures (analytical review). *Bulletin of Katanov State University of Khakassia*. 2017. No 21. P. 83–95. (In Russ.)
13. Serman I. Z. The poetic style of Lomonosov. Moscow, Leningrad, 1966. 260 p. (In Russ.)
14. Ushakova K. M. Terminology of Russian rhetoric as a doctrine of speech (the second half of the XVIII and the first half of the XIX centuries). Moscow, 2010. 230 p. (In Russ.)
15. Maslyuk V. P. Latin-language poetics and rhetorics in the XVII and the first half of the XVIII centuries and their role in the literary theory development in Ukraine. Kyiv, 1983. 236 p.

Received: 6 February, 2020

АРТУР ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела редакционно-издательской деятельности и научно-информационного обеспечения
Вологодский научный центр Российской академии наук
(Вологда, Российская Федерация)
pechorin2106@mail.ru

АВТОРСКАЯ ПАРЕМИЯ *ВОТ ТЕБЕ, БАБУШКА, И КОНСТИТУЦИЯ!* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые анализируется авторская поговорка *Вот тебе, бабушка, и конституция!*, ранее не привлекавшая внимания исследователей. В ходе работы с различными источниками начала XX века был выявлен единственный случай употребления данной поговорки в рубрике «Новейшие пословицы» общественно-политического сатирического журнала «Зарницы». В работе использована разработанная автором методика анализа исторически дистанцированных авторских поговорок русского языка, включающая в себя методы компонентного, контекстуального, логико-семиотического анализа, а также анализа словарных дефиниций. В результате проведенного исследования были получены следующие результаты: 1) установлено, что поговоркой – источником трансформации является поговорка *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*, 2) узнаваемость в новой поговорке ее системного прототипа доказана путем выявления сходства их структурных моделей, а также их принадлежности к одной и той же высшей логико-семиотической инвариантной группе I (2) и логико-тематической группе «Желаемое – имеющееся», 3) установлено, что появление новой авторской поговорки было обусловлено ситуацией с принятием 23 апреля 1906 года и исполнением Свода основных государственных законов, 4) выражаемое авторской поговоркой суждение сформулировано в следующем виде: ‘выражение разочарования по поводу не сбывшихся в отношении Свода основных государственных законов от 23 апреля 1906 года надежд’, 5) определен тип авторской поговорки – пословично-поговорочное выражение. В заключительной части статьи обозначены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: авторская поговорка, структурно-семантическая трансформация, поговорка-прототип, логико-семиотический анализ, структурная поговорология

Для цитирования: Загребельный А. В. Авторская поговорка *Вот тебе, бабушка, и конституция!* в русском языке начала XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 85–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.469

ВВЕДЕНИЕ

В результате работы с текстами специальной литературы (программами, манифестами, воззваниями, протоколами и стенографическими отчетами заседаний политических партий, стенограммами заседаний депутатов Государственной думы, донесениями сотрудников полиции и пр.), художественной литературы, воспоминаний политических деятелей и очевидцев революционных событий, периодической печати начала XX века (с 1900 по 1917 год) было выявлено более 40 авторских поговорок, ранее не становившихся предметом изучения ученых-лингвистов (*Бей, адмирал – наместником будешь; Семь раз прицелься – один раз стреляй; Правда со дна моря выходит, да в кабинете министров тонет; Не бывать бы несчастью, да Дурново помог; Вот тебе, бабушка, и конституция!; Лучшие рас-*

стрелять десять мирных сограждан, чем упустить одного революционера и др.). Все данные единицы были опубликованы в одном типе источников – периодической печати, а именно в журналах общественно-политической сатиры периода Первой русской революции и характеризовались единичными случаями внеконтекстуального употребления. Так как вопросы специфики изучения авторской поговорологии русского языка начала XX века неоднократно освещались в наших работах [8: 39–41], [9: 221–222], мы не будем в рамках данной статьи подробно останавливаться на них. Отметим лишь, что в нашем исследовании авторская поговорка рассматривается как

«вариант функционирующей в языке поговорки, образованной конкретным человеком (группой людей) посредством использования соответствующего высшего логико-семиотического инварианта (в терминологии Г. Л. Пермякова), не приводящего к потере

“узнаваемости” исходной структуры структурно-семантических трансформаций, в целях реализации конкретной, детерминированной определенными экстралингвистическими факторами прагматической задачи автора» [10: 14].

Если синхроническое направление в исследованиях трансформированной паремиологии современного русского языка в настоящее время активно развивается (см., например, следующие работы: [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [12], [14], [15], [19], [21], [22]), то труды в области авторской паремиологии русского языка начала XX века все еще остаются немногочисленными [8], [9], [10], [11].

Цель настоящей статьи состоит в анализе авторской паремии *Вот тебе, бабушка, и конституция!* в лингвистическом, логико-семиотическом и культурно-историческом аспектах. Анализ проводится с использованием разработанной нами и ранее апробированной методики, в соответствии с которой устанавливается паремия – источник трансформации; определяется принадлежность паремии-источника и образованной на ее основе авторской паремии к одной из четырех высших логико-семиотических инвариантных групп (об их выделении и о методе логико-семиотического анализа подробно написано в трудах Г. Л. Пермякова [16], [17], [18]); устанавливается механизм образования новой языковой единицы; определяются значения слов-компонентов авторской паремии, приводится сумма этих значений; выполняется анализ фактов общественно-политической жизни страны, которые привели к образованию исследуемой языковой единицы; формулируется выражаемое авторской паремией суждение; определяется тип авторской паремии (половица, пословично-поговорочное выражение, поговорка) [11: 198–199].

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Авторская паремия *Вот тебе, бабушка, и конституция!* была опубликована в 1906 году в № 5 журнала «Зарницы»¹. Данная языковая единица была образована на базе паремии-источника *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*, выражающей следующее суждение ‘Не осуществились чьи-л. надежды, ожидания. Выражение удивления, огорчения, разочарования по поводу чего-л. неосуществившегося, несостоявшегося’². В связи с тем что все слова-компоненты паремии-источника характеризуются наличием вторичной семантической маркированности, ее тип может быть определен как половица. Способ образования новой языковой единицы – замена ключевых слов-компонентов

Юрьев день на политически детерминированное слово-компонент *конституция*.

Обратимся к структурным моделям, на базе которых образованы новая паремия и ее системный прототип. Паремия – источник трансформации образована на базе следующей структурной модели: указ. частица *вот* + личное местоимение 2-го лица ед. ч. *ты* в форме дат. п. + сущ. в форме им. п., ед. ч., жен. р. + частица *и* + притяж. прил. в форме им. п., ед. ч., муж. р. + сущ. в форме им. п., ед. ч., муж. р.

Авторская паремия *Вот тебе, бабушка, и конституция!* образована на базе идентичной структурной модели: указ. частица *вот* + личное местоимение 2-го лица ед. ч. *ты* в форме дат. п. + сущ. в форме им. п., ед. ч., жен. р. + частица *и* + сущ. в форме им. п., ед. ч., жен. р. Таким образом, можем заключить, что синтаксическая модель паремии-источника не претерпевает никаких существенных изменений при образовании авторской паремии.

Отнесение анализируемой авторской паремии к тому или иному высшему логико-семиотическому инварианту вызывает определенные сложности в силу высокого уровня обобщенности объективируемой ситуации. Рассматривая проблему определения высшего логико-семиотического инварианта, Г. Л. Пермяков отмечал, что, «если не знаешь, к какому логико-семиотическому инварианту относится то или иное изречение, следует произвести его трансформацию – и вопрос сразу станет ясным» [18: 33]. Выделив четыре высших логико-семиотических инвариантных группы путем обобщения множества типических ситуаций, образно выражаемых паремиями разных языков, Г. Л. Пермяков установил, что потенциальные возможности трансформаций паремий разных инвариантов различны. Предложенная им характеристика высших логико-семиотических инвариантов включает информацию о наличии либо отсутствии возможностей осуществления следующих трансформаций паремиологических структур, не приводящих к искажениям в выражаемых ими суждениях: 1) замены исходных слов-компонентов на новые слова-компоненты, дающие качественную оценку объектов номинации других слов – компонентов паремии (при прямом «прочтении» их содержания), 2) добавления новых слов-компонентов (либо исключение имеющихся), позволяющих противопоставить исходные слова – компоненты паремии по признаку существования или наличия (противопоставлены могут быть и исходные образующие паремии слова-компоненты), 3) изменения порядка слов – компонентов паремии [18: 30–33].

В нашем случае возможны следующие трансформации структуры авторской паремии, не приводящие к искажению выражаемого ей суждения: изменение порядка следования слов-компонентов (*Вот, тебе и конституция, бабушка!*) и замена слов-компонентов, позволяющая противопоставить имеющиеся и новые слова-компоненты по признаку существования (*Вот Вам, граждане, и конституция!*). Возможность противопоставления слов-компонентов по признаку существования обусловлена самой сутью номинируемых ими понятий: если есть (существует) основной закон, то есть и граждане, чьи права и обязанности он регламентирует.

Таким образом, авторская паремия *Вот тебе, бабушка, и конституция!* является образным вариантом типической ситуации, при которой наличие одной вещи (P) предполагает наличие другой вещи (Q) [16: 20–21]. Паремии, объективирующие данные типические ситуации, входят в состав высшей логико-семиотической инвариантной группы I (2). В нашем случае под вещью P понимаются *граждане* (данный компонент представлен имплицитно), под вещью Q – *конституция*.

Паремия – источник трансформации также относится к высшей логико-семиотической инвариантной группе I (2), но в ней по признаку существования противопоставлены другие слова-компоненты: *Юрьев день и крестьяне* (второй компонент представлен имплицитно).

Классическая паремия и ее трансформ входят в состав логико-тематической группы «Желаемое – имеющееся», образованной на базе пересечения групп «Желающее – желаемое» и «Наличное – отсутствующее» [17: 41].

Принадлежность к одной высшей логико-семиотической инвариантной группе и логико-тематической группе в совокупности с единством структурной модели обуславливает узнавание в новой паремии *Вот тебе, бабушка, и конституция!* ее системного прототипа.

Для того чтобы сформулировать выражаемое анализируемой авторской паремией суждение и определить ее тип, рассмотрим ее компонентный состав, а также обратимся к событиям общественно-политической жизни страны, обусловившим ее появление.

Сочетание указательной частицы *вот* с личным местоимением *ты* в форме дат. п. и выделительной частицей *и* употребляется, когда говорится «21. О чем-либо ожидаемом, которое совсем не происходит или изменяется в неожиданную сторону»³. Существительное *бабушка* имеет следующее значение: ‘2. Разг. О старой женщи-

не, старухе»⁴. Слово *конституция* определяется как ‘1. Основной закон государства, обладающий высшей юридической силой, определяющий его общественное и государственное устройство, принципы организации и основные права, свободы и обязанности граждан»⁵.

Сумма значений слов-компонентов исследуемой авторской паремии может быть представлена в следующем виде: ‘вот тебе, старая женщина, и основной закон государства’. С большой долей вероятности можем заключить, что данная сумма значений не составляет выражаемого авторской паремией *Вот тебе, бабушка, и конституция!* суждения. Отсутствие аналитического значения позволяет утверждать, что перед нами либо пословично-поговорочное выражение, либо пословица.

Своим появлением рассматриваемая авторская паремия всецело обязана одному из знаковых событий общественно-политической жизни Российской империи начала XX века – принятию 23 апреля 1906 года Свода основных государственных законов. Данную конституцию нельзя назвать первой в истории Российского государства, так как в 1832 году подобный свод основных законов уже издавался [20: 24]. Однако если в документе первой половины XIX не было речи об ограничении царской власти, то в конституции 1906 года такие изменения были зафиксированы, хотя и в противоречивой форме.

Решение издать свод основных законов было всецело продиктовано не желанием власти поменять систему политического устройства страны, а стремлением снизить градус революционной напряженности. Так, выдающийся российский юрист и ученый А. Ф. Кони отмечал следующее:

«Скачущий на коне великий Петр является каким-то диссонансом в тот день, когда его жалкий слабый потомок дает вынужденную и омраченную мятежами и казнями конституцию через полгода после неслыханных поражений и небывалого позора России. Невольно с горечью думается, что всей этой напрасно пролитой крови можно было избежать и давным-давно двинуть Россию на путь политической свободы, если бы не считать ее “бессмысленным мечтанием”, которое все-таки пришлось признать действительностью, и если бы поменьше заботиться об охране собственной особы и власти» [13].

Прогрессивные политические силы ожидали, что принятие основных законов государства позволит юридически закрепить смену формы государственного устройства с абсолютной монархии на конституционную, станет важнейшим этапом в процессе демократизации Российской империи. На деле же все оказалось иначе. Как отмечают юристы и историки, Свод основных

государственных законов от 23 апреля 1906 года содержал противоречащие друг другу нормы. Анализируя текст конституции, А. С. Смыкалин пишет, что если в статье 7 говорилось о том, что «император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой, то уже в статьях 4 и 9 подчеркивалось, что “Государь Император утверждает законы и без его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения” и что “Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть”» [20: 23]. В итоге вся полнота законодательной и исполнительной власти продолжала оставаться в руках монарха.

Ожиданиям прогрессивной интеллигенции не суждено было сбыться: принятие 23 апреля 1906 года Свода основных государственных законов стало всего лишь очередной попыткой власти дать центристским и левым политическим силам на бумаге то, чего они хотели. По всей видимости, именно разочарование в новой российской конституции и послужило тем мотивирующим экстралингвистическим фактором, который обусловил появление новой языковой единицы.

Таким образом, выражаемое анализируемой авторской паремией *Вот тебе, бабушка, и конституция!* суждение может быть представлено в следующем виде: ‘Выражение разочарования по поводу не сбывшихся в отношении Свода основных государственных законов от 23 апреля 1906 года надежд’. Так как слово-компонент *конституция* является первично маркированным (используется в своем основном значении), тип авторской паремии определяется как пословично-поговорочное выражение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Издание 23 апреля 1906 года Свода основных государственных законов Российской империи стало одним из самых резонансных событий в истории Первой русской революции, отразилось на паремиологической системе русского языка: неизвестные авторы общественно-

политических сатирических журналов, стремясь акцентировать внимание читателей на бесполезности данного свода законов и действительных причинах его принятия, создали новую паремию *Вот тебе, бабушка, и конституция!* на основе классической паремии *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*

Проведенный анализ данной языковой единицы позволил установить паремию – источник трансформации, научно обосновать узнаваемость в авторской паремии ее системного прототипа, рассмотреть мотивирующее событие внешней среды, сформулировать выражаемое новой единицей языка суждение, определить ее тип. Так, авторская паремия *Вот тебе, бабушка, и конституция!* и ее паремия-прототип входят в состав высшей логико-семиотической инвариантной группы I (2) и логико-тематической группы «Желаемое – имеющееся». Общность отнесения рассмотренной единицы и ее паремии-источника к одной и той же высшей логико-семиотической инвариантной группе и логико-тематической группе в совокупности с полной идентичностью их структурных моделей обусловила узнаваемость в ней классической паремии русского языка, послужившей основой для ее образования.

На основе анализа ситуации с изданием 23 апреля 1906 года Свода основных государственных законов Российской империи было сформулировано следующее передаваемое рассмотренной единицей языка суждение: ‘Выражение разочарования по поводу не сбывшихся в отношении Свода основных государственных законов от 23 апреля 1906 года надежд’. Наличие в авторской паремии первично маркированных слов-компонентов позволило определить ее тип как пословично-поговорочное выражение.

В качестве перспектив исследования можно отметить дальнейшее изучение авторской паремиологии русского языка начала XX века, а также создание словаря авторской паремиологии указанного временного периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зарницы. 1906. № 5. С. 7.

² Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2000. С. 74.

³ Словарь современного русского литературного языка. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. С. 747.

⁴ Большой академический словарь русского языка / РАН. Ин-т лингвист. исслед.; Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004. Т. 1. С. 329.

⁵ Большой академический словарь русского языка / РАН. Ин-т лингвист. исслед.; Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2007. Т. 8. С. 369–370.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова О. Н. Изменение компонентного состава как вид трансформации паремий (на материале англоязычных массмедиа) // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 11. С. 3–5.

2. Бегун В. В. Рекламный слоган как трансформация культурных стереотипов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1 (7). С. 31–37.
3. Буренкова С. В. Комизм псевдопоговорок как способ переоценки витальных ценностей // Фундаментальная наука вузам. 2008. № 4. С. 80–86.
4. Бутько Ю. В. Ассоциативный контекст и его реализация в новых паремиях // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2008. № 6. С. 142–153.
5. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипоговорки русского народа. СПб.: Издательский дом «Нева», 2005. 576 с.
6. Демидкина Е. А. Репрезентация интеллектуальных качеств человека в немецких паремиях и антипоговорах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67). Ч. 1. С. 91–94.
7. Дидковская В. Г., Петрова Л. А. Пословицы и поговорки как объект «наивной лингвистики» // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 68–70.
8. Загребельный А. В. Авторские паремии в русском языке начала XX века // Вопросы филологии. 2015. № 3. С. 39–47.
9. Загребельный А. В. Революция 1905–1907 гг. в зеркале авторской паремиологии русского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 3. С. 221–230.
10. Загребельный А. В. Авторская паремия *Старого воробья на овсе не поймаешь* в русском языке начала XX века // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 3. С. 13–20.
11. Загребельный А. В. Методика диахронического анализа авторских паремий русского языка: возможности применения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2019. Т. 18. № 1. С. 196–208.
12. Кирсанова М. А. Антипоговорки с гендерным компонентом в современном английском языке // Наука и школа. 2014. № 1. С. 91–95.
13. Кони А. Ф. Открытие I Государственной думы (Статьи о государственных деятелях) (1906) // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 12.06.2019).
14. Константинова А. А. Пословицы и поговорки в современной англо-американской прессе: авторское использование традиционных паремий // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 22–25.
15. Никитина Т. Г. Новый «статус» русских антипоговорок // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 87–89.
16. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. М.: Наука, 1970. 240 с.
17. Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М.: Наука, 1979. 671 с.
18. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии / Сост., вступ. ст. Г. Л. Капчица. М.: Наука, 1988. 235 с.
19. Савенкова Л. Б. Представление о коллективном субъекте в пространстве современных русских антипоговорок // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 35–37.
20. Смыкалин А. С. Свод основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. – начало развития отечественного конституционализма // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 22–26.
21. Соловьева Н. С. Социолингвистический портрет американцев и русских по материалам словарей антипоговорок (сопоставительный анализ) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3. С. 231–235.
22. Швыдка Я. И. Лингвистический статус традиционных паремий и антипоговорок (на материале русских и английских фразеологических источников) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3. С. 236–239.

Поступила в редакцию 24.07.2019

Artur V. Zagrebel'nyy, PhD in Filology, Vologda Research Center
of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russian Federation)
pechorin2106@mail.ru

AUTHOR'S PAROEMIA *SO MUCH FOR A CONSTITUTION, GRANDMOTHER!* IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE EARLY XX CENTURY

The novelty of the study is that it analyzes for the first time the author's paroemia *So much for a constitution, grandmother!*, which has not previously attracted attention of researchers. In the course of working with the sources from the early XX century, only one case of using this paroemia in the rubric "Modern Proverbs" of the social and political satirical magazine *Zarnitsy (Summer Lightnings)* was revealed. The author of the article developed and applied a special technique for the analysis of historically distanced author's paroemias of the Russian language, which includes the methods of component, contextual, logical and semiotic analysis, as well as the analysis of vocabulary definitions. The following study results were obtained: 1) it was revealed that a proverb *So much for St. George's Day, grandmother!*

(an expression of one's unpleasant surprise or disappointment) was used as a paroemia transformation source; 2) by revealing the similarity between the structural models of the source paroemia and the derivative author's paroemia and establishing that they both belong to the same higher logical and semiotic invariant I (2) and logical and thematic group "Aspirations – reality", it was proved that the system prototype of the author's paroemia could be recognized in it; 3) it was determined that passing into effect the Code of Fundamental Laws, which were to serve as a constitution, on April 23, 1906, caused the formation of a new proverb; 4) the judgment contained in the author's paroemia was formulated in the following way: "an expression of a disappointment when people's hopes for the Code of Fundamental Laws of April 23, 1906, did not come true"; 5) the type of the analyzed author's paroemia was defined as a proverbial expression or conventional saying. The final part of the article outlines the prospects for further research.

Keywords: author's paroemia, structural and semantic transformation, source paroemia, logical and semiotic analysis, structural paremiology

Cite this article as: Zagrebel'nyy A. V. Author's paroemia *So much for a constitution, grandmother!* in the Russian language of the early XX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 85–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.469

REFERENCES

1. Antonova O. N. Change of component structure as a type of transformation of paroemias (on material of English-language mass media). *The Buryat State University Bulletin*. 2011. No 11. P. 3–5. (In Russ.).
2. Begun V. V. Advertisings slogans as cultural stereotypes transformation. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2010. Issue 1 (7). P. 31–37. (In Russ.).
3. Burenkova S. V. Comedy of pseudo-proverbs as the way of the revaluation of vital values. *Fundamental Science to Higher Education Institutions*. 2008. No 4. P. 80–86. (In Russ.).
4. But'ko Yu. V. Associative context and its realization in new paroemias. *Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2008. No 6. P. 142–153. (In Russ.).
5. Val'ter H., Mokienko V. M. Antiproverbs of the Russian people. St. Petersburg, 2005. 576 p. (In Russ.).
6. Demidkina E. A. Representation of person's intelligent qualities in the German proverbs and antiproverbs. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2017. No 1 (67). Part 1. P. 91–94. (In Russ.).
7. Didkovskaya V. G., Petrova L. A. Proverbs and sayings as an object of "naive linguistics". *Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 2014. No 77. P. 68–70. (In Russ.).
8. Zagrebel'nyy A. V. Author's paremias in the Russian language of the beginning of the 20th century. *Philology Issues*. 2015. Vol. 3. P. 39–47 (In Russ.).
9. Zagrebel'nyy A. V. The Revolution of 1905–1907 in the mirror of an author's paremiology of the Russian Language. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2017. No 3. P. 221–230. (In Russ.).
10. Zagrebel'nyy A. V. The author's paroimia *You cannot catch an old sparrow with oat* in the Russian language of the beginning of the 20th century. *Philological Sciences. Scientific Essays on Higher Education*. 2019. No 3. P. 13–20. (In Russ.).
11. Zagrebel'nyy A. V. Methods of the diachronic analysis of author's proverbs of the Russian language: the possibility of application. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2019. Vol. 18. No 1. P. 196–208. (In Russ.).
12. Kirsanova M. A. Anti-proverbs with a gender component in the modern English language. *Science and School*. 2014. No 1. P. 91–95. (In Russ.).
13. Kony A. F. Opening of the I State Duma (Articles about statesmen) (1906). Russian National Corpus. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.06.2019). (In Russ.).
14. Konstantinova A. A. Proverbs and sayings in modern Anglo-American press: author's use of traditional paroemias. *Tomsk State University Journal*. 2009. No 322. P. 22–25. (In Russ.).
15. Nikitina T. G. New "status" of the Russian anti-proverbs. *Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 2014. No 77. P. 87–89. (In Russ.).
16. Permyakov G. L. From a saying to a fairy tale. Moscow, 1970. 240 p. (In Russ.).
17. Permyakov G. L. Proverbs and sayings of the peoples of the East. The systematized collection of sayings of two hundred peoples. Moscow, 1979. 671 p. (In Russ.).
18. Permyakov G. L. Fundamentals of structural paremiology. Moscow, 1988. 235 p. (In Russ.).
19. Savenkova L. B. Representation of collective subject in the Russian anti-proverbs. *Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 2014. No 77. P. 35–37. (In Russ.).
20. Smykalin A. S. Code of main state laws on April 23, 1906 – the beginning of the development of domestic constitutionalism. *Bulletin of Saratov State Law Academy*. 2016. No 2 (109). P. 22–26. (In Russ.).
21. Solovyeva N. S. Sociolinguistic portrait of Americans and Russians in through anti-proverbs (comparative analysis). *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2011. No 3. P. 231–235. (In Russ.).
22. Shvydkaya L. I. Linguistic status of proverbs and anti-proverbs (based on Russian and English phraseographic sources). *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2011. No 3. P. 236–239. (In Russ.).

Received: 24 July, 2019

ИРИНА СЕРГЕЕВНА КУЗЬМИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков Мордовский государственный университет (Саранск, Российская Федерация)
irakuzmina2014@mail.ru

ИДИОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕКСТОВОЙ РЕФЕРЕНЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Анализируются проблемы, возникающие при пересечении лингвистики текста и когнитивной лингвистики, среди которых наиболее важными оказываются когнитивно-референциальные аспекты, понимаемые как связь реальных явлений и изображений в фантазийных мирах. Исследуются особенности проявления авторского замысла в процессе построения текста для детей, отличающегося своей когнитивно-референциальной спецификой. Рассмотрение данных свойств затрагивает вопросы, связанные со своеобразием способов текстообразования разных писателей. Целью статьи является анализ авторских идиостилей в аспекте текстовой референции. Новизна работы определяется обоснованием детерминированности референциальности детского текста когнитивным потенциалом. Актуальным в публикации представляется обращение к произведениям для детей, во многом определяющим развитие личности и раскрытие их лингвистической природы. Демонстрируется использование антропоморфизма, представляющего собой одну из главных характеристик данного дискурса. В частности, уделяется внимание антропоцентрическим характеристикам персонажей, проявляющимся в особом соотношении персонажей-людей и персонажей-животных, а также в природе их коммуникации, характер которой может быть различным. Результатом проведенного анализа становится вывод о том, что фантазийные миры данного макротекста референтны, а диапазон референции зависит от индивидуальности их создателя.

Ключевые слова: идиостиль, референция, детский текст, референциальный, когнитивный, антропоморфизм
Для цитирования: Кузьмина И. С. Идиостилистические аспекты текстовой референции англоязычных произведений для детей // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 91–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.470

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, автор, приступая к созданию своего произведения, руководствуется определенным замыслом, являющимся тем орудием, которое обуславливает выбор жанра произведения, его темы, идеи и адресата. В современной науке категория замысла разрабатывается уже давно [5], [6], [7], [9], однако следует заметить, что в полной мере вопросы замысла еще не были вовлечены в орбиту лингвистических исследований. Между тем категория замысла чрезвычайно существенна для исследования законов текстопостроения [11], которые являются сферой изучения лингвистики текста, поскольку актуализация замысла непосредственно выливается в вербальный облик текста. Категория замысла также не находит своего отражения и в исследованиях, проводимых с позиций когнитивной лингвистики, несмотря на свой явно ментальный характер, что подтверждается и внутренней формой самого термина «замысел». Таким образом, принимая

во внимание все сказанное выше, представляется весьма интересным проследить, как замысел проявляет себя в процессе построения такого специфического типа текста, как детский текст [1], [8], [14], затрагивая при этом те или иные текстовые явления с точки зрения ментальных процессов.

Не вызывает сомнения тот факт, что тексты, предназначенные для детской аудитории, характеризуются особыми законами текстопостроения, поскольку автор детского текста, обладая определенным замыслом, учитывает возраст своего адресата и, как следствие, уровень его знаний об объектах и явлениях окружающего мира [10]. Исходя из этого можно констатировать, что при текстопостроении детских произведений замысел наиболее очевидно проявляет себя в когнитивно-референциальной основе текста, поскольку автор, сообщая ребенку некую новую информацию и реализуя свой замысел, опирается на известные ребенку объекты. В результате референциальные аспекты детского текста тесно

сливаются с когнитивными [2], поскольку детский текст, как уже неоднократно отмечалось, несет информативную функцию [12]. Данную функцию подтверждают, в частности, слова Д. Родари, который утверждает, что использует область фантазии как орудие познания действительности. Путь, следуя которому, окунаешься в гущу жизни, а не витаешь в облаках [13: 8].

Когнитивно-референциальная основа детского текста в процессе текстопостроения может приобретать самые различные проявления. Данный факт обуславливается большим разнообразием жанров данного типа текста, а также идиостилиями авторов, поскольку именно особенности идиостиля определяют выбор формальной и содержательной характеристики текста, которая способна воздействовать на читателя и направить его восприятие в нужное автору русло. На данный момент существует огромное количество определений идиостиля, а также терминов, которые призваны обозначать данное явление. Так, например, В. В. Виноградов, один из основателей учения об идиостиле, полагал, что данное понятие является системой индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения [4: 85]. По мнению Н. А. Фатеевой, идиостиль представляет собой некую определенным образом организованную структуру, которую данный исследователь обозначает как совокупность глубинных текстопорождающих доминант и констант [15: 17]. Однако следует отметить, что, несмотря на все разнообразие определений и методов, которые существуют в науке для изучения авторского идиостиля, лингвисты полагают, что идиостиль не является чем-то генетически обусловленным, а складывается благодаря влиянию многих языковых и экстралингвистических факторов. Например, Н. Н. Большакова считает, что на идиостиль автора оказывают влияние такие факторы, как индивидуально-личностные особенности, социокультурные и лингвистические факторы¹. Вместе с тем исследователи уделяют немало внимания изучению языка того или иного писателя, поскольку, как полагает Т. А. Бычкова, это позволяет раскрыть и описать своеобразные лингвистические приемы, используемые автором языковые «изыски», создающие неповторимый авторский стиль и свидетельствующие о мастерстве и оригинальности его создателя [3: 37]. В связи с этим представляется оправданным исследовать идиостиль авторов детских произведений, поскольку его рассмотрение позволит рас-

крыть те лингвистические приемы, которыми руководствуются авторы детских произведений при создании своих текстов. При этом, учитывая когнитивно-референциальную направленность детского текста, исследование идиостиля данных авторов наиболее целесообразным окажется в аспекте текстовой референции.

Следует отметить, что текстовая референция в детских текстах может проявляться по-разному, что обуславливается как минимум тремя факторами: замыслом автора, его идиостилем, а также психологическими и возрастными особенностями адресата текста. Так, например, свойственное многим детским текстам явление антропоморфизма, представляющее собой одну из составляющих текстовой референции детских текстов, имеет различное проявление в идиостиле разных авторов. Зачастую авторы детских произведений приписывают человеческие черты и качества разнообразным животным, однако осуществляют это в соответствии со своим идиостилем. Так, например, одни авторы из всех человеческих черт приписывают своим персонажам-животным лишь способность говорить, в остальном они выполняют действия, присущие животным. Среди таких авторов следует назвать Анну Сьюэлл (Ann Sewell) с ее произведением «Black Beauty»². Однако Сьюэлл, наделяя своих персонажей человеческой речью, лишает их возможности разговаривать с человеком. Животные в ее произведениях обладают способностью разговаривать на человеческом языке, но только между собой.

Аналогичным образом поступает Редьярд Киплинг (Rudyard Kipling), в произведениях которого текстовая референция проявляется в присвоении автором персонажам-животным человеческой речи. При этом, как и у Сьюэлл, в его текстах не присутствуют примеры вербального общения между персонажами-людьми и персонажами-животными. Проявление данного вида коммуникации у Киплинга имеет единичный характер. Исключение составляют рассказы о Маугли, в которых животные и люди общаются между собой на человеческом языке, например:

«**Not much NOW,**” said Ikki, rattling his quills in a stiff, uncomfortable way, “but later we shall see. Is there any more diving into the deep rock-pool below the Bee-Rocks, Little Brother?”

“**No. The foolish water is going all away, and I do not wish to break my head,**” said Mowgli”³.

Следует отметить, что произведения Сьюэлл и Киплинга отличает высокая степень когнитивности, поскольку, используя некоторые характеристики человека как средство референции,

они тем не менее сообщают своему адресату массу новой информации о жизни животных. Подобное проявление текстовой референции присутствует и в идиостиле Роалда Дала (Roald Dahl). В его произведении «Fantastic Mr. Fox» персонажи-животные обладают некоторыми характеристиками, свойственными человеку, например даром человеческой речи, однако автор не лишает их и характеристик, свойственных животным:

«But Mr Fox was too clever for them. **He always approached a farm with the wind blowing in his face, and this meant that if any man were lurking in the shadows ahead, the wind would carry the smell of that man to Mr Fox's nose from far away**»⁴.

В отличие от произведений Кипплинга и Сьюэлл, в которых человек показан хозяином земли, в рассказе Дала люди обладают лишь отрицательными человеческими качествами, во всех ситуациях позволяя животным обманывать себя. Подобное поведение автора объясняется особенностями его идиостиля, в основе которого лежит юмор.

Совсем иначе текстовая референция проявляет себя в идиостиле Торнтона Бергеса (Thornton Burgess). В произведениях этого автора принцип антропоморфизма используется в полную силу, поскольку человеческие характеристики приписываются практически всему: животным, небесным телам, различным природным явлениям, объектам ландшафта и т. д. При этом, что касается персонажей-животных, то из человеческих характеристик им приписывается не только речь, но и все качества, способности, эмоции, состояния человека. В идиостиле данного автора текстовая референция проявляет себя также в антропонимах и топонимах произведения, поскольку они содержат составляющие, с помощью которых автор опирается на знания своего адресата об окружающем мире. Например: the Green Meadows, the Purple Hills, Reddy Fox, the Smiling Pool, Chatterer the Red Squirrel, Sister South Wind, Mother Moon и др.⁵ Однако, как и в произведениях предыдущих авторов, у Торнтона Бергеса нет примеров вербального общения между персонажами-людьми и персонажами-животными. Таким образом, несмотря на то что идиостили выше-названных авторов имеют некоторое сходство в приписывании своим персонажам-животным способности говорить между собой, не общаясь при этом с человеком, тем не менее явление антропоморфизма проявляется у каждого автора индивидуально, что свидетельствует о специфической референциальности их текстов.

К другой группе принадлежат авторы, не включающие акт вербального общения между персонажами-людьми и персонажами-животны-

ми. К числу таких авторов принадлежит Кеннет Грэхем (Graham Kenneth) со своим произведением «The Wind in the Willows». Идиостиль данного автора отличается высокая концентрация принципа антропоморфизма, поскольку своим персонажам-животным он приписывает все характеристики человека, тем самым расширяя референциальные параметры текста. При этом все персонажи данного автора могут общаться между собой:

«**“Where might your married daughter be living, ma’am?” asked the barge-woman.**

“She lives near to the river, ma’am,” replied Toad»⁶.

Возможностью вербально общаться между собой обладают персонажи Александра Милна (A. Milne)⁷. В его произведениях одушевленные животные ведут себя точно так же, как дети, и успешно общаются с представителем людей – маленьким мальчиком. Милн выстраивает сюжет таким образом, что персонажи-животные в большинстве случаев оказываются глупее, чем маленький мальчик, который многое объясняет им, а иногда и смеется над ними. Таким образом, можно заключить, что в произведениях Милна и Грэхема текстовая референция имеет больше антропоцентрических отсылок, нежели хронотопических. Однако следует отметить, что когнитивный потенциал таких текстов для ребенка заметно снижен, поскольку излишнее уподобление человеку сильно уступает когнитивной эффективности повествований, сообщающих о подлинной жизни животных без подобного количества уподоблений.

Особого внимания заслуживают идиостили группы авторов, которые, воплощая в тексте свой замысел, апеллируют к фантазийному миру, населенному существами, нехарактерными для земной жизни. Как правило, в таком мире все персонажи обладают несвойственными им в реальном мире характеристиками и качествами, хотя таковые характеристики и качества, взятые отдельно, вполне известны маленькому читателю. Ему приходится фактически сопоставлять два мира, постоянно обращаясь к реальному миру и возвращаясь к фантазийному. К созданию таких миров каждый из авторов подходит сообразно собственной индивидуальности. Так, например, К. С. Льюис (C. S. Lewis) в произведении «The Lion, the Witch and the Wardrobe»⁸ противопоставляет мир людей миру говорящих животных и сказочных существ (Нарнии). Персонажам-животным и вымышленным персонажам автор приписывает человеческие характеристики. Однако он наделяет ими не всех подобных персонажей, а лишь избранных и сопровождает такое разделение объяснениями.

Сказочные фавны, нимфы, кентавры, минотавры, гномы, эльфы и прочие человекоподобные существа обладают поведением и речью людей, они активно общаются друг с другом, понимают друг друга и выполняют вместе различные действия, присущие человеку.

Конструирование фантазийных миров у различных авторов весьма своеобразно. Если Дж. Барри (J. M. Barrie) в своем произведении «Peter Pan»⁹ очеловечивает сказочных персонажей из другого мира практически в том же ключе, что и К. С. Льюис, то Л. Ф. Баум (Lyman Frank Baum)¹⁰ просто совмещает два мира, сохраняя их естественную референцию. В тексте, по замыслу автора, наличие определенных человеческих характеристик у персонажа определяется его принадлежностью к тому или иному миру. Так, например, к персонажам реального мира относятся девочка Дороти (Dorothy) и ее пес Тото (Toto), который, в соответствии с замыслом автора, не наделен какими бы то ни было человеческими качествами, поскольку является представителем реального мира, в котором такие качества присущи только человеку. С другой стороны, персонажей, имеющих отношение к фантазийному миру, автор наделяет различными человеческими характеристиками. Достаточно интерес-

ным представляется тот факт, что Баум вводит в сюжет повествования своеобразное средство «Powder of Life» («Живительный порошок»), позволяющее персонажам одушевить любой объект в фантазийном мире произведения. В том же направлении действует в своем произведении «Alice's Adventures in Wonderland» Л. Кэрролл (Lewis Carroll)¹¹, наделяя характеристиками человека не только персонажей-животных, но и некоторые неодушевленные объекты реального мира, такие как цветы, карты, шахматные фигуры, а также вымышленные автором существа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные выше факты позволяют увидеть референциальный диапазон детского макротекста в зависимости от авторской индивидуальности. Отсылки к человеку, столь разнообразные в индивидуально-авторском проявлении, имеют тем не менее один общий признак. Суть его в том, что либо сознательно, либо неосознанно в границах текстовой референции авторы воплощают принцип антропоцентризма и антропометризма, внушая маленькому читателю мысль, что человек – «мера всех вещей», а самым важным человеческим качеством является человеческая речь.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Большакова Н. Н. Игровая поэтика в литературных сказках Михаэля Энде: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007. 25 с.
- ² Сьюэлл Э. Приключения Черного Красавчика: Учебное пособие – книга для чтения на английском языке. СПб.: Антология, 2003. 192 с.
- ³ Киплинг Р. Вторая книга джунглей. М.: Юпитер-Интер, 2003. 232 с.
- ⁴ Дал Р. (Roald Dahl). Потрясающий Мистер Лис. (Fantastic Mr. Fox). М.: Юпитер-Интер, 2003. 84 с.
- ⁵ Burgess T. W. Old Mother West Wind. N. Y.: Dover Publications, Inc., 1995. 84 p.
- ⁶ Грэхем К. Ветер в ивах. М.: Прогресс, 1981. 360 с.
- ⁷ Milne A. A. Winnie-the-Pooh. London: The Penguin Group, 2009. 820 p.
- ⁸ Lewis C. S. The Lion, the Witch and the Wardrobe. London: Harper Collins Publishers Ltd, 2001. 208 p.
- ⁹ Barrie J. M. Peter Pan. Published in Penguin Popular Classics, 1995. 186 с.
- ¹⁰ Баум Л. Ф. (Lyman Frank Baum) Удивительный Волшебник из страны Оз (The Wonderful Wizard of Oz). М.: Юпитер-Интер, 2004. 196 с.
- ¹¹ Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. London: Penguin Popular Classics, 1994. 160 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература. М.: Academia: Высш. школа, 2000. 576 с.
2. Баранов А. Г. Текст в функционально-прагматической парадигме. Краснодар: Изд-во КГУ, 1988. 90 с.
3. Бычкова Т. А. К вопросу об отражении концептуальной картины мира в идиостиле писателя (на материале творчества М. М. Зощенко) // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. Т. 1. С. 37–39.
4. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959. 654 с.
5. Гевленко Ю. А. Художественный замысел как творческая процедура // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2013. № 1 (9). С. 96–99.
6. Гричин С. В. Авторский замысел в аспекте авторизации // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6 (43). С. 320–324.
7. Завьялова О. С. Анализ художественного текста: от композиции к смыслу // Русская словесность. 2006. № 2. С. 49–54.
8. Зылевич Д. П. Особенности языка и стиля художественных произведений для детей (на материале современной детской литературы) // Веснік БДУ. 2012. Сер. 4. № 1. С. 65–69.

9. Ковалева Л. Г. Имя и безымянность как авторский замысел // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 106–109.
10. Коровко Л. А. Особенности детской литературы // Проблемы русской литературы. Омск, 1974. Вып. 82. С. 87–99.
11. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
12. Рогачев В. А. Текст детского писателя и детский контекст // Проблемы детской литературы: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 1992. С. 26–33.
13. Родари Д. Грамматика фантазии. М.: Прогресс, 1978. 103 с.
14. Самигулина Ф. Г. Детский дискурс как лингвокогнитивный феномен. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2014. 204 с.
15. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.

Поступила в редакцию 03.07.2019

Irina S. Kuzmina, PhD in Philology, Mordovia State University
(Saransk, Russian Federation)
irakuzmina2014@mail.ru

IDIOSTYLISTIC ASPECTS OF TEXTUAL REFERENCE IN ENGLISH-LANGUAGE WORKS FOR CHILDREN

The problems arising at the intersection of text linguistics and cognitive linguistics are analyzed, among which the most important are cognitive-referential aspects, understood as the connection of real phenomena and images in fantasy worlds. The features of the manifestation of the author's intention in the process of building a text for children, characterized by its cognitive-referential specificity, are investigated. Consideration of these properties raises questions related to the originality of the ways of text formation by different writers. The aim of the article is to investigate the authors' idiostyles in the aspect of text reference. The novelty of the work is determined by the substantiation of the determinism of the referentiality of the children's text by the cognitive potential. The relevance of the publication is reasoned by studying works for children, which largely determine their personality development and reveal their linguistic nature. The use of anthropomorphism, which is one of the main characteristics of this discourse, is demonstrated. Particular attention is paid to the anthropocentric characteristics of the characters, manifested in a special ratio of human characters and animal characters, as well as in the nature of their communication, which can be different. The result of the analysis is the conclusion that the fantasy worlds of this macrotext are referential, and the range of reference depends on the individuality of their creator.

Keywords: idiostyle, reference, text for children, referential, cognitive, anthropomorphism

Cite this article as: Kuzmina I. S. Idiostylistic aspects of textual reference in English-language works for children. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 91–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.470

REFERENCES

1. Arzamastseva I. N., Nikolaeva S. A. Children's literature. Moscow, 2000. 576 p. (In Russ.)
2. Baranov A. G. Text in functional-pragmatic paradigm. Krasnodar, 1988. 90 p. (In Russ.)
3. Bychkova T. A. The reflection of the conceptual picture of the world in the writer's idiostyle (using the material of M. M. Zoshchenko's works). *Second International Baudouin de Courtenay Readings: Kazan Linguistic School: Traditions and Modernity (Kazan, December 11–13, 2003): Proceedings in 2 vols.* Kazan, 2003. Vol. 1. P. 37–39. (In Russ.)
4. Vinogradov V. V. The language of fiction. Moscow, 1959. 654 p. (In Russ.)
5. Gevlenko Yu. A. Artistic idea as a creative procedure. *Professional Education in Russia and Abroad*. 2013. No 1 (9). P. 96–99. (In Russ.)
6. Grichin S. V. Author's idea in the aspect of authorization. *The World of Science, Culture and Education*. 2013. No 6 (43). P. 320–324. (In Russ.)
7. Zav'yalova O. S. Analysis of literary text: from composition to meaning. *Russian Literature*. 2006. No 2. P. 49–54. (In Russ.)
8. Zylevich D. P. Features of language and style of literary works for children (on the material of modern children's literature). *Vesnik BDU*. 2012. Issue 4. No 1. P. 65–69. (In Russ.)
9. Kovaleva L. G. Name and namelessness as the author's idea. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2011. No 1. P. 106–109. (In Russ.)
10. Kоровко Л. А. Features of children's literature. *Problems of Russian Literature*. Омск, 1974. Issue 82. P. 87–99. (In Russ.)
11. Кухаренко В. А. Text interpretation. Moscow, 1988. 192 p. (In Russ.)
12. Rogachev V. A. Children's writer's text and children's context. *Problems of children's literature*. Petrozavodsk, 1992. P. 26–33. (In Russ.)
13. Rodari G. The grammar of fantasy. Moscow, 1978. 103 p. (In Russ.)
14. Samigulina F. G. Children's discourse as a linguistic and cognitive phenomenon. Rostov-on-Don, 2014. 204 p. (In Russ.)
15. Fateeva N. A. Counterpoint of intertextuality, or Intertext in the world of texts. Moscow, 2000. 280 p. (In Russ.)

Received: 3 July, 2019

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА ШЕРСТНЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии филологического факультета
Северо-Восточный государственный университет (Магадан, Российская Федерация)
mountaincrystal@mail.ru

ПЕРЕВОДНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ОРИГИНАЛА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Рассматривается явление переводной множественности в контексте факторов, опосредующих появление повторных переводов. К основным из них автор относит эволюцию переводческих норм, способствующую аккумуляции традиций в литературной, культурной сферах и непосредственно в развитии переводческого мастерства, соревнование переводческих талантов, а также конъюнктурный фактор. В совокупности с установленными факторами обозначается связь между стремлением переводчиков избежать переводческих повторов и плагиата и тенденцией изменения стратегии перевода с доместицирующей на форенизирующую. На материале сравнительно-сопоставительного анализа воссоздания в переводах онимов положительно визуализируется спорная гипотеза о повторном переводе французского переводоведа А. Бермана. Даны результаты сопоставления английских топонимов и антропонимов и их русских эквивалентов, представленных в разных переводах. Показано, что инокультурные маркеры трансформированы в одном из наиболее ранних переводов в соответствии с «домашними» литературными канонами, в то время как в более позднем переводе наблюдается дуализм переводческих стратегий, а перевод, созданный в контексте изменившихся социально-культурных условий, по сравнению с его предшественниками, больше ориентирован на дух и культуру оригинала, на сохранение подлинного колорита романа-эпопеи Дж. Р. Р. Толкина. Результаты исследования позволяют говорить, что эволюция транслатологической рецепции оригинала проходит в условиях смещения переводческой стратегии от доместикации к форенизации и способствует накоплению культурно-исторических и переводческих традиций.

Ключевые слова: переводная множественность, соревнование переводчиков, накопление традиций, гипотеза А. Бермана, доместикация, форенизация, переводческие повторы

Для ц и т и р о в а н и я : Шерстнева Е. С. Переводная множественность в контексте эволюции переводческой рецепции оригинала: культурологический и этический аспекты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 96–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.471

ВВЕДЕНИЕ

Еще в 1935 году китайский писатель, редактор, критик, эссеист и автор большого количества переводов со многих языков Лу Синь в своей статье «Multiple Retranslations are Necessary» («О необходимости множественных переводов») высказался в пользу появления множественных переводческих толкований художественных произведений. Исследователь положительно оценивает факт появления новых переводов произведения даже в том случае, если уже создан хороший перевод, объясняя это тем, что автор нового перевода может с помощью уже существующего попытаться достигнуть совершенства. Л. Синь также приводит количественные параметры, определяющие требуемое число переводов оригинала (7–8 переводов), создание которых

обусловлено непрерывным процессом развития языка [8: 71].

М. Снелл-Хорнби рассматривает художественный перевод как коммуникативный акт и говорит о том, что перевод достаточно редко может достичь стабильности, присущей оригиналу. Исследователь подчеркивает, что по прошествии времени перевод теряет свою коммуникативную функцию как литературное произведение, функционирующее в контексте постоянно сдвигающейся (shifting) культурной системы, что приводит к необходимости создания новых переводов [11: 113–114]. Мы, в свою очередь, отмечаем, что каждый новый перевод художественного произведения как бы обеспечивает культурно-историческую актуализацию оригинала, в результате чего перевод может как отражать

культурную концепцию оригинала, заданную эпохой, так и характеризовать индивидуальную концепцию переводчика¹.

Во всех гипотезах и теориях возникновения и существования феномена переводной множественности исследователи наиболее часто выделяют два основных фактора, способствующих созданию новых переводов: желание переводчика сделать перевод, который будет лучше уже существующего, перевод, в котором переводчик предложит свое понимание оригинала [10: 82], [12: 30] и постоянное изменение социального контекста, а также эволюцию переводческих норм, обуславливающих возникновение новых переводов [7: 150]. Первый фактор отражает положение о соревновании переводчиков при передаче одного и того же художественного произведения, результатом которого является переводная множественность. Второй фактор определяет эволюционный характер процесса переводческой ретрансляции оригинала, способствующий аккумуляции традиций как в литературной и культурной сферах, так и непосредственно в развитии переводческого мастерства. В данном случае уместным будет привести сравнение переводной множественности с «летописью, фиксирующей эстетическое восприятие произведения различными поколениями» [4: 42], наиболее точно характеризующее переводную множественность как эффективный инструмент исследования истории восприятия оригинала в принимающей литературно-культурной традиции. В. Д. Радчук также указывает на то, что с совершенствованием принципов перевода увеличивается степень объективности переводов и расширяются возможности переводов в связи с развитием языка и культуры людей [4: 42].

Разумеется, создание новых переводов связано также и с коммерческой сферой, поскольку предпринимателей, маркетологов и издателей интересует другой аспект литературы, результатом этого может стать появление переводной версии, мотивом к созданию которой послужило стремление издателя и переводчика сделать перевод, просто отличающийся от предыдущих версий, перевод, который будет соответствовать порой не всегда хорошему вкусу широкой читательской аудитории, перевод, который будет хорошо продаваться. Одним из отрицательных последствий такого подхода к повторному переводу, рассматриваемого в рамках заявленной проблематики статьи, можно назвать превращение перевода из хранителя и индикатора культурно-литературных традиций своей эпохи в деструктивный механизм, создающий искаженное

представление об оригинале в целом и о культурно-исторических тенденциях в литературе в период создания переводной версии в частности.

Безусловно, явление переводной множественности, как и любое другое явление лингвокультурной сферы художественного перевода, регулируется определенными законами и правилами, функционирующими в нем. Так, в соответствии с гипотезой о повторном переводе («Retranslation hypothesis»), предложенной французским переводоведом А. Берманом в 1990 году, каждый новый перевод того или иного художественного произведения все более тяготеет к исходному тексту. Данная гипотеза основана на том положении, что первые переводы художественного произведения обычно подвергаются процессу доместикации, поскольку переводчик, работая над произведением, которое еще не переводилось, стремится адаптировать его к всевозможным нормам языка перевода, а также к культурологическим особенностям принимающей литературы, чтобы интеграция перевода в принимающую культуру прошла более-менее гладко. Более поздние переводные версии, по мнению выдающегося лингвиста И. Гамбье, ориентированы на стиль и букву оригинала, в процессе их создания переводчик стремится сохранить культурные различия между исходной и принимающей культурами, к которым принадлежат оригинал и его переводная версия, с целью оттенения единственности первого [9: 414–415]. Подобные переводы могут быть охарактеризованы как форенизованные, ориентированные на источник. Так как предпочтения переводоведов и переводчиков последовательно отдаются в пользу обеих стратегий (доместикации и форенизации), сделать однозначный вывод о положительности или отрицательности процесса перехода от одной к другой при повторном переводе не представляется возможным. Однако сам автор гипотезы о повторном переводе придерживается того мнения, что перевод, отрицающий «чуждость иноязычного произведения» под предлогом «передаваемости», является плохим [6: 292]. Но в то же время А. Берман достаточно двойственно выражает свою позицию по отношению к этим двум стратегиям: так, форенизация перевода, по его мнению, может сделать переводчика предателем в его культурном пространстве или сделать переводимое произведение украденным из его родной культуры, а использованная при переводе противоположная стратегия доместикации, вполне возможно, «удовлетворит наиболее неприятную часть публики», предав при этом

само иноязычное произведение, «а с ним и самую суть перевода» [6: 291–292].

Возвращаясь к проблематике данной статьи, следует сказать, что рецепция повторных переводов является несколько иной по сравнению с восприятием первого перевода или перевода-открытия. Повторные переводы «принимаются читателями, критикой, другими переводчиками более настороженно, зачастую скептически и, как правило, критически»². В то же время переводчик, работающий над переводом художественного произведения, уже имеющего перевод, рано или поздно задается вопросом, вправе ли он заимствовать удачные творческие решения своих предшественников. Возможно ли избежать плагиата, не потеряв в качестве перевода? Дискуссия по данным вопросам не перестает быть актуальной. В. Радчук выступает за то, чтобы использовать прежние достижения переводчиков, не перечеркивая их «толмаческим оригинальничаньем» и беря все ценное из чужих переводов, чтобы как можно больше приблизиться к цели [3: 57]. Переводчик «Илиады» В. Вересаев очень метко описывает сомнения, движущие переводчиком и заставляющие его придумывать в повторном переводе новые выражения, лишь бы они отличались от уже предложенного оптимального варианта:

«Когда новый переводчик берется за перевод классического художественного произведения, то первая его забота и главнейшая тревога – как бы не оказаться в чем-нибудь похожим на кого-нибудь из предыдущих переводчиков. Какое-нибудь выражение... переданы у его предшественника как нельзя лучше и точнее. Все равно! Собственность священна. И переводчик дает свой собственный перевод, сам сознавая, что он и хуже, и дальше от подлинника. Все достижения прежних переводчиков перечеркиваются, и каждый начинает все сначала» [1: 5–6].

Такой описанный исследователем подход во все не служит цели аккумуляции и сохранения переводческих традиций, лишая переводчика возможности в полной мере воссоздать, а читателя в полной мере воспринять оригинал соответственно, в совокупности всех затраченных на работу над переводом усилий.

Мы считаем возможным говорить о том, что попытки переводчиков избежать повторов, заимствования вариантов переводческих решений, желание выработать свой индивидуальный стиль в том числе являются факторами, опосредующими постепенное движение перевода от максимально приближенного к языку и культуре адресата переводной версии к максимально приближенному к языку и культуре страны

создания оригинала, то есть от доместигированного к форенизированной. Поскольку данный подход облегчает поставленную самим переводчиком цель избежать того, чтобы его перевод был назван всего лишь версией одного из предшествующих переводов. В данном случае снова актуализируется положение о том, что переводная множественность – это результат соревнования переводческих талантов, неважно, обуславливается эта соревновательность личным выбором переводчика или же просто стремлением исключить плагиат.

С практической точки зрения следует рассмотреть, как факторы, обуславливающие создание новых переводов (соревнование переводчиков, эволюция переводческой рецепции оригинала, конъюнктурный фактор), влияют на характер переводных версий, включая степень их доместигации и форенизации.

Как известно, этническая принадлежность в большей степени прослеживается на примере имен собственных, в связи с чем важность их адекватной передачи значительно возрастает при переводе из одной культуры в другую. В данном контексте уместным будет проанализировать близость между именами собственными текста-источника и текста-переводов романа-эпопеи Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец», опубликованного в 1954 году и имеющего не менее восьми русских версий, выполненных известными переводчиками и востребованных в настоящее время на российском книжном рынке. Важным будет упомянуть, что Дж. Р. Р. Толкин, являясь переводчиком и филологом, достаточно серьезно подошел к переводу своего произведения, написав для переводчиков «Guide to the names in The Lord of the Rings» («Руководство по переводу имен собственных из “Властелина колец”»). В своем руководстве Толкин подчеркнул, что следует сохранять «английскость» имен и названий, не допуская их искажения. Ниже приведем сравнительную таблицу, в которой будут отражены особенности воссоздания переводчиками имен собственных. Для этого мы возьмем три русских перевода: В. С. Муравьева, А. А. Кистяковского (1982 год), Н. В. Григорьевой, В. И. Грушецкого (1984 год) и М. В. Каменкович, В. Каррика (1995 год). Данные переводы выбраны по той причине, что самый первый перевод З. А. Бобырь, перевод-открытие, скорее является пересказом и достаточно сильно отклоняется от оригинала и, следовательно, на его основе сделать объективных выводов о стратегии перевода имен собственных не представляется возможным. Перевод В. С. Муравьева, А. А. Кистяковского, оказавший большое влияние

на последующие переводы имен и названий романа-эпопеи Дж. Р. Р. Толкина, представляет существенный источник для анализа переводческой концепции в заявленном аспекте исследования. Перевод Н. В. Григорьевой, В. И. Грушецкого является достаточно популярным у русскоязычных читателей и, по мнению некоторых исследовате-

лей, создан на основе перевода З. А. Бобыр [5]. Перевод М. В. Каменкович, В. Каррика, многократно переиздававшийся, является, по мнению его создателей, наиболее полной версией романа-эпопеи на русском языке и передает оригинал по возможности точно не только по букве, но и по духу [2].

Антропонимы и топонимы в оригинале и переводах романа «Властелин колец»
Anthroponyms and toponyms in the original and translations of *The Lord of the Rings*

Дж. Р. Р. Толкин	В. С. Муравьев, А. А. Кистяковский (1982 год)	Н. В. Григорьева, В. И. Грушецкий (1984 год)	М. В. Каменкович, В. Каррик (1995 год)
Baggins	Торбинс	Сумникс	Бэггинс
Gamgee	Скромби	Гэмджи	Гэмги
Goldberry	Золотинка	Златеника	Златовика
Shadowfax	Светозар	Сполох	Скадуфакс
Strider	Бродяжник	Колоброд	Бродяга-Шире-Шаг
Treebeard	Древень	Древобород	Древобород
Wormtongue	Гнилоуст	Червослов	Червеуст
Entwash	Онтава	Энтова Купель	Энтвейя
Rivendell	Раздол	Дольн	Ривенделл
Rohan	Ристания	Рохан	Рохан
Weathertop	Заверть	Заветерь	Пасмурная Вершина, Пасмурник

Как видим из таблицы, лексика, использованная в переводе В. С. Муравьева и А. А. Кистяковского, для воссоздания имен собственных на русском языке носит былинно-архаический характер: славянское имя Светозар, античный вид спорта Ристания, устаревшая лексема Раздол, диалектизм Заверть превращают «Властелина колец» в некотором роде в славянский эпос, поскольку в переводе добавлены аллюзии на славянскую культуру, а инокультурные маркеры трансформированы в соответствии с «домашними» литературными канонами. Таким образом, В. С. Муравьев и А. А. Кистяковский репрезентируют чужой и непонятный текст в терминах принимающей культуры. Вследствие чего в данном случае мы можем говорить о доместицирующей переводческой стратегии.

В переводе Н. В. Григорьевой и В. И. Грушецкого наблюдаем такие имена собственные, как частично транслитерированная, частично переведенная по смыслу – Энтова Купель, которая, с точки зрения русского восприятия, ассоциируется с таинством, старой традицией, что определенно усиливает значение и восприятие данного названия в сознании русскоязычного читателя. В то же время имена собственные Рохан и Гэмджи появляются в результате

фонетического перевода, а вот лексемы Дольн и Сполох соотносятся с лексическими корнями слов западно- и восточнославянской групп славянской языковой ветви соответственно. Имя собственное Goldberry структурно соотносится со strawberry, gooseberry – клубника, черника, и получает перевод Златеника (ср. земляника, костяника). Если говорить об антропонимах Baggins, Strider, то в переводе они приобретают негативно-пренебрежительную коннотацию: Сумникс (корень обиходной лексемы «сумка» придает комичности и снижает значимость личности главного персонажа), вариант Колоброд придает имени сильно выраженный негативный оттенок, отсутствующий в оригинале. Таким образом, данный перевод романа может быть назван переходным вариантом в аспекте культурного освоения оригинала, поскольку в переводе имен собственных уже не делается упор на славянскую традицию, но в то же время переводчики не стремятся полностью отойти от словообразовательных норм русского языка.

В переводе М. В. Каменкович, В. Каррика, появившемся на тринадцать лет позже перевода В. С. Муравьева и А. А. Кистяковского, преимущественно используются такие переводческие решения, как транслитерация имен

собственных: Бэггинс, Гэмги, Скадуфакс, Энтвейя, Ривенделл, Рохан, то есть сохраняются привычные для носителей англоязычной культуры способы наименования и тем самым сохраняются лингвистические и культурные отличия оригинального текста. Такая переводческая стратегия относительно воссоздания имен собственных вносит вклад в сохранение национальной специфики жанра фэнтези, поскольку исключает подмену английской культуры культурными традициями русского языка. В предисловии к своему переводу М. В. Каменкович и В. Каррик следующим образом характеризуют передачу имен собственных в более ранних переводах своих коллег:

«Значение имена героев и названия мест превратились в простую игру звуков, стихи из связного текста на выдуманном языке стали благозвучной бессмыслицей... и так далее. Один переводчик обошелся с языками лучше, другой – хуже, но никто не был последовательно верен оригиналу» [2].

Из этого можно сделать вывод, что М. В. Каменкович и В. Каррик, работая над воссозданием оригинала, использовали форенизирующий подход к переводу онимов, давая варианты, соответствующие духу и культуре оригинала, подлинному колориту романа-эпопеи Дж. Р. Р. Толкина, с целью сохранения верности оригиналу.

В целом при сравнении по определенным нами параметрам обозначенных выше переводов отмечается некоторая архаичность доместицированного перевода в исполнении В. С. Муравьева и А. А. Кистяковского, которая служит триггером для активизации других переводчиков в их стремлении представить читателям новую интерпретацию оригинала, попутно с тем, что сами авторы данного перевода позже тоже перерабатывают исходную версию, изменяя как имена собственные (имя Всеславур позже было изменено на Горислав), так и имена нарицательные. Тот факт, что данный перевод оказал значительное влияние на выбор имен собственных другими переводчиками, свидетельствует о процессе накопления переводческих традиций, а его многочисленные переиздания и доработки подтверждают мысль о том, что стремление переводчика усовершенствовать переводную версию – это одна из ключевых причин переводной множественности. В переводной версии Н. В. Григорьевой и В. И. Грушецкого налицо вступление в диалог двух культур: культуры оригинала и культуры перевода. Данный дуализм опосредует последовательное изменение в предпочтении переводчиками противоположных стратегий лингвокультурной адаптации оригинала, а именно воссоздания имен собствен-

ных в переводе. Подобная флуктуация в данном случае иллюстрирует эволюцию транслятологической рецепции оригинала. Перевод М. В. Каменкович и В. Каррика является наиболее форенизированным из трех исследованных нами переводов, и, несмотря на устойчивое подчеркивание в переводе всей инокультурности оригинала, его конечная цель, по нашему мнению, обогащение национальной литературы и культуры через контакт с иностранной. Тот факт, что перевод создавался в постсоветскую эпоху, вероятно, можно считать экстралингвистическим фактором, повлиявшим на общее направление перевода в изменившемся социально-культурном контексте. Перевод адресован современному читателю. Помимо этого, можно говорить и о соревновательном моменте, и о стремлении к развитию переводческого мастерства, поскольку переводчики открыто выражают свое отношение к переводным версиям их предшественников, всерьез подходя к процессу работы над оригиналом и консультируясь с соответствующими экспертами.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования позволяют говорить о том, что активное сосуществование различных переводов «Властелина колец» в русском культурном пространстве в очередной раз подтверждает наш тезис, что повторный перевод не показывает дефективность текста, а свидетельствует о его живом присутствии в культуре, является фактом соревнования переводческих талантов. Переводная множественность – это результат потребности представить текст как иную литературу, визуализировать процесс, через который литература страны оригинала предстает перед читателем как иностранная, фиксирующая лингвистические и культурные отличия оригинального текста. Повторные переводы добавляют значимости исходному тексту, свидетельствуя о неугасающем интересе к иноязычному оригиналу как читательской аудитории, так и принимающей культуры вообще. Меняющийся социальный контекст обеспечивает потребность принимающей литературы в более актуальном переводе неустаревающего оригинала; конъюнктурный компонент имеет не последнее значение в процессе появления новых переводов. На основе анализа воссоздания имен собственных в переводах романа-эпопеи нами было получено очередное подтверждение гипотезы о повторном переводе А. Бермана, заключающейся в том, что последующие переводные версии зачастую являются более концептуально

форенизированными по сравнению с их «одомашненными» предшественниками. Факторами, влияющими на данную тенденцию, предполагаем считать стремление переводчиков избежать повторов, стремление усилить лингвокультурную ценность языка оригинала и приблизить иноязычного читателя к автору. Эволюция трансля-

тологической рецепции оригинала, определяемая, среди прочего, движением маятника переводческой стратегии от доместикации к форенизации, проходит в условиях соревнования переводческих талантов и неизменно способствует аккумулярованию литературных, культурных и переводческих традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шерстнева Е. С. Переводная множественность художественной прозы как проблема теории перевода (на материале переводов романа Р. М. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» на английский язык): Дис. ... канд. филол. наук. Магадан, 2009. С. 32.

² Чайковский Р. Р. Основы художественного перевода: вводная часть: Учеб. пособие. Магадан: Изд-во СВГУ, 2008. С. 141.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вересаев В. Предисловие переводчика // Гомер. Илиада. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1949. С. 5–9.
2. Каменкович М., Каррик В. Предисловие переводчиков // Толкин Дж. Р. Р. Властелин колец: В 3 т. М.: АСТ, 2017.
3. Радчук В. Д. Гамлет или Арлекин? (О заимствовании переводческих решений) // Теория и практика перевода. 1989: Республиканский межведомственный научный сборник. Киев: Головн. изд-во изд. об-я «Выща школа», 1989. Вып. 16. С. 52–72.
4. Радчук В. Д. Перевод как отражение и эстетическая задача // Теория и практика перевода. 1986. Киев: Головн. изд-во изд. об-я «Выща школа», 1986. Вып. 13. С. 40–50.
5. Семенова Н. Г. «Властелин колец» в зеркале русских переводов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/semenova.shtml> (дата обращения 19.05.2019).
6. Bergman A. Translation and the trial of the foreign. The translation studies reader. (L. Venuti, Ed.). London: Routledge, 2000. 524 p.
7. Brownlie S. Narrative theory and retranslation theory // Across Languages and Cultures. 2006. Vol. 7 (2). P. 140–170. DOI: 10.1556/Acr.7.2006.2.1
8. Feng L. Retranslation Hypotheses revisited: A case study of two English translations of Sanguo Yanyi – the first Chinese novel // Stellenbosch Papers in Linguistics Plus. 2014. Vol. 43. P. 69–86. DOI: 10.5842/43-0-209
9. Gambier Y. La retraduction, retour et detour // Meta. 1994. Vol. 39 (3). P. 413–417.
10. Pym A. Method in translation history. Manchester: St. Jerome Publishing, 1998. 220 p.
11. Snell-Hornby M. Translation studies: An integrated approach. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. 170 p.
12. Venuti L. Retranslations: The creation of value // Bucknell Review. 2003. Vol. 47 (1). P. 25–39.

Поступила в редакцию 07.06.2019

Ekaterina S. Sherstneva, PhD in Philology, North-Eastern State University (Magadan, Russian Federation)
mountaincrystal@mail.ru

RETRANSLATION WITHIN THE EVOLUTION OF TRANSLATORS' RECEPTION OF THE ORIGINAL: CULTUROLOGICAL AND ETHICAL ASPECTS

Notion of retranslation and factors that stimulate it are viewed in the article. The major factors include the evolution of translation norms, which contributes to the accumulation of traditions in literature, culture and translational experience, competitiveness of translators, and a conformity factor. Together with the established factors, the connection between the aspiration of translators to avoid reduplications and plagiarism and the tendency to change the translation strategy from domesticating to foreignizing is indicated. The controversial Retranslation Hypothesis of a French translator Antoine Bergman is positively visualized through the material of a comparative and contrastive analysis of onyms reconstruction in translations. The results of the comparison of English toponyms and anthroponyms and their Russian equivalents, presented in different translations, are given. It is shown that foreign cultural markers are transformed in one of the earliest translations in accordance with the “domestic” literary canons, while in the later translation there is a dualism of translation strategies, and the translation created within the context of the changed socio-cultural conditions, as compared to its predecessors, is more focused on the spirit and culture of the original and the preservation of the true color of the epic novel by J. R. R. Tolkien. The results of the study suggest that the evolution of the translational

reception of the original takes place in the context of a shift in the translation strategy from domestication to foreignization and contributes to the enrichment of cultural, historical and translational traditions.

Keywords: retranslation, translators' competitiveness, accumulation of traditions, Antoine Berman's hypothesis, domestication, foreignization, borrowed translation variants

Cite this article as: Sherstneva E. S. Retranslation within the evolution of translators' reception of the original: culturological and ethical aspects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 96–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.471

REFERENCES

1. Veresaev V. Translator's foreword. *The Iliad of Homer*. Moscow, Leningrad, 1949. P. 5–9. (In Russ.)
2. Kamenkovich M. V., Karrik V. Translators' foreword. *Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings*. In 3 vols. Moscow, 2017. (In Russ.)
3. Radchuk V. D. Hamlet or Harlequin? (On borrowings in translation). *Theory and practice of translation. 1989: Republican interdepartmental collection of research papers*. Kyiv, 1989. Issue 16. P. 52–72. (In Russ.)
4. Radchuk V. D. Translation as reflection and an esthetic task. *Theory and practice of translation. 1986*. Kyiv, 1986. Issue 13. P. 40–50. (In Russ.)
5. Semenova N. G. *The Lord of the Rings* in the mirror of Russian translations. Available at: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/semnova.shtml> (accessed 05.19.2019). (In Russ.)
6. Berman A. Translation and the trial of the foreign. *The translation studies reader*. (L. Venuti, Ed.). London: Routledge, 2000. 524 p.
7. Brownlie S. Narrative theory and retranslation theory. *Across Languages and Cultures*. 2006. Vol. 7 (2). P. 140–170. DOI: 10.1556/Acr.7.2006.2.1
8. Feng L. Retranslation Hypotheses revisited: A case study of two English translations of Sanguo Yanyi – the first Chinese novel. *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus*. 2014. Vol. 43. P. 69–86. DOI: 10.5842/43-0-209
9. Gambier Y. La retraduction, retour et detour. *Meta*. 1994. Vol. 39 (3). P. 413–417.
10. Pym A. *Method in translation history*. Manchester, 1998. 220 p.
11. Snell-Hornby M. *Translation studies: An integrated approach*. Amsterdam/Philadelphia, 1988. 170 p.
12. Venuti L. Retranslations: The creation of value. *Bucknell Review*. 2003. Vol. 47 (1). P. 25–39.

Received: 7 June, 2019

АНИ ФЕРДИНАНТОВНА АВETИСЯН

соискатель кафедры русского языка и литературы факультета гуманитарных наук и искусств
Ширакский государственный университет имени М. Налбандяна (Гюмри, Армения)
aniavetisyan9102@rambler.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА *СТРАХ* (на материале евангельских текстов и романа Ч. Айтматова «Плаха»)

Впервые в лингвокогнитивном аспекте изучается романное творчество Ч. Айтматова, и в частности роман «Плаха». В сопоставительном плане рассматриваются вербальные и невербальные средства репрезентации концепта *страх* в Евангелиях от Матфея, Марка, Луки и Иоанна и евангельских эпизодах айтматовского романа «Плаха». На основе существующих в когнитивной лингвистике исследований концепта в целом и концепта *страх* в частности делается попытка изучения данного концепта в художественном дискурсе Ч. Айтматова. С помощью компонентного и структурного анализов и на основе сопоставления данных лингвистических и энциклопедических словарей была выявлена и описана структура концепта *страх*: ядерная и околядерная зоны представлены номинантом *страх* и его синонимами *боязнь, паника, испуг, ужас*. Периферийная и околопериферийная зоны концепта вербализованы с помощью квазисинонимов *страсть, робость, опасение, трепет, жуть, трусость*, а также метафор и эпитетов соответственно. На основе анализа текстовых фрагментов было установлено, что языковые средства, эксплицирующие ядерную и околядерную зоны концепта *страх*, в сопоставляемых источниках совпадают, а при описании периферийной, околопериферийной зон были обнаружены существенные различия в употреблении языковых средств сопоставляемых источников.

Ключевые слова: концепт, страх, ядро, околядерная, периферийная, околопериферийная зоны

Для цитирования: Аветисян А. Ф. Сопоставительный анализ вербальных и невербальных репрезентантов концепта *страх* (на материале евангельских текстов и романа Ч. Айтматова «Плаха») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 103–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.472

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе продолжается осмысление евангельских текстов, делаются попытки изучения их лингвистической природы, а в силу актуальности когнитивных исследований наблюдается тенденция рассмотрения языковых единиц в контексте их лингвокогнитивной обусловленности. В большинстве исследований основной акцент делается на изучение переводов текстов, на лингвокультурологическую интерпретацию библеизмов, их реализацию в паремиях и фразеологических единицах. По справедливому замечанию А. Вежбицкой, «учение Иисуса в том виде, в каком оно представлено в Евангелиях, в большей мере опирается на метафоры» [6: 501]. Исследователь выражает недоумение относительно точки зрения, согласно которой изучение таких метафор невозможно, нежелательно и неправильно, предлагает новый взгляд на истолкование Иисусовых притч на «неметафорический язык» с помощью семантических примитивов.

Несмотря на то что произведения Ч. Айтматова становились объектом многочисленных исследований, в лингвистическом плане романное творчество писателя мало изучено.

Цель данной статьи, во-первых, рассмотреть концепт *страх* в Евангелиях от Матфея, Марка, Луки, Иоанна в эпизодах распятия Иисуса, во-вторых, описать концепт *страх* в евангельских эпизодах айтматовского романа «Плаха», в-третьих, изучить концепт *страх* в сопоставительном плане, выявить схождения и расхождения в сопоставляемых источниках.

Концепт, прочно утвердившийся в когнитивной лингвистике и изучаемый уже несколько десятков лет, из-за существующих контроверз до сих пор не получил однозначного определения. Одно из первых определений концепта в российской лингвистике было предложено С. А. Аскольдовым, который считал, что концепты – это прежде всего «познавательные средства», «схематическое представление ума» [6: 269, 274]. Развивая концепцию

С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачев трактует концепт как «алгебраическое выражение значения», существующее в каждом основном значении слова. Концепт необходим для облегчения общения, для дифференциации и расширения значения слова [14: 243].

В формате данной статьи мы считаем целесообразным лингвокогнитивный анализ концепта. Обобщая исследования Е. С. Кубряковой, Н. Н. Болдырева, Н. Ф. Алефиренко, И. А. Стернина, З. Д. Поповой, А. П. Бабушкина, Л. О. Чернейко, мы считаем, что концепт – результат взаимодействия значения слова с опытом взаимодействия человека с окружающей действительностью, и его интерпретация имеет следующий вид: «...от содержания значений к содержанию концептов»¹. Концепты – базовые единицы, несущие в себе «энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении» [16: 9], «кванты»², универсальные оперативные единицы памяти, которые кодируются в языке и по-разному вербализуются в зависимости от лингвистических, прагматических и культурологических факторов, закрепляя за собой различные значения. Концепты – формирующиеся в сознании человека глобальные мыслительные единицы, идеальные сущности, которые возникают в процессе познания и категоризации объектов, являющихся «источником семантической структуры языкового знака» [15: 62].

Выдвигая мысль о существовании в каждом языке универсальных и самобытных эмоциональных концептов, А. Вежбицкая через теорию концептуальных семантических примитивов предлагает экспликацию таких эмоциональных концептов, как *страх*, *гнев*, *печаль*, *счастье*. Предлагая усовершенствованную теорию истолкования данных концептов, исследователь «переводит» на понятный для всех язык сложные эмоциональные состояния людей. С помощью этого метода исследователь считает возможным выявление тончайших стилистических различий между синонимами.

Рассматривая языковое выражение эмоциональной системы человека, Ю. Д. Апресян выделяет первичные (к ним относятся и страх) и окультуренные (надежда, удивление и др.) эмоции. Все эмоции человека, по мнению исследователя, сосредоточены в душе, сердце или груди, а их рассмотрение целесообразно через систему восприятия, так как оно наилучшим образом демонстрирует связь между «способом концептуализации и лексикографическим типом» [4: 356]. Все исследуемые автором эмоции разбиты на подсистемы и объединены в более крупные

классы. Очень часто это происходит по принципу «тело – дух». Так, душевное состояние страха подобно чувству холода, то есть «тело реагирует на страх, как на холод». По принципу «душевное состояние – физическое состояние» исследователь изучает и другие пары эмоций [4: 366].

Развивая данную точку зрения в коллективной монографии, С. З. Агранович и Е. Е. Стефанский своеобразно интерпретируют концепт *страх*. Исследуя семантические различия лексем *срам*, *стыд*, *совесть*, *позор*, авторы делают следующее заключение: *срам* есть *социальный страх*. В доказательство данного заключения ученые приводят пословицы и семанализ «ритуальной маркировки тела первобытного человека (обрезание, прикрытие “срамных мест”)), возникающие в результате нарушения табу. Нарушившие табу и испытывающие социальный страх имеют такие же ощущения, считают авторы данной концепции, как при биологическом страхе: холод, жара, боль, агрессия [1: 40].

Подробный сопоставительный анализ концепта *страх* на основе русского и английского языков был проведен С. В. Зайкиной. Исследователем были описаны лексико-фразеологические средства, номинирующие концепт *страх* [3: 248]. По мнению Д. О. Добровольского, адекватное изучение сферы эмоций возможно на основе фиксируемых в языке тропеических выражений, необходимых для формирования концептуальной базы «невидимых» феноменов [10: 81]. В философской концепции стоиков: 1) *страх* – ожидание зла; ужас, робость, стыд, потрясение, испуг, мучение; 2) *ужас* – страх, наводящий ощущение; 4) *стыд* – страх бесчестия; 5) *робость* – страх совершить действие; 6) *потрясение* – страх от непривычного представления; 7) *испуг* – страх, от которого отнимается язык; 8) *мучение* – страх перед неясным [13: 280].

Обобщая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что концепты – это многомерные единицы сознания, получившие языковое воплощение, это средства для рационализации и упорядочения знаний о внешнем мире в процессе познавательной деятельности человека. Концепты организованы по полемому принципу, в их структуре выделяются следующие компоненты: ядро и околоядерная зона, периферия и околопериферийная зоны. Средствами вербализации концепта могут служить лексемы, фразеологические сочетания, метафоры, высказывания, текст и невербальные репрезентаты.

В данной статье исследование концепта будет иметь следующий вид: 1) выявление и описание номинантов данного концепта на основе

дефиниций лексемы *страх* в лингвистических и энциклопедических словарях; 2) рассмотрение структуры исследуемого концепта; 3) сопоставительное исследование вербальных и невербальных репрезентантов концепта в евангельских текстах и отрывках романа.

Номиnantом концепта *страх* в сопоставляемых источниках является лексема *страх* в значении:

«Страсть, боязнь, робость, сильное опасение, тревожное состояние души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия. Предмет, рождающий страх»³.

Что же чувствовал Иисус в Евангелиях от Матфея, Марка, Луки, Иоанна? Чувствовал ли страх? Какое выражение получает концепт *страх* в Евангелиях? Фрагментарный анализ Евангелий помог установить, что наиболее ярко выражены невербальные репрезентанты концепта *страх*, но в Евангелиях находим и вербальные репрезентанты.

В Евангелии от Матфея концепт *страх* вербализуется 11 лексемами: *страх* (2), *испугаться* (2), *ужасаться* (1), *трепет* (1), *бояться* (5). Ни одно из них не отражает состояние души Иисуса. Чувства Иисуса ночью в Гефсимании описаны двумя глаголами: *скорбеть* и *тосковать*: «*Душа Моя скорбит смертельно <...> Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия, не как Я хочу, но как Ты*» (Мф. 26:38–39). Следует отметить, что, изучив словарные дефиниции данных лексем в словаре В. И. Даля, мы обнаружили семантические параллели между лексемами *тоска* и *страх*: «ТОСКА ж. (теснить?) стеснение духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь»⁴.

Разговора между Иисусом и Пилатом практически нет, на все вопросы прокуратора Иисус не дает никаких ответов, молчит. Пилат склонен к тому, чтоб оправдать Иисуса, однако толпа сурова:

«*Говорят ему все: да будет распят*». *Пройдя через все мучения «около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил? Опять возопив громким голосом, испустил дух»* (Мф. 27:22, 46).

В Евангелии от Марка концепт *страх* вербализуется 23 лексемами: *страх* (4), *испуг* (1), *бояться* (8), *трепет* (2), находим лишь одно употребление лексемы *ужасаться*: «*И взял с Собой Петра, Иакова и Иоанна; и начал ужасаться и тосковать*» (Мк. 14:33). Чувства, испытыва-

емые Иисусом ночью в Гефсимании, выражены глаголами *тосковать* и *ужасаться*:

«*<...> начал ужасаться и тосковать. И сказал им: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте. И, отойдя немного, пал на землю и молился <...> и говорил: Авва Отче! все возможно Тебе; прониеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты*» (Мк. 14:34–36).

Перед смертью Иисус был неразговорчив и на все вопросы Пилата отвечал молчанием. В надежде оправдать Иисуса Пилат обращается к толпе и получает ответ:

«*Распни Его*». «*В девятом часу возопил Иисус громким голосом <...> Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? <...> Иисус же, возгласив громко, испустил дух*» (Мк. 15:34–37).

В Евангелии от Луки концепт *страх* вербализуется 18 лексемами: *страх* (9 употреблений), *испуг* (1 употребление), *бояться* (7 употреблений), *трепет* (1 употребление). Испытываемые Иисусом чувства перед распятием ночью в Гефсимании описаны следующим образом: «*И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю*» (Лк. 22:44). Преодолев все надругательства и мучения, Иисус ничего не сказал Пилату, который хотел оправдания, но толпа решила:

«*Распни, распни Его!*». «*<...> Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! В руки Твои передаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух*» (Лк. 23:21, 46).

В этом отрывке чувства, испытываемые Иисусом, схожи с комментариями Ч. Айтматова о состоянии своего героя.

В Евангелии от Иоанна концепт *страх* вербализуется 6 лексемами: *страх* (2), *испугаться* (1), *бояться* (3). Иисус в Гефсимании только молится, смирившись: «*Я исшел от Отца и пришел в мир; и опять оставлю мир и иду к Отцу*» (Ин. 16:28). Пилату Иисус пытался объяснить, что лишь донес слово Отца о истине. Но, в отличие от трех предыдущих Евангелий, здесь Пилат предстает жестоким и хладнокровным. И несмотря на то что он дает приказ бить Иисуса, тем не менее в последний раз просит у толпы отпустить Иисуса и получает ответ: «*Распни, распни Его!*» (Ин. 19:6). Из данного отрывка можно заключить, что айтматовский Пилат похож на евангельского. На кресте мучающегося от жажды Иисуса напоили уксусом: «*<...> когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: свершилось! И, преклонив голову, предал дух*» (Ин. 19:30).

Итак, ядром концепта *страх* в Евангелиях является номиnant *страх*. Следует отметить,

что к концепту в данных источниках нецелесообразно применение предложенной выше схемы, так как границы между зонами концепта нечетко очерчены. Так, слабо представлены периферия и околопериферийная зона, а околоядерная зона не образует никаких лексико-семантических полей. В целом большая часть репрезентантов концепта *страх* в Евангелиях представлена глаголами (54 %), существительными (43 %, из которых 7,8 % отглагольные существительные), краткими прилагательными (3 %) в 64 употреблениях.

Перейдем к роману Ч. Айтматова «Плаха». Концепт *страх* в романе «Плаха» вербализуется 68 словами и выражениями, имеющими различную частеречную принадлежность: из которых 20,6 % – существительные (отглагольные существительные представлены в большом количестве: *испуг, трепет, боязнь, опасение* и др.), 16,2 % – прилагательные, 8,8 % – наречия, 54,4 % – спрягаемые формы глагола, а также причастия и деепричастия (*боясь, пугающий, устрашающий, страшась, непуганый* и др.) в 212 употреблениях. В романе встречаем одно разговорное употребление (*опаска*) и одно употребление лексемы *страх* в значении междометия («*Ой страх-то какой!*»).

Ядром концепта *страх* является номинант *страх* в вышеприведенном значении.

Околоядерная зона представлена многокомпонентным лексико-семантическим полем *страх* и широким арсеналом распространяющих его метафор и эпитетов. Лексико-семантическое поле: *страх – страшить – устрашить – устрашающий – страшиться – страшать – страшный – страшно – страшноватый*: «*страх охватил*», «*страх передался материнской кровью*», «*разделить страх*», «*нагнать страху*», «*на терпеться страху*», «*страх выходил криком*», «*страшный день*», «*страшный город*», «*страшный круг*», «*страшная догадка*», «*страшная истина*», «*страшный порок*», «*страшное возмездие*», «*страшная участь*», «*страшная погоня*», «*страшная нужда*», «*страшная трагедия*», «*страшная слава*» и др.

В результате анализа распространяющих околоядерную зону единиц были выделены наиболее продуктивные модели словосочетаний: глагольные («*страх достиг*», «*страх и ненависть сужают планету*», «*томление, страх, тоска обуревали*», «*страх уступил место*» и др.) и адъективные («*жуткий страх*», «*безрассудный страх*», «*затаенный страх*» и др.).

Единицы **периферийной зоны** были выделены нами на основании обобщения данных «Русского идеографического словаря» и «Но-

вого объяснительного словаря синонимов русского языка», в которых в качестве синонимов приводятся лексемы *боязнь, испуг, ужас, паника*⁵ [9: 1109]. Характерно, что, автор второго словаря считает *страх* чувством, которое может испытать любое живое существо, а *боязнь* и *ужас* – чувства, испытываемые только человеком. Каждый из синонимов образует лексико-семантическое поле: *боязнь – бояться – убояться – побояться – побаиваясь – боясь*. Многокомпонентное поле синонима *испуг*: *испуг – перепуг – испугаться – пугать – пугающий – испуганно – непуганый – подпугнуть – вспугнуть – спугнутый – припугнуть – отпугнуть – подпугнуть*. Микрополе синонима *ужас*: *ужас – ужаснуться – ужасный – ужасно*. Лексико-семантическое микрополе синонима *паника*: *паника – панический – панически*. Периферийную зону распространяют также эпитеты: «*черная река дикого ужаса*», «*слепая боязнь*», «*панические вопли*», «*беспорядочная паника*», «*панический бег*»; метафоры: «*испытывать ужас*», «*ужас обуял*», «*пережить ужас*», «*преисполнился ужасом*», «*нагнетать панику*».

Номинанты и их производные, образующие и выражающие содержание концепта, имеют следующую периферийную зону и частотную характеристику: *боязнь – 20, испуг – 37, ужас – 24* и *паника – 7*. Они представляют существенные признаки концепта и связаны синонимическими отношениями.

Околопериферийная зона характеризуется ослабленностью семантических связей с лексемами ядра концепта и образуется с помощью следующих квазисинонимов: *робость, трепет, жуть, трусость, опасение*. В романе находим два употребления лексемы *трепет*:

«*Авдий вострепнулся было – он с детства любил стоять смотреть, куда несутся пассажирские поезда, кто мелькает в окнах, чьи фигуры и лица*» (91). «*Авдий с детства любил следить за поездами: ведь он еще застал послевоенные паровозы, те романтические машины, выбрасывавшие могучие столбы дыма и клубы пара, оглашавшие гудками окрестность, – но он не представлял себе, что с таким трепетом будет ожидать поезд, ведь ему предстояло незаконно и более того – насильственно проникнуть в него*» (103).

Лексема *трус* образует лексико-семантическое микрополе: *трус – трусливый – трусливо – трусость*.

«*Трусость псов возмущала хозяев*» (185). «*К удивлению присутствующих, Жайсан злобно заворчал, поджал хвост, втянул голову и кинулся наутек. И только потом, уже во дворе, под окном, залаял трусливо и жалко*» (189). «*А редактор – мы с ним когда-то вместе учились, трус и подхалим каких мало – от таких*

слов даже заикаться начал» (191). «Я ему уже говорил и опять скажу прямо в лицо: он поступил, как трусливый провокатор» (234).

В романе было выявлено 9 употреблений лексемы *жуть* и его производных:

«Когда на глазах Акбары и ее стаи случилось это жуткое нападение вертолетов, волки сначала притаились, от страха вжимаясь в корневища чиев, но затем не выдержали и бросились наутек от проклятого места» (23). «Вой нагонял жуть» (196). «Воруж он обнаруживает, что запасной фонарик куда-то исчез, запропастился, и от этого ему не по себе. Тревожно и жутко» (224) и др.

Также обнаружено два употребления лексемы *робость* в качестве квазисинонима лексемы *страх*:

«Стыдно признаться, но я был настолько поражен твоим появлением, что и теперь не могу отделаться от чувства робости и восторга» (156–157). «Если точнее, то Гамлет-Галкин и Абориген-Узюкбай только при сем присутствовали и пытались, правда робко и жалко, как-то смягчить свирепость тех троих, вершивших суд» (164).

И наконец, околопериферийную зону образует многокомпонентное лексико-семантическое поле лексемы *опасение*: *опасение* – *опаска* – *обезопасить* – *опасаться* – *опасаясь* – *опасность* – *безопасность* – *опасный* – *безопасный* – *небезопасно*:

«Но опасения ее были напрасны» (6). «Вот и суетилось вокруг сурочье племя, презрев опасность» (11). «Волкам надо было исчезнуть, унести ноги, двинуться куда-нибудь в безопасное место, однако именно этому не суждено было осуществиться» (23) и др.

Обратившись к словарным дефинициям лингвистических и энциклопедических словарей, на основе фрагментарного анализа Евангелий и романа нами были выявлены и описаны следующие фреймы концепта *страх*:

1. Фрейм «*Страх – душевное состояние*». Страх во всех анализируемых нами источниках – терзающее и раздирающее душу мучительное чувство, которое заостряется образами ночи и города в романе, а Иисус в Евангелиях чувствует тоску и скорбь.

«Еще прошлой ночью в Гефсимании на Масличной горе я изнывал, ужасался от тоски, навалившейся, как черная ночь, не находил себе места и, бодрствуя с учениками, все не мог успокоиться и в предчувствии страшном дошел до кровавого пота» (120). «Страшусь я смерти, и ноги мои холодеют, хотя сегодня так невыносимо жарко» (122). «Да, наместник римский, я страшусь свирепой казни» (116).

2. Фрейм «*Страх – живое существо*».

«А только места я себе не находил, томление, страх и тоска обуревали меня, и звуки тягостные вро-

де бы из сердца моего в небо уходили (129). «<...> а я летал как одинокая пушинка в поднебесье, томимый страхом и предчувствием дурным, и думал – вот конец света...» (130).

3. Фрейм «*Страшный суд*». Наиболее яркое выражение этот фрейм получает в Евангелиях. Иисус предупреждает о суде каждого согрешившего на своем пути:

«Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда...» (Мф. 12:36). «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы...» (Ин. 3:19).

В романе идея о Страшном суде выражена в следующих отрывках:

«...а воскреснув, вернешься в один прекрасный день на землю и учинишь Страшный суд и над теми, кто сейчас живет, и над теми, кто еще явится на свет...» (124). «– Постой, а как же Страшный суд, столь грозно провозглашаемый тобою? – Страшный суд <...> а ты не думал, правитель римский, что он давно уже свершается над нами? – Не хочешь ли ты сказать, что вся наша жизнь – Страшный суд?» (126).

Сопоставление ассоциативного ряда слов-стимулов Русского ассоциативного словаря (РАС) и ассоциативного поля отрывка айтматовского романа совпадают. Слова (*ужас* (7), *божйй* (5), *смерть* (5)), занимающие лидирующие позиции по частотности ассоциаций, возникающих с эмоцией *страха* из РАС, практически совпадают с эмоциональным фоном отрывка романа⁷. В РАС находим ассоциативный ряд из 71 реакции на слово-стимул *страх*, из которых по наибольшей частотности употребления выделяются слова-стимулы *ужас* (7), *божйй* (5) и *смерть* (5)⁸. Приведенные слова-стимулы позволили выявить некоторые особенности при вербализации: 1) в большинстве случаев *страх* ассоциируется с отрицательными эмоциями, характерными для каждой социальной группы (для водителя – за рулем машины, общения с милицией, гаишниками; для студента – перед экзаменом и др.). 2) Чувство страха соотносится с *ночью*, *высотой*, *темнотой*, оно становится источником ненависти, депрессии, является результатом отрицательного (кратковременного или долгосрочного) воздействия на сознание. Те же особенности характерны для романа.

В основе исследуемого нами концепта лежит универсальное понятие эмоции, поэтому в отрывке, помимо выделенных вербальных репрезентантов концепта, встречаются и невербальные маркеры. Для их описания автор прибегает к стилистическим приемам. Во-первых, это метафоры, усиливающиеся повторами и предваряющие страшную

сцену распятия, накаляющие ситуацию и наводящие ужас:

«Город ждал того, кто стоял на допросе перед прокуратором. Гнусный город ждал жертвы. Городу требовалось сегодня в этот зной кровавое действие, его темные, как ночь, инстинкты жаждали встряски – и тогда бы уличные толпы захлебнулись ревом и плачем, как стаи шакалов, воющих и злобно лающих, когда они видят, как разъяренный лев терзает в ливийской пустыне зебру. Понтию Пилату приходилось видеть такие сцены и среди зверей и среди людей, и внутренне он ужаснулся, представив себе на миг, как будет проходить распятие на кресте» (113).

Невербальные маркеры эмоции *страх* выражены через авторский комментарий:

«Иисус тяжело вздохнул, бледнея при одной мысли...» (113). «На бледном челе Иисуса проступил обильный пот» (114). «<...> от страха к горлу подкатила тошнота, и пот заструился вниз по лицу, падая каплями на мраморные плиты у худых жилистых ног» (114). «Прозрачно-синие глаза Иисуса потемнели, и он замкнулся в себе» (131).

Во-вторых, депрессивное, нервное состояние Понтия Пилата:

«Прокуратор же был сильно не в духе <...> он был раздражен» (111). «<...> вскричал Прокуратор и вскочил вне себя от гнева...» (115). «Понтий Пилат возмутился» (118).

В-третьих, ужас и боязнь, которые чувствует Иисус:

«На бледном челе Иисуса проступил обильный пот. Но он не утирал его ни ладонью, ни оборванным рукавом хламиды, ему было не до того – от страха к горлу подкатила тошнота, и пот заструился вниз по лицу, падая каплями на мраморные плиты у худых жилистых ног» (114). «Мама, если бы ты знала, как мне тяжело! Еще прошлой ночью в Гефсимании на Масличной горе я изнывал, ужасался от тоски, навалившейся, как черная ночь, не находил себе места и, бодрствуя с учениками, все не мог успокоиться и в предчувствии страшном дошел до кровавого пота» (120).

В отрывке романа находим и ассоциативные связи *страха* и *смерти*:

«То твоя смерть кружит!» (111). «<...> нет большего горя для человека, чем смерть...». «Страшусь я смерти, и ноги мои холодеют, хотя сегодня так невыносимо жарко» (122). «Ведь смерть каждого человека – конец света для него» (129).

Символичным является и видение Иисуса, где вырисовывается следующий ассоциативный ряд:

темная ночь, умерщвлять, убил, томимый страхом, мертво:

«я бродил той темной ночью», «все было мертво, все было сплошь покрыто черным пеплом», «я летал как одинокая пушинка в поднебесье, томимый страхом и предчувствием дурным», «свирепый мир людской себя убил в свирепости своей» (130).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставив обрисованные в Евангелиях образы Иисуса с образом айтматовского героя, мы пришли к выводу: последний – собирательный образ, так как в нем скомбинированы характерные черты Иисуса из всех четырех Евангелий. Айтматовский Иисус ночью в Гефсимании испытывает и страх, и ужас от тоски, он *«не находил себе места и, бодрствуя с учениками, все не мог успокоиться, и в предчувствии страшном дошел до кровавого пота» (120)*. Во всех сопоставляемых источниках Иисус чувствовал страх перед смертью.

В исследуемых источниках количество лексем, вербализующих концепт, одинаково. И в Евангелиях, и в романе преобладают глаголы. Структура концепта в исследуемых источниках различна: в романе концепт имеет четкую структуру и границы между зонами ярко выражены, в Евангелиях – нет. В последних не наблюдается разнообразия лексических средств, вербализующих отдельные зоны концепта, в отличие от романа, где имеем и синонимические средства вербализации, и квазисинонимы, и лексико-семантические поля, и метафоры, и эпитеты. В обоих источниках есть невербальные средства репрезентации, которые придают концепту аксиологическую значимость. Невербальные репрезентаты в Евангелиях передаются с помощью диалогов между Пилатом и Иисусом (практически всегда Иисус малословен, подавлен, испуган, Пилат – раздражителен, агрессивен, жесток). В романе невербальные маркеры представлены авторскими комментариями и стилистическими приемами, описывающими место действия и состояние главных героев. На основе сопоставления анализируемых источников и словарных дефиниций лингвистических и энциклопедических статей нами также была разработана фреймовая модель концепта *страх*, которая еще раз подтвердила результаты лингвокогнитивного анализа данного концепта «от содержания значения к содержанию концепта».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Айтматов Ч. Плаха. Таллинн: Эсти Раамат, 1990. 254 с. В тексте в круглых скобках указаны страницы.

² Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2002. 330 с.

- ³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1909. 1619 с.
- ⁴ Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Изд-во МГУ, 1997. 245 с.
- ⁵ Новый Завет. Псалтырь. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. 427 с.
- ⁶ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. 1488 с.
- ⁷ Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. М., 2002 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tesaurus.ru/dict/index.php> (дата обращения 16.08.2019).
- ⁸ Русский идеографический словарь / Под ред. Н. Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5485> (дата обращения 16.08.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агранович С. З., Стефанский Е. Е. Миф в слове: продолжение жизни (Очерки по мифолингвистике): Монография. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2003. 168 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 60–66.
3. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 352 с.
4. Апресян Ю. Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
5. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
6. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
7. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянских культур, 2001. 288 с.
8. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2001. 568 с.
9. Воркачев С. Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 10–13.
10. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 71–93.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
13. Лэртский Д. О жизни, учениях, изречениях знаменитых философов. 2-е испр. изд. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева; Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. 571 с.
14. Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2015. 540 с.
15. Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж: Истоки, 2004. 80 с.
16. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: Из-во МГУ, 1997. 349 с.

Поступила в редакцию 30.09.2019

Ani F. Avetisyan, Postgraduate Student, Shirak State University
named after Nalbandyan (Gyumri, Armenia)
aniavetisyan9102@rambler.ru

**COMPARATIVE ANALYSIS OF VERBAL AND NON-VERBAL REPRESENTATIONS
OF THE CONCEPT OF *FEAR*
(using the Gospel texts and Chingiz Aitmatov's novel *The Scaffold*)**

The relevance of the following article lies in the fact that Chingiz Aitmatov's novel *The Scaffold* has never been studied before from the perspective of cognitive linguistics. For the first time the author carried out a comparative analysis of the verbal and non-verbal means of representing the concept of *fear* in the gospels of Matthew, Mark, Luke and John, as well as in evangelic episodes in Aitmatov's novel *The Scaffold*. On the basis of the existing studies in the field of cognitive linguistics around concepts in general and the concept of *fear* in particular, an attempt was made to study the above-mentioned concept in Aitmatov's literary discourse. Using component-based and structural analysis, as well as comparative data from linguistic and encyclopedic dictionaries, the structure of the concept of *fear* was identified and described: the nuclear and near-nuclear zones are represented by the nominate *fear* and its synonyms, such as *angst*, *panic*, *alarm*, and *horror*. The peripheral and near-peripheral zones of the concept are verbalized using quasi-synonyms, such as *passion*, *timidity*, *fear*, *trill*, *horror*, and *cowardice*, as well as metaphors and epithets, respectively. The analysis

of textual fragments revealed that linguistic means explicating the nuclear and near-nuclear zones of the concept of *fear* in the compared sources actually coincide, while when describing the peripheral and near-peripheral zones, significant differences were found in the use of linguistic means in the compared sources.

Keywords: concept, fear, nucleus, near-nuclear zone, peripheral zone, near-peripheral zone

Cite this article as: Avetisyan A. F. Comparative analysis of verbal and non-verbal representations of the concept of *fear* (using the Gospel texts and Chingiz Aitmatov's novel *The Scaffold*). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 103–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.472

REFERENCES

1. Agranovich S. Z., Stefanskiy E. E. Myth in the word: the continuation of life (Essays on mytho-linguistics): Monograph. Samara, 2003. 168 p. (In Russ.)
2. Alefirenko N. F. Methodological basis for the study of the problem of verbalization of the concept. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Humanities*. 2004. No 2. P. 60–66. (In Russ.)
3. Anthology of concepts (V. I. Karasik, I. A. Sternin, Eds.). Volgograd, 2005. Vol. 1. 352 p. (In Russ.)
4. Apresyan Yu. D. Selected works. Vol. II. Integral language description and systemic lexicography. Moscow, 1995. 767 p. (In Russ.)
5. Arutyunova N. D. Language and the world of people. Moscow, 1999. 896 p. (In Russ.)
6. Askol'dov S. A. Concept and word. *Russian literature: From the theory of literature to the structure of the text: Anthology*. (V. P. Neroznak, Ed.). Moscow, 1997. P. 267–279. (In Russ.)
7. Vezhbitskaya A. Understanding cultures through words (A. D. Shmelyov, English-Russian Transl.). Moscow, 2001. 288 p. (In Russ.)
8. Vezhbitskaya A. Semantic universals and basic concepts. Moscow, 2001. 568 p. (In Russ.)
9. Vorkachev S. G. Postulates of linguoconceptology. *Anthology of concepts* (V. I. Karasik, I. A. Sternin, Eds.). Volgograd, 2005. Vol. 1. P. 10–13. (In Russ.)
10. Dobrovolskiy D. O. The figurative component in the semantics of idioms. *Questions of Linguistics*. 1996. No 1. P. 71–93. (In Russ.)
11. Karasik V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd, 2002. 477 p. (In Russ.)
12. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. (A. N. Baranov, English-Russian Transl., Ed., Foreword). Moscow, 2004. 256 p. (In Russ.)
13. Laertskiy D. Lives, teachings, and sayings of famous philosophers. (A. F. Losev, Ed.; M. L. Gasparov, Transl.). Moscow, 1986. 571 p. (In Russ.)
14. Likhachev D. S. Selected works on Russian and world culture. (A. S. Zapesotskiy, Comp., Ed.). St. Petersburg, 2015. 540 p. (In Russ.)
15. Rudakova A. V. Cognitology and cognitive linguistics. Voronezh, 2004. 80 p. (In Russ.)
16. Cherneyko L. O. Linguo-philosophical analysis of abstract names. Moscow, 1997. 349 p. (In Russ.)

Received: 30 September, 2019

ЮЛИЯ ВАСИЛЬЕВНА МИЛЮТИНА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Института русской и романо-германской филологии

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (Брянск, Российская Федерация)
julchik-sed@bk.ru

Рец. на кн.: Страна Бондалетия : Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / сост. Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; отв. ред. О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А. Ю., 2019. – 264 с.

Значительным событием для филологического сообщества в 2019 году стал выход в свет сборника статей и материалов, посвященных памяти Василия Даниловича Бондалетова, российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета. В. Д. Бондалетов – автор 615 публикаций, среди которых более 20 книг научного и учебного содержания [6]. Особенно отметим первое учебное пособие по такой важной проблеме, как «Русская ономастика» (1983), поставившее имя В. Д. Бондалетова в одном ряду с классиками этой науки [1].

Рассматриваемый сборник раскрывает жизненный путь В. Д. Бондалетова, его вклад в развитие социолингвистики, ономастики, диалектологии, стилистики, подготовку педагогических кадров в Пензенской области. В сборнике представлены воспоминания коллег, студентов и аспирантов из разных городов и стран, друзей и родственников ученого.

В структуру книги входят две части и приложение. Сборник открывается вступительной статьей доктора филологических наук, профессора О. В. Никитина (Москва) «Профессор тайноречия», в которой рассказывается об основных вехах жизни и творчества Василия Даниловича,

«человека, открывшего науке прекрасную страну, в которой жили почти сказочные герои – неведомые слова, забавные предложения и диковинные звуки, окрылявшие его надеждой вступить в непознанный мир филологической науки и, подобно великим учителям прошлого, сделать свое настоящее открытие» [8: 3].

Как отмечает О. В. Никитин, самым ярким, получившим общественное признание трудом стала книга В. Д. Бондалетова «В. И. Даль и тайные языки в России» (М., 2004), в которой впервые были опубликованы четыре рукописных лексикона В. И. Даля: «Словарь офенского языка», «Русско-офенский словарь», «Словарь тайных слов шерстобитов» и «Словарь петербургских мазуриков», а также их обстоятельное лингвокультурологическое исследование [8: 8]. Также незаме-

нимым учебником стала книга В. Д. Бондалетова в соавторстве с Н. Г. и Л. Н. Самсоновыми «Старославянский язык: Таблицы. Тексты. Учебный словарь» (в 2018 году вышло девятое издание). О. В. Никитин подчеркивает:

«Он всегда насыщал книги свежими идеями, материалами и публикациями, превращал чтение в увлекательное, чуть назидательное и полезное общение с грамматикой и стилистикой, с древними и современными языками. Василий Данилович хранил этот культ в себе и зарождал его в своих учениках» [8: 9].

В одной из заметок о В. Д. Бондалетове профессор Московского государственного областного университета Л. П. Рупосова так написала о пензенском лингвисте:

«В. Д. Бондалетов “ворвался” в отечественную и мировую лингвистику со своей, в те времена “неудобной” темой – социально-профессиональные языки на территории Европейской части СССР. Подобные образования со времен В. И. Даля не замечались, можно сказать, даже игнорировались и не изучались. Но после выступления Василия Даниловича в Москве <...> и выхода его работ стало очевидным, что традиционная картина социального членения русского языка нуждается в серьезной коррекции» [7: 26].

Отличительной особенностью первой части «Рыцарь отечественной социолингвистики: воспоминания, встречи, заметки на полях памяти» являются статьи, написанные его коллегами, друзьями и учениками. Они сопровождаются фотографиями из личного архива ученого и материалов кафедры. Внимание авторов воспоминаний к личности, жизни и научной деятельности В. Д. Бондалетова связано не только с необычайной широтой его взглядов и научных интересов, но и с его уникальными личностными качествами – глубокой порядочностью и добротой. В очерках отмечен дар преподавателя, которым обладал ученый, ведь он воспитал целую плеяду талантливых исследователей.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела исторической лексикографии

Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН Л. Ю. Астахина (Москва) вспоминает В. Д. Бондалетова как давнего друга, с которым познакомилась еще в Вологде:

«Он был в ударе: шутил, рассказывал истории из своей диалектологической практики, приводил смешные случаи толкования незнакомых слов из тайных языков» [8: 18].

Т. Е. Баженова (Самара) отмечает роль В. Д. Бондалетова в становлении ареальной лингвистики как одного из лучших представителей Самарской языковедческой школы:

«В. Д. Бондалетов на всю жизнь сохранил интерес к неизведанному, новому, потрясающая интуиция помогала ему находить неисследованные стороны языка. Во многих направлениях научных изысканий он был в числе первопроходцев: в изучении говоров Среднего Поволжья; в разработке типологии социальных диалектов; в поиске новаторских подходов в ономастике» [8: 22].

Доктор филологических наук, профессор Г. А. Богатова (Москва) вспоминает знакомство с ученым во время подготовки издания «Словаря русского языка XI–XVII вв.». В Институт русского языка часто приходили внештатные консультанты, помощники, архивисты, за справками о том или ином слове обращались ученые из многих городов. Таким посетителем был и В. Д. Бондалетов. Его всегда интересовали диковинные слова – арготизмы [5].

«И хотя картотека включала выписки и цитаты из рукописных памятников и печатных изданий “культурных” книжников, он всегда уважительно относился к нам, потому что понимал, что труд словарника – особый. К 1960-м годам и относятся мои заметки о знакомстве с Василием Даниловичем. Именно тогда он стал приезжать к нам в институт. Его прежде всего интересовали говоры, и кандидатскую диссертацию он посвятил местным поволжским диалектам» [4].

В статье «Памяти Василия Даниловича Бондалетова» известные лингвисты Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, О. И. Фоякова вспоминают яркие доклады ученого на многих международных конгрессах и конференциях по славистике и русистике, социолингвистике, ономастике в Братиславе, Будапеште, Бухаресте, Киеве, Берлине, Варшаве, Вене, Загребе, Москве, Петербурге, Щецине и других городах. Отмечают его значимость и огромную роль в организации и проведении регулярных зональных конференций по теме «Ономастика Поволжья», где он сотрудничал с их основателем В. А. Никоновым, профессором В. И. Супруном и другими коллегами, выступая с докладами и организуя издания очередных сборников с материалами этих конференций [8: 39–40].

В статье профессора Н. С. Ганцовской (Кострома) и старшего научного сотрудника учебно-научной исследовательской лаборатории

«Лексикология и лексикография» Г. Д. Негановой (Кострома) отражена проблема отношения ученого к научной деятельности поунженского краеведа А. В. Громова, который не был кандидатом наук, но был знатоком своего родного края. В. Д. Бондалетов, говоря о значимости его творчества, отмечал: «Широкий круг людей считал его “чужаком” и назвал его, по-народному кратко и точно – Костромской Даль» [3: 14–15]. В завершение одной из конференций в Костроме Василий Данилович подчеркнул:

«Мне хочется поклониться всем, кто верен памяти А. В. Громова, кто пригласил и назвал меня на эту конференцию. Про таких людей великий сын Земли Русской Н. А. Некрасов сказал: “Золото, золото – сердце народное”» [3: 16].

Эти слова помещены как приветствие в сборник по материалам конференции памяти А. В. Громова (Первых Громовских чтений) «Русское слово и Костромской край» [8: 42].

В статье Г. И. Канакиной (Пенза) и Г. Е. Горланова (Пенза) приводятся основные вехи жизни ученого: детские, юношеские, студенческие, аспирантские, преподавательские годы, работа в диалектологической экспедиции, воспоминания учеников разных лет и коллег по кафедре.

Описанию первой встречи с Василием Даниловичем и заседаниям диссертационного совета посвящена статья В. Н. Гришановой (Орел) [8: 49]; о Бондалетове-учителе ярко, живо и эмоционально пишут Г. М. Кириллов (Пенза) [8: 58], Л. С. Кириллова (Пенза) [8: 68], М. И. Кириллов и другие авторы. Об одной маленькой истории о тайных языках рассказывает статья М. Н. Приёмшевой (Санкт-Петербург). Ученый раскрывает значение социодиалектов в системе языка. Несомненно, это заслуга профессора Бондалетова: «Василий Данилович был не просто исследователем и ученым, который единственный в России и в мире такими знаниями обладал, он на новом уровне продолжил исследования» [8: 117].

Профессор Л. П. Рупосова (Москва) дополняет детали к портрету ученого, которого знает очень давно, отмечая такие качества, как доброту, обаяние, легкость в общении, увлеченность филологией и др. [8: 129]. Профессора Г. В. Судаков (Вологда) и В. И. Супрун (Волгоград) описывают незабываемые встречи с В. Д. Бондалетовым: «Он никогда не утихал, все время что-то рассказывал, был всегда на подъеме идей, планов – он творил как Филолог и жил этой наукой» [8: 132]. Профессор А. Т. Хроленко (Курск) в статье «Другу и соавтору» подчеркивает самое главное качество ученого: «Среди Ваших душевных и интеллектуальных достоинств всегда выделяю свойство редкое – русскость в самом глубоком и широком значении этого слова» [8: 143]. Профессор И. Ф. Шувалов, проработав с В. Д. Бондалетовым более 55 лет, отмечает

в нем вьедливость, настойчивость, информированность и бескорыстие. Он до конца своей жизни был предан только одной женщине – науке [8: 146].

Для Е. Ф. Шустиковой (Пенза) В. Д. Бондалетов – родной дядя, жизнь которого очень ценна и дорога для нее. Ее великолепный очерк, насыщенный многими биографическими данными, позволяет по-другому взглянуть на великого ученого [8: 150–152].

Второй раздел сборника под названием «Наука скрытых смыслов: слово – текст – интертекст» объединяет статьи, посвященные различным направлениям в языке. Их тематика разнообразна: вопросы диалектной лексики как основы самобытности орловских говоров (Т. В. Бахвалова, Орел) [8: 158]; отражение мировосприятия носителей говоров в диалектном слове (В. Н. Гришанова, Орел) [8: 177]; рассмотрение имен собственных в фольклорном тексте, их состав и функционирование (Н. В. Патроева, Петрозаводск) [8: 213]; проблемы, связанные с семантикой маргинальных фразеологизмов (А. В. Жуков, Великий Новгород); топонимические аспекты донской народной культуры (Е. В. Брысина, В. И. Супрун, Волгоград) [8: 170]. В статье профессора И. Г. Добродомова (Москва) проводится исследование, посвященное одному из офенских слов русского языка [8: 181]. Интересны материалы статьи И. А. Королевой (Смоленск), посвященные не только ономастике как особой отрасли лингвистики, но и ономастической школе, у истоков которой стоял Василий Данилович [8: 194].

Профессор Т. П. Лённгрен (Норвегия) отмечает разнообразие исследовательских интересов ученого, которые

«объединены одной общей чертой – стремлением слависта разгадать скрытые смыслы русского слова: будь то диалектное слово в говоре родного села или в профессиональном языке русских ремесленников и торговцев, арготизм в народном говоре, греческое за-

имствование в условных языках или в русских, украинских, белорусских и польских арг, тюркское или финно-угорское заимствование в русском арг, в тайных языках России или имени собственном и т. д.» [8: 199].

Средствам номинации и характеристики персонажа компьютерной игры как воплощению антропоцентричности языка посвящена статья профессора А. Р. Поповой, в которой

«интересно прослеживается, как именно воспринимается и отражается в одном из социолектов личность – репрезентант человека, личность виртуальная, персонаж компьютерной игры» [8: 218].

Завершает книгу статья Н. В. Халиковой (Москва) «Вопросы художественной стилистики в работах профессора В. Д. Бондалетова» [8: 241], в которой автор показывает работу профессора по созданию учения о стилистике, в том числе по решению вопросов о языке художественной литературы. Одна из первых его статей «Самарские маршруты Льва Толстого: историко-филологический комментарий» [1] интересна тем, что к языку писателя ученый подошел с той позиции, которую он сам знал лучше всего, – со стороны диалектолога. С 1945 по 1970 год он сам, будучи уроженцем самарского Заволжья, прошел по маршрутам Л. Толстого. В статье описываются особенности языковой личности Л. Н. Толстого, неравнодушного к живой, подлинной речи крестьян [2: 243].

Очевидным достоинством книги является приложение, в котором помещены фотографии, отражающие разные стороны жизни ученого.

Сделанная с любовью к русскому языку и личности В. Д. Бондалетова, написанная разными авторами удивительно слаженно, книга будет полезна не только специалистам-филологам, но и всем интересующимся актуальными проблемами регионального культурно-исторического знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика: Учеб. пособие. М., 1983.
2. Бондалетов В. Д. Самарские маршруты Льва Толстого: историко-лингвистический комментарий // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля. Тула, 1971. С. 408–415.
3. Бондалетов В. Д. Филолог по призванию: приветствие конференции // Русское слово и Костромской край: Сб. ст. / Отв. ред. Н. С. Ганцовская, О. Н. Крылова. СПб., 2013. С. 15–17.
4. Никитин О. В. Памяти профессора Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018) // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2018. № 4. С. 108–112.
5. Никитин О. В. Социальные диалекты как особый тип языка (об исследованиях арготических микросистем проф. В. Д. Бондалетова) // Четвертые Поливановские чтения: Сб. науч. ст. по материалам докладов и сообщений. Ч. II. Смоленск, 1998. С. 24–37.
6. Отечественные лексикографы XVIII–XX вв. / Под ред. Г. А. Богатовой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русская панорама, 2011. 639 с.
7. Рупосова Л. П. В. Д. Бондалетов // Библиографический указатель по русистике, славистике, лингвистике: профессор Василий Данилович Бондалетов / Отв. ред. Е. С. Скобликова. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2003. С. 26–27.
8. Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / Сост. Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов; Отв. ред. О. В. Никитин. Пенза: ИП Соколов А. Ю., 2019. 264 с.

Поступила в редакцию 28.02.2020

НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА ПАВЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры начального образования, общей и социальной педагогики Института педагогики и психологии
Череповецкий государственный университет (Череповец, Российская Федерация)
npp55@mail.ru

Рец. на кн.: Елисеева, М. Б. **Справочник по орфографии и пунктуации : практическое пособие / М. Б. Елисеева, Б. М. Шульман, Е. Г. Ковалевская. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 322 с.**

В русской лексикографической традиции заметное место занимают орфографические словари, справочники по орфографии, пунктуации, литературному редактированию и культуре речи. Среди них выделяются как словари и справочники общего типа [5], [10], так и справочники, посвященные отдельным наиболее трудным вопросам русского правописания [1], [4]. В последние годы опубликовано немало изданий комплексного типа, включающих материалы по написанию, произношению, словообразованию, этимологии [11]. Следует отметить, что публикация «Справочника по орфографии и пунктуации: практическое пособие» М. Б. Елисеевой, Б. М. Шульман, Е. Г. Ковалевской [2], выдержавшего пятое издание, стала заметным явлением в лингвистической литературе, посвященной вопросам нормирования в области русской орфографии и пунктуации, что объясняется несколькими причинами.

Общеизвестно, что сегодня в России продолжают использовать в качестве основного документа, регламентирующего правописание, «Правила русской орфографии и пунктуации», утвержденные Академией наук СССР в 1956 году [6]. При этом неоднократно предпринимались попытки «улучшить» русскую орфографию (правила постановки знаков препинания при этом практически не затрагиваются), но они не стали новыми общеобязательными нормами.

Словари-справочники Д. Э. Розенталя по-прежнему являются классическими пособиями при решении сложных вопросов русского правописания [7], [8]. Однако необходимо сказать, что последние версии этих справочников (включая интернет-издания) созданы уже не самим автором, поэтому допускают некоторые отступления от текстов Д. Э. Розенталя.

Наиболее полным орфографическим словарем сегодня является «Русский орфографиче-

ский словарь» под редакцией В. В. Лопатина и О. Е. Ивановой [9]. В его четвертом издании насчитывается более 200 000 слов. При этом существует и его электронная версия. Единственное, что затрудняет использование данного словаря, – значительный объем словника. В повседневной жизни не всегда можно найти время справиться о правописании того или иного слова в подобном массиве. Аналогично не всегда просто (студенту, школьнику) сориентироваться и в «Правилах русской орфографии и пунктуации» [5]. Безусловно, тем, кто хочет самостоятельно повторить / познакомиться с основными правилами, необходимо новое, более совершенное изложение основных правил, которыми руководствуется пишущий. Именно таким «практическим пособием» является выдержавший уже пятое издание «Справочник по орфографии и пунктуации: практическое пособие» [2]. Данная книга, как справедливо отмечают авторы, «предназначена в первую очередь для студентов, преподавателей вузов различных профилей, корректоров и редакторов, школьников, овладевающих нормами письменной и устной речи, учителей русского языка, помогающих ученикам в этом нелегком труде» [2: 11].

При первоначальном знакомстве с изданием бросается в глаза новый подход авторов к изложению и группировке материала. Он отличается от традиционного, принятого в большинстве пособий подобного рода. При рассмотрении вопросов орфографии используется комплексный подход к рассмотрению существующих правил. Так, например, в один раздел объединены нормы употребления гласных или согласных в суффиксах существительных, прилагательных и наречий. Аналогично рассматриваются и другие орфографические разделы: «Дефис в написаниях слов, относящихся к различным частям речи» включает темы: «Сложные существительные»,

«Иноязычные имена и фамилии», «Существительные, выступающие в роли однословных приложений», «Сложные прилагательные», «Другие части речи». Подобная группировка значительно облегчает работу читателя, экономит время на повторение / изучение правила.

Композиция «Справочника...» и каждого раздела отражает, на наш взгляд, основные цели авторов: дать возможность оперативно сориентироваться в материале, напомнить правила, трудные случаи и исключения. Этому способствует и построение каждого раздела темы «Орфография», который включает правило, обязательно подкрепленное примерами; список трудных слов на данное правило, данных парами, противопоставленных друг другу, отличающихся только одной буквой; наиболее трудные случаи и исключения из данного правила. Рассмотрим конкретный пример. При изложении норм правописания проверяемых гласных читателю предлагается правило:

«В неударном слоге корня слова пишется та же гласная, что и в соответствующем ударном слоге однокоренного слова или другой формы того же слова: объединить – единый, сторожа – сторож».

Далее следуют «трудные слова» типа благо-словить (блáго, слóво), вообразить (óбраз, обрáзчик) и подобные случаи. Обращается внимание на различие написания гласных в парах слов: умалять (мáло) – умолять (мóлит) и пр. Отмечена необходимость запоминания исключения из общего правила: «гласные о – а в неударных корнях глаголов совершенного вида нельзя про-верять глаголами несовершенного вида: затопить – затóпит» [2: 15].

Одна из самых трудных тем орфографии «-Н- и -НН- у существительных, прилагательных, причастий и наречий» изложена в доступной, запоминающейся форме с постоянным использованием примеров, сравнивающих названные орфографические явления [2: 33–34].

Во второй части пособия «Пунктуация» изложены правила постановки знаков препинания, которые, как и в первой теме, сгруппированы особым образом. Например, при рассмотрении постановки тире материал организован как своеобразный сводный указатель: «Тире ставится» – «Тире не ставится», то есть в один параграф объединены различные с точки зрения традиционного синтаксиса явления. Подобный подход дает возможность читателю при возникающем затруднении быстро найти необходимую информацию. Единственное, что хотелось бы еще увидеть на страницах пособия, – это материал, посвященный авторской пунктуации, которая

является нестандартной, зачастую противоречащей нормам.

Особого разговора требует материал, дополняющий разделы «Орфография» и «Пунктуация». Прежде всего это «Словарь по культуре устной речи». Этот небольшой по объему словарь составлен на основе примеров из «живой» речи студентов РГПУ имени А. И. Герцена. Он является своеобразным путеводителем по разделу «Вариативность нормы литературного языка». Иллюстративный материал убедительно показывает, какие языковые процессы протекают сегодня в языке, например, постановка ударения в слове «мáркетинг» или «маркéтинг».

В пособии выделены отдельные разделы: «Склонение фамилий и личных имен», «Особенности склонения числительных», «Словарь-минимум по орфографии», «Краткий толковый словарь заимствованных слов». Следует отметить, что все данные представленных небольших словарей выверены авторами пособия на основе академических словарей, которые и явились первоисточниками. Кроме того, использованы и новые словари, в том числе портала «Грамота.ру».

В пособии помимо правил даны вводные, обучающие и итоговые тесты по разделам «Орфография», «Пунктуация», «Культура речи», «Заимствованные слова». Правильность выполнения предложенных заданий можно проверить по ключам к тестам.

Завершает «Справочник...» раздел, в который вошли «Рекомендуемая литература» и «Новые издания по дисциплине “Русский язык и культура речи” и смежным дисциплинам», что также поможет читателю сориентироваться в потоке имеющейся справочной литературы, учебных изданий.

В ходе знакомства с книгой возникает удивительное ощущение: авторы любят и знают русское правописание и произношение и стараются передать эту любовь читателям уже с первых страниц издания. На это сразу настраивает Предисловие к книге, написанное в форме, не принятой в академической научной среде. Это своеобразное, настраивающее на серьезный разговор обращение к будущему читателю в доступном научно-популярном изложении.

Думается, что переиздание «Справочника по орфографии и пунктуации» является актуальным в наши дни, когда, по образному выражению М. А. Кронгауза, русский язык находится «на грани нервного срыва» [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П., Чельцова Л. К. Слитно или раздельно? (опыт словаря-справочника). М.: Русский язык, 1976. 480 с.
2. Елисеева М. Б. Справочник по орфографии и пунктуации: Практическое пособие / М. Б. Елисеева, Б. М. Шульман, Е. Г. Ковалевская. 5-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 322 с.
3. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2008. 232 с.
4. Лопатин В. В., Чельцова Л. К., Нечаева И. В. Прописная или строчная? Орфографический словарь русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 506 с.
5. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 478 с.
6. Правила русской орфографии и пунктуации: Утв. Акад. наук СССР, М-вом высш. образования СССР и М-вом просвещения РСФСР. М.: Учпедгиз, 1956. 176 с.
7. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Под ред. И. Б. Голуб. М.: Рольф, 1999. 361 с.
8. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку: Правописание, произношение, литературное редактирование / Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. М.: Айрис-пресс, 2010. 491 с.
9. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 879 с.
10. Соловьев Н. В. Русское правописание: Словарь. Комментарий. Правила: Орфогр. справ. СПб.: Норинт, 1997. 847 с.
11. Тихонов А. Н., Тихонова Е. Н., Тихонов С. А. Словарь-справочник по русскому языку: Правописание. Произношение. Ударение. Словообразование. Морфемика. Грамматика. Частота употребления слов / Под ред. А. Н. Тихонова. М.: Цитадель, 1999. 703 с.

Поступила в редакцию 26.02.2020

X Всероссийская научная конференция (с международным участием)

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ В СЛОВЕСНОСТИ

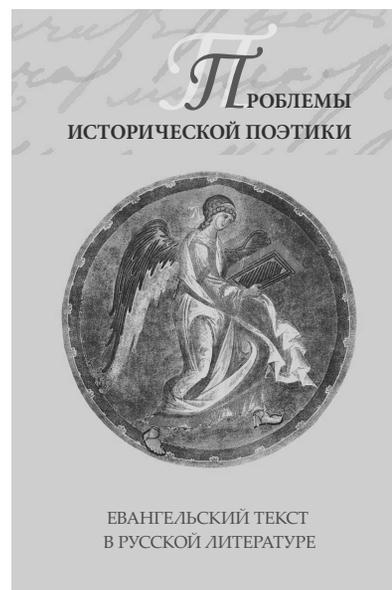
8–11 июня 2020 года

Кафедра классической филологии, русской литературы и журналистики, Web-лаборатория Института филологии Петрозаводского государственного университета проводят десятую Всероссийскую научную конференцию (с международным участием) «Евангельский текст в русской словесности», задача которой – продолжить коллективную работу по разработке новой концепции русской литературы.

Материалы предыдущих конференций опубликованы в научном журнале «Проблемы исторической поэтики» <http://poetica.pro/>.

Предлагается обсудить следующие темы:

- Христианство и русская словесность
- Православие и категории русской культуры
- Евангельские традиции в русской прозе и поэзии
- Русский Христос: национальный образ Спасителя в русском искусстве и словесности
- Русские писатели и Евангелие
- Эстетическое христианство в русской литературе рубежа веков
- Европейские споры о Христе и их русские отражения
- Христос и Антихрист
- Модернизм, христианство и антихристианство в русской литературе
- Христианская символика в русской литературе: символы имени, места и времени
- Рождественские и пасхальные рассказы
- Евангельские жанры русской литературы: притча, молитва, житие и др.

Председатель организационного комитета: Андрианова Ирина Святославовна, к. филол. н., заведующая Web-лабораторией Института филологии, заведующая сектором научных электронных журналов ПетрГУ, заведующая редакцией научных журналов «Проблемы исторической поэтики» и «Неизвестный Достоевский»

Сопредседатель организационного комитета: Соболев Николай Иванович, к. филол. н., доцент, зам. заведующего кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики ПетрГУ

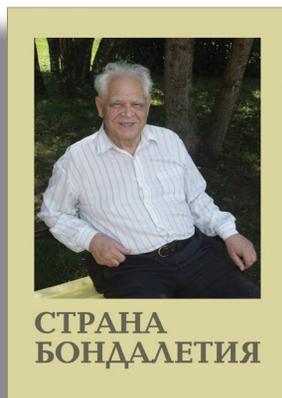
Председатель программного комитета: Пигин Александр Валерьевич, д. филол. н., ведущий научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, ведущий научный сотрудник сектора фольклористики с фонограммархивом Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Сопредседатель программного комитета: Есаулов Иван Андреевич, д. филол. н., профессор кафедры русской классической литературы и славистики, Литературный институт им. А. М. Горького

Материалы конференции будут опубликованы в специальном сборнике тезисов; научные статьи, написанные по результатам конференции, – в научных журналах «Проблемы исторической поэтики», «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» и «Неизвестный Достоевский».

CONTENTS

Editorial note 7 LITERARY STUDIES <i>Golovacheva E. A., Sedelnikova O. V.</i> THE CONCEPT OF <i>FAMILY</i> IN THE MEANING- MAKING STRUCTURE AND POETICS OF FYODOR DOSTOEVSKY'S NOVEL <i>CRIME AND PUNISHMENT</i> 8 <i>Semiachko S. A.</i> THE HISTORY OF THE KIEVAN CAVES MO- NASTERY DISCIPLINARY CHARTER 19 <i>Sharapenkova N. G.</i> "COLOR SHADES ORNAMENT": THE SYM- BOLISM OF COLORS IN ANDREI BELY'S NOVEL <i>MOSCOW</i> 25 <i>Nadezhkin A. M.</i> "THE LORD RECONCILES THE HEARTS OF PRINCES". TWO PATROLOGICAL TRADI- TIONS IN THE COMMENTARY AND TRANS- LATION OF THE VERSE FROM JOB 12:24. 34 <i>Naumchik O. S., Smirnov V. N.</i> CONCEPT OF THE MULTIVERSE IN FANTASY LITERATURE: FROM MOORCOCK TO SAP- KOWSKI 43 <i>Abrosimova D. D.</i> FOLKLORE COLLECTOR ALEXEY MOISEYEV. 52 <i>Kunilskaya D. S.</i> KONSTANTIN LEONTIEV'S "BYZANTISM" IN THE CONTEXT OF RUSSIAN DISPUTES 58 LINGUISTICS <i>Khrakovsky V. S.</i> CAUSAL VS CAUSATIVE CONSTRUCTIONS 64 <i>Lönngrén L.</i> THE RUSSIAN PREPOSITION <i>O</i> WITH THE ACCUSATIVE CASE: A VALENCY ANALYSIS 71	<i>Patroeva N. V.</i> RHETORICAL THEORY AND PRACTICE OF M. V. LOMONOSOV IN THE MIRROR OF DIC- TIONARIES 78 <i>Zagrebel'nyy A. V.</i> AUTHOR'S PAROEMIA <i>SO MUCH FOR A CON- STITUTION, GRANDMOTHER!</i> IN THE RUS- SIAN LANGUAGE OF THE EARLY XX CEN- TURY 85 <i>Kuzmina I. S.</i> IDIOSTYLISTIC ASPECTS OF TEXTUAL RE- FERENCE IN ENGLISH-LANGUAGE WORKS FOR CHILDREN 91 <i>Sherstneva E. S.</i> RETRANSLATION WITHIN THE EVOLUTION OF TRANSLATORS' RECEPTION OF THE ORIGINAL: CULTUROLOGICAL AND ETHI- CAL ASPECTS 96 <i>Avetisyan A. F.</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF VERBAL AND NON-VERBAL REPRESENTATIONS OF THE CONCEPT OF <i>FEAR</i> (USING THE GOSPEL TEXTS AND CHINGIZ AITMATOV'S NOVEL <i>THE SCAFFOLD</i>) 103 Reviews <i>Milyutina Yu. V.</i> The book review: The country of Bondaletia: col- lected works in memoriam of Vasily Danilovich Bondaletov (1928–2018), Russian linguist, Profes- sor of Penza State University 111 <i>Pavlova N. P.</i> The book review: Eliseeva M. B. A practical guide to spelling and punctuation. 114 Scientific information 117

СТРАНА БОНДАЛЕТИЯ

Книга посвящена профессору В. Д. Бондалетову и раскрывает жизненный путь ученого с мировым именем, его вклад в развитие социолингвистики, ономастики, диалектологии, стилистики, подготовку педагогических кадров в Пензенской области. В сборнике представлены воспоминания коллег, студентов и аспирантов из разных городов и стран, друзей и родственников В. Д. Бондалетова; читатели могут ознакомиться с анализом его филологического наследия.

Для научно-педагогических работников, деятелей культуры и просвещения, широкого круга филологов, историков, этнографов и краеведов.

Страна Бондалетия : Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / сост. Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; отв. ред. О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А. Ю., 2019. – 264 с.

Отзыв на сборник читайте в рубрике «Рецензии»

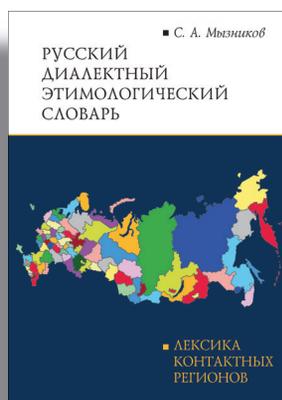
М. Б. Елисеева, Б. М. Шульман, Е. Г. Ковалевская СПРАВОЧНИК ПО ОРФОГРАФИИ И ПУНКТУАЦИИ

В настоящем пособии представлены особенности орфографии и пунктуации русского языка. В нем рассмотрено правописание определенных букв и дефисные, слитные и раздельные написания, а также правильная постановка всех возможных знаков препинания в предложениях.

Предназначено для студентов, преподавателей вузов различных профилей, ректоров и редакторов, школьников, овладевающих нормами письменной и устной речи, учителей русского языка.

Елисеева, М. Б. Справочник по орфографии и пунктуации : практ. пособие / М. Б. Елисеева, Б. М. Шульман, Е. Г. Ковалевская. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2020. – 322 с.

Отзыв на справочник читайте в рубрике «Рецензии»

С. А. Мызников РУССКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ Лексика контактных регионов

Данная работа опирается на богатейшие данные по русским говорам, хранящиеся в различных картотеках, и на полевые авторские материалы, которые собирались более 30 лет. Представлены материалы, записанные автором на территории Северо-Запада, Поволжья, Южного Урала, Центральной России, Казахстана и т. п. В работе сочетаются традиционные методы этимологического анализа (детальный анализ фонетических, семантических соответствий взаимодействующих единиц, включение историко-культурного компонента, адаптационные изменения в системе языка-реципиента) с комплексным ареальным и лингвогеографическим обследованием региона. Впервые предпринимается попытка проанализировать с этимологической точки зрения значительную часть неисконной лексики русских говоров.

Книга предназначена для лингвистов, специалистов по диалектологии, этимологии, этнографии, а также для широкого круга специалистов, интересующихся славянскими, финно-угорскими языками, языковыми контактами.

Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1076 с.

Л. Н. Колесова ДЕТСКИЕ ЖУРНАЛЫ РОССИИ (начало XXI века)

Учебно-методический комплект «Детские журналы России» состоит из трех книг: первая, вышедшая в 2014 году, охватывает весь дореволюционный период (1785–1917), вторая – советский период и десятилетие постсоветского периода (1917–2000), третья книга посвящена началу XXI века. Структура книг одинакова. Объединение в одном издании учебного пособия, хрестоматии и методических материалов расширяет, углубляет понимание изучаемого курса, экономит время на поиск малодоступных данных.

Книга адресована студентам, изучающим историю отечественных детских журналов, а также будет полезна всем, кто интересуется детской литературой и журналистикой.

Колесова, Лариса Николаевна. Детские журналы России (начало XXI века) : учебно-методический комплект / Л. Н. Колесова ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2020. – 99 с.

ISSN 2542-1077

9 772542 107004